

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2018, № 3 (24)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyshcheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2018, № 3 (24)

Учредитель (соучредители):
**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *S.I. Boyakova*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *С.И. Боякова*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боякова С.И.</i> От выпускающего редактора	10
<i>Слепцов П.А.</i> О некоторых проблемах якутского литературного языка	11

История и археология

<i>Васильев В.Е.</i> Жертвоприношения кэрэх: реликты и новые интерпретации на основе материалов северных саха	20
<i>Сулейманов А.А.</i> «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (конец XIX – начало XXI вв.)	28
<i>Антонов Е.П.</i> Якутия: последние сражения Гражданской войны (поход генерала А.Н. Пепеляева в Якутию в 1922–1923 гг.)	34
<i>Санникова Я.М., Винокурова С.И.</i> Г.Г. Колесов и его рукописи об экономическом положении Колымского округа в 1920-е гг.	43
<i>Винокурова Л.И.</i> Повседневность сельских поселений Северной Якутии в историко-культурном пространстве второй половины XX в.	52
<i>Филиппова В.В.</i> Территориальные особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии в 1980–2010 гг.	58
<i>Григорьев С.А.</i> Экологическое движение в Якутии в конце XX в.	73

Языкознание

<i>Данилова Н.И., Попова Н.И.</i> Высокая школа любви к науке	79
<i>Васильева Н.М., Иванова Н.И.</i> С верою в родной язык	86
<i>Нелунов А.Г.</i> Создатель якутской лексикографической школы	96
<i>Дьячковский Ф.Н., Николаева А.М.</i> П.А. Слепцов – основатель семасиологических направлений якутской лексикологии	103
<i>Курилова С.Н.</i> Проблемы становления общенациональных норм юкагирского литературного языка	112

Шарина С.И. Система вербализации в эвенском языке (на материале нижнеколымского говора) 121

Литературоведение и фольклористика

Ларионова А.С. Фольклор русских старожилов Якутии в трудах О.И. Чариной 131

Сведения об авторах 137

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» 140

CONTENTS

<i>Boyakova S.I.</i> From the issuing editor	10
<i>Sleptsov P.A.</i> About some problems of the Yakut language	11

Historical sciences

<i>Vasiliev V.E.</i> Sacrifice Kerekh: Relics and New Interpretations Based on Materials of the Northern Sakha	20
<i>Suleymanov A.A.</i> “Cold Resources” in the Life Support System of Rural Communities of Yakutia. The end of the XIXth – the Beginning of the XXIth Century	28
<i>Antonov E.P.</i> Yakutia: the Last Battle of the Civil War (General A.N. Pepelyaev’s March in Yakutia in 1922–1923)	34
<i>Sannikova Ya.M., Vinokurova S.I.</i> Georgy Georgievich Kolesov and His Manuscripts on the Economic Situation in the Kolyma District of Yakutia in the 1920s	43
<i>Vinokurova L.I.</i> Daily Life of Rural Settlements in Yakutia in the Historical and Cultural Space of the Second Half of the XXth century	52
<i>Filippova V.V.</i> Regional Features of the System of Settlement and Traditional Nature Use of the Indigenous Peoples of the North in Yakutia (1980–2010)	58
<i>Grigorev S.A.</i> Environmental Movement in Yakutia at the End of the XX century	73

Linguistics

<i>Danilova N.I., Popova N.I.</i> High School of Love for Science	79
<i>Vasilieva N.M., Ivanova N.I.</i> With Faith in Native Language	86
<i>Nelunov A.G.</i> The Creator of the Yakut Lexicographic School	96
<i>Dyachkovskiy F.N., Nikolaeva A.M.</i> Sleptsov – the Founder of Semasiological Directions of the Yakut Lexicology	103
<i>Kurilova S.N.</i> Problems of Formation of the National Yukaghir Standard Literary Language	112
<i>Sharina S.I.</i> The Verbalization System in the Even Language (on the material of the Nizhnekolymsky subdialect)	121

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Larionova A.S.</i> Folklore of the Russian Old-Timers of Yakutia in Olga Iosifovna Charina's Researches	131
Information about authors	138
The manuscripts rules	140

От выпускающего редактора

Настоящий номер продолжает серию тематических выпусков журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» и посвящен выдающемуся якутскому лингвисту, отмечающему в этом году свой 90-летний юбилей, заслуженному деятелю науки РФ и РС (Я), лауреату Государственной премии РС (Я) им. П.А. Ойунского и Государственной премии РС (Я) в области науки и техники, доктору филологических наук, профессору Петру Алексеевичу Слепцову.

Уроженец далекого северного Верхнеколымского района, выпускник Якутского пединститута, он пришел в науку, уже имея опыт работы учителем и директором школы, что в дальнейшем ему существенно помогло в научно-организационной работе, а также создании учебников и учебных пособий по якутскому языку. Школа крупного якутоведа проф. Л.Н. Харитонова стала той фундаментальной базой, опираясь на которую, П.А. Слепцов создал впоследствии собственную научную школу, по праву считающуюся в настоящее время одной из ведущих в отечественной тюркологии.

П.А. Слепцов – ученый необычайно широкого диапазона, внесший крупный вклад в развитие не только якутского языкознания, но и всей гуманитарной науки Республики Саха (Якутия). Теоретическая разработка вопросов становления и развития якутского литературного языка; определение статуса языка якутского героического эпоса олонхо как устной формы литературного языка, его периодизации, историографии; создание двуязычных словарей, учебных пособий по якутскому языку для студентов вузов; разработка основных теоретических положений по созданию Большого толкового словаря якутского языка – это только часть сделанного ученым за 58 лет научной деятельности. В настоящее время под редакцией П.А. Слепцова завершается издание 15-томного Большого толкового словаря якутского языка, ставшего одним из приоритетных направлений деятельности ИГИИПМНС СО РАН в последние десятилетия .

П.А. Слепцов – ученый, исследовательская работа которого неразрывно связана с научно-организационной деятельностью: он руководил сектором лексикографии, затем отделом языкознания в ИЯЛИ ЯНЦ СО РАН – ИГИ АН РС (Я), был председателем республиканского общества «Ийэ тыл» («Родной язык»), участником и председателем многочисленных республиканских комиссий по вопросам языкового строительства, одним из основных разработчиков Закона «О языках в Республике Саха (Якутия)». Ветеран по-прежнему в строю, продолжает плодотворно трудиться, пример этого – открывающая номер специально подготовленная для данного издания статья юбиляра.

В целом же настоящий номер журнала представляет попытку обобщить и показать основные направления деятельности П.А. Слепцова, оценить его вклад в развитие мировой и отечественной тюркологии. Разработка ученым проблем развития якутского языка определила во многом современные направления изучения и других языков народов Арктики. Поэтому вполне логичным представляется публикация в данном номере статей, посвященных проблемам изучения эвенского и юкагирского языков. Кроме того, редколлегия сочла уместным представить в историческом направлении журнала ряд статей, посвященных вопросам истории и этнографии северных якутов и коренных малочисленных народов Севера Якутии, как дань уважения и признания вклада в развитие общего североведения выдающегося сына Колымы – П.А. Слепцова.

С.И. Боякова, д.и.н.

Петр Алексеевич Слепцов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.011

УДК 811.512.157

О некоторых проблемах якутского литературного языка

Истоки современного якутского литературного языка были заложены в XIX в. Еще в 1940-х гг. Е.И. Убрятова писала, что обогащению литературного якутского языка способствовало и то, что в него вошло все созданное ранее якутским народом – небольшой дореволюционный опыт литературного языка, остававшегося на границах разных прогрессивных изданий и богатый опыт устного литературного языка и замечательного якутского фольклора.

Истоки якутского литературного языка можно обнаружить в «Воспоминаниях» А.Я. Уваровского (1848), в миссионерских учебниках для якутов, в переводах церковных книг, в «Образцах народной литературы якутов», издаваемых Э.К. Пекарским.

Якутские письменные тексты, рассчитанные на более широкий круг читателей, находим в якутских отделах первых газет, в первом якутском журнале «Саха саната». На страницах этих изданий были напечатаны первые произведения писателей А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, К.О. Гаврилова, В.В. Никифорова, хорошо обработанные фольклорные произведения, собранные С.А. Новгородовым.

Большинство оригинальных публицистических статей в этих газетах и журнале отличаются сочным, выразительным, эмоционально-экспрессивным стилем, в нем органически слились три стихии: непринужденная разговорная речь, обобщенные формы народного обработанного наддиалектного выражения – языка фольклора и ораторской речи. В целом следует заключить, что в этих изданиях появились первые, вполне выразительные ростки особого публицистического стиля – на красочный, орнаментальный, иногда даже аллитерированный

© П.А. Слепцов, 2018

ритмический слог накладываются довольно заметные выражения письменно-литературного происхождения, терминологическое употребление якутских слов, их активизация в контекстах, придающих им необычный в обиходно-разговорной речи социально-политический смысл (таковы например слова типа көнүл 'свобода'; кырдык 'правда'; тэҥ быраап 'равноправие', саҥа (эргэ) олох 'новая (старая) жизнь' и пр.др.).

Судьбы языков, их «самочувствие», развитие и расцвет целиком зависят от состояния и перспектив того или иного литературного языка. В наше время и в будущем «просто» обыденный бытовой разговорный язык не имеет большой перспективы.

Национальный литературный язык является объединяющей, сплачивающей нацию силой, обеспечивает преемственность поколений и поступательное развитие самой нации по пути прогресса и цивилизации. Таким образом, национально-общественное, социально-культурное значение развитого литературного языка трудно переоценить.

Ключевые слова: литературный язык, истоки литературного языка, дореволюционный опыт литературного языка, письменные тексты, язык фольклора, ораторской речи, выражения письменно-литературного языка, терминологическое употребление слов.

Зарождение литературного языка в недрах письменной литературы имеет объективный и стихийный характер в том смысле, что при этом никто не задается специальной целью создавать, созидать литературный язык. Просто к письменному языку существуют определенные требования, более ответственное, более серьезное отношение: письменный текст, книга рассчитаны на длительное время и на разнообразных читателей, и потому пишущие работают не только над содержанием, но и языком своих творений, чтобы быть понятыми адекватно, как можно точнее. При этом следует учесть и то, что в обыденном разговоре слова и их значения мы употребляем часто как бы «на глазок», довольно приблизительно. И этого бывает достаточно, так как взаимному пониманию собеседников помогают интонация, тембр голоса, мимика, жесты, которые иногда более выразительны, чем слова. Автор письменного текста лишен всех этих средств передачи дополнительной информации, и ему остается, чтобы быть понятым адекватно самыми различными читателями и на большие расстояния во времени и пространстве, сосредоточить свои усилия на подборе языковых средств. А это и есть магистральная линия развития любого литературного языка, над которым довлеет основная, фундаментальная функция – быть средством универсального общения.

Таким образом, литературный язык – коллективное творение, результат коллективного спонтанного стремления к обработке, шлифовке, отбору наиболее выразительных, общих (общепонятных) и в то же время наиболее точных, ем-

ких языковых средств в письменной литературе. И каждый автор идет в этом направлении по своему, в меру своего таланта, интеллектуальных сил и знания языка народа. И постепенно в недрах письменной литературы накапливается новое качество языка – языка книжно-письменного, интеллектуального, обогащенного новыми значениями, оттенками и нюансами, золотыми россыпями устойчивых сочетаний и фразеологии. Это язык с обработанными, отшлифованными значениями лексики и фразеологии, грамматическими формами и категориями и, что очень важно, подвергнутый всем развитием письменной литературы и научных, интеллектуальных знаний относительной объективации и экспликации. И потребители книги, может быть, сами того не замечая, в различной мере усваивают это богатство и начинают обогащать им свою речь. Еще великий Вольтер говорил, что, читая авторов, которые хорошо пишут, люди привыкают хорошо говорить. Именно имея в виду книжно-письменное интеллектуальное качество литературного языка, гениальный Пушкин решительно заявлял, что письменный язык оживляется поминутно выражениями, появляющимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Нынешним поклонникам безбрежной разговорной стихии стоило бы задуматься над этими словами великого поэта и преобразователя русского литературного языка. Однако очень важно подчеркнуть, что накопление признаков литературного языка в недрах письменной литературы, последующая их кристаллизация для основной массы

имеют скрытый, подспудный или, лучше сказать, глубинный характер. И по мере осознания литературного языка и его социально-культурного значения появляются так называемые его нормализаторы, обычно энтузиасты-подвижники, одержимые идеей извлечь из толщи книжно-письменной литературы эти качества литературного языка и раскрыть для общества это извлеченное богатство с той полнотой, какую позволяют накопленная письменная литература, языковой вкус, интуиция, знание народной культуры и письменной литературы.

Таким образом, развитие литературного языка имеет двустороннюю природу – объективную, или объективно-стихийную, и сознательную. Последнее, как правило, появляется позже, по мере накопления качеств и свойств литературного словоупотребления в недрах письменной литературы. Таков в концептуальном плане процесс становления литературного языка. Этот путь естественный, объективный, но очень длительный.

Однако в развитии литературных языков бывают счастливые исключения из этого общего правила. История филологии знает случаи, когда выдающиеся деятели культуры, писатели, филологи и общественные деятели начинают упорно, целеустремленно вырабатывать основы литературных языков. И если подобная работа ведется с широким размахом и в перспективном направлении, и если для дальнейшего ее развертывания имеются благоприятные условия и произведения, язык которых сознательно устремлен на литературную нормализацию и которые получают большой резонанс в обществе, то процесс зарождения и становления литературного языка значительно ускоряется.

Вся деятельность А.Е. Кулаковского является подтверждением этого положения.

В лице А.Е. Кулаковского крупнейший национальный поэт, филолог, языковед и этнограф слились в одно неразрывное единство, дополняя и обогащая друг друга.

При этом особенно важно то, что А.Е. Кулаковский очень рано и глубоко понял судьбоносное значение родного языка для будущего якутского народа. Прекрасно изучив общие закономерности, сильные и слабые стороны якутского языка («Я уже тридцать лет изучаю родной язык, вдумывался в его лабиринты, сравнивал его со знакомыми мне языками», – писал он в

1925 г.), он направлял усилия на то, чтобы родной язык достиг высоких вершин в своем развитии, чтобы на нем можно было творить художественные ценности и свободно выражать все понятия культуры, науки и цивилизации. И это закономерно привело А.Е. Кулаковского к широкой постановке проблем якутского литературного языка. Специально не занимаясь теоретическими вопросами литературного языка (он даже сам не употреблял термин «литературный язык», отчего суть дела не меняется), А.Е. Кулаковский тем не менее, поняв огромное социально-культурное значение и сущность литературного языка, направил свое поэтическое творчество и филологические изыскания на то, чтобы заложить широкие демократические основы национального литературного языка. В этом своем устремлении А.Е. Кулаковский был исключительно цельным, последовательным и в поэтическом творчестве, и в лингвистических работах [Кулаковский, 1925].

После А.Е. Кулаковского лидером по развитию и стабилизации норм якутского литературного языка, бесспорно, стал П.А. Ойунский.

Успешному внедрению в жизнь созидательной языковой политики содействовало то, что П.А. Ойунский был до 1926 г. главой руководства республики, подлинным духовным лидером народа, ставшим еще тогда человеком-легендой, имевшим огромный авторитет. И если такой лидер самолично организует коренизацию – это и есть решающее условие успеха дела реализации всей языковой политики.

Как показывает история мировой социолингвистики, созидательная языковая политика и языковое строительство эффективно внедрялись в жизнь в относительно короткие сроки только тогда, когда эту работу возглавляла и контролировала поддержанная широкой общественностью сама государственная власть в лице ее лидеров. Тому примеров много. Достаточно вспомнить деятельность на этом поприще первого Президента Республики Турция Кемаля Ататюрка, который, в упорной борьбе сломив отчаянное сопротивление мусульманских фундаменталистов, перевел турецкую письменность с арабского на латинский, возглавил, как принято считать, настоящую «языковую революцию» по очищению турецкого языка от засилья арабско-персидских слов (в литературном

языке их число доходило до 90%), приближению литературного языка к турецкому народно-разговорному языку и развитию терминологии из собственных ресурсов языка. Такова решающая роль руководящих лидеров в осуществлении языковой политики. И это понятно: язык – средство общения всего народа, и потому только государственная власть, носящая всеобъемлющий характер и воздействующая на все стороны жизни общества, способна реально и эффективно влиять на направление развития общественных и культурных функций языков.

П.А. Ойунский и в 1920-х гг. был не только главой республики, но уже известным писателем, публицистом и ярким народным трибуном, виртуозно владевшим якутским красноречием. Известно, что он по вопросам языковой политики неоднократно выступал публично, ездил по улусам, оставил программные статьи огромной интеллектуальной и мобилизующей силы.

Большое значение во внедрении в жизнь позитивной языковой политики имело то, что П.А. Ойунский на своем высоком посту главы правительства сплотил вокруг себя соратников-единомышленников, которые неизменно его поддерживали. Так, секретари ОК РКП(б) И.Н. Барахов и Е.Г. Пестун написали ряд жестких статей по этому вопросу. Первый секретарь Якутского обкома РКП (б) Е.Г. Пестун в ноябре 1923 г. напечатал передовую статью в газете «Автономная Якутия» под характерным названием «Дорогу якутскому языку!», где он в директивной форме писал: «Ближе к массам – значит обслуживать нужды якутского населения на родном языке. Но уже сейчас безотлагательно приступить к внедрению якутской грамоты среди советских работников, учителей, учащихся и в первую голову среди улусных рабочих, членов РКП и РКСМ. Через некоторое время лицо, не владеющее якутским языком, не имеет права служить в советском учреждении» [Пестун, 1923]. В такой же жесткой форме написал целый ряд статей И.Н. Барахов [Барахов, 1922; 1924] Очень убедительной является статья самого П.А. Ойунского «О целях якутизации» [Ойунский, 1924]. Автор считает, что советская власть становится родной и кровной для трудящихся. Аппарат власти должен соответствовать существу, содержанию самой власти. Поэтому «якутизация» становится «первейшей и неизбежной» государственной за-

дачей в республике. Якутизация органов управления даст возможность трудящимся активно принимать участие в строительстве социалистического общества.

Решающее значение в успешной коренизации государственного аппарата, национальной школы, проведении всей культурной революции имели решительный перелом в политике власти по отношению ко всему населению и устранение архилевацкой, по существу антинародной, политики прежнего руководства, приведшей к разрастанию Гражданской войны до масштабов национального повстанческого движения. В данном случае к нашему сюжету прямое отношение имеет резкий поворот руководства во главе с П.А. Ойунским к национальной интеллигенции. Бережное отношение к ней, политика привлечения к просвещению, культурной работе всей интеллигенции, в том числе беспартийной и на первых порах не принявшей советскую власть, – в этом нельзя не видеть мудрость, дальновидность П.А. Ойунского, который даже обращался к отдельным крупным представителям, дореволюционным деятелям, тойонам (например, В.В. Никифорову). Без интеллигенции, без учителей, образованной элиты невозможны никакая коренизация, реализация самой демократической языковой политики, а не то, что просвещение сплошь неграмотного темного народа.

Первый Всеякутский учредительный съезд Советов (декабрь 1922 г.), принимая во внимание то, что автономия знаменует собой начало культурного возрождения якутского народа, принял специальное постановление, гласящее, что народный комиссариат просвещения является учреждением, имеющим «наиважнейшее значение для Якутии». В этой связи следует подчеркнуть, что вышеприведенный призыв П.А. Ойунского, не жалеть сил и средств на организацию всеобщего просвещения и всеобщей грамотности, не был просто словами. Известно, что для нужд наркомпроса выделялось до 35% бюджета. В те времена тяжелой разрухи выкроить такую сумму – для этого надо было иметь глубокое понимание жизненной важности культуры и мудрую дальновидность, твердую уверенность в ее благих последствиях.

Как видно из документов, была проведена огромная практическая работа, нацеленная на коренизацию (или якутизацию) госаппарата,

всех учреждений и организаций, подготовку кадров, владеющих якутским и русским языками, не говоря о той сложнейшей работе, которая сопровождала внедрение в начальную и особенно семилетнюю национальные школы якутского языка как языка обучения по всем предметам. Однако следует упомянуть такой очень важный и примечательный факт. П.А. Ойунский, будучи председателем Президиума ЯЦИК, завел порядок отчетности всех наркоматов, руководителей учреждений и предприятий республиканского значения о состоянии и ходе коренизации во вверенных ему учреждениях. Вопросы готовили специальные комиссии или уполномоченные ЯЦИК, на местах проверявшие состояние работы. Такая практика стала традиционной (особенно интенсивной она была в первой половине 1930-х гг.) и не прерывалась вплоть до начала 1938 г. Имеется большое количество дел, папок, последние из которых помечены 1938 г. (возможно, под конец уже по инерции). И такая работа возымела действие. Так, в отчете начальника управления связи (едва ли жестко подчиненного республиканским властям), сделанном в июне 1935 г., говорится, что на якутском языке работают телеграфы в Сунтаре, Нюрбе, Вилюе, Мае, Мухтуе, Намцах, Покровске.

Хотя осуществление языковой политики в деталях не изучено, но, по некоторым данным, в ее проведении встречались огромные трудности. Основная причина – это катастрофическая нехватка (особенно в первые годы) кадров и учебных пособий. Надо полагать, что коренизация заметные успехи делала в основном только в якутоязычной среде, а где преобладали русскоязычные, о массовом усвоении якутского языка не могло быть и речи.

Внедрение якутского языка во все общественно важные сферы или, как теперь принято говорить, расширение общественных и культурных функций языка до уровня, близкого к государственному, непременно предполагает новое качество языка – его литературную форму. Государственный язык – это литературный язык национального типа. Чтобы выполнить свое высокое назначение – обеспечить созидательную языковую политику, литературный язык должен иметь хорошо отработанный алфавит, адекватно отражающий звуковые особенности языка, простую надежную орфографию, развитую тер-

минологию по различным отраслям знаний и достаточно гибкую, точную стилистическую систему. Без этого целеустремленная созидательная языковая политика не может быть достаточно эффективной. Поэтому разработка всех этих важнейших элементов литературного языка является составной частью языковой политики, и это хорошо видно из положения о Совете по языковой политике, принятого указом Президента РС (Я) в наше время.

В отработку всех важнейших элементов литературного языка решающий вклад внес П.А. Ойунский. Он организовал и возглавлял первый Совет якутской письменности с широкими полномочиями, затем Комитет якутской письменности, Якутский комитет новотюркского алфавита, который организовал переход якутской письменности на унифицированный тюркский алфавит, перевод и издание учебников и другой литературы на якутском языке. П.А. Ойунский был председателем научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ», затем в 1935 г. стал директором Научно-исследовательского института языка и культуры. Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что П.А. Ойунский лично провел огромную работу по усовершенствованию и стабилизации алфавита, разработке теоретических принципов и правил орфографии, основ терминологии и создал первый крупный терминоорфографический словарь.

Кратко рассмотрим сущность и эволюцию позиции П.А. Ойунского по этим важнейшим вопросам литературного языка. С высоты сегодняшнего дня, современных реалий к деятельности П.А. Ойунского со второй половины 1930-х гг. существует неоднозначное отношение.

П.А. Ойунский хорошо понимал недостатки новгородского алфавита и его системы письма, но исходя из высших принципов стабилизации, как основы, литературного языка и с ним всей духовной культуры народа относился к нему очень бережно и вплоть до марта 1929 г. (до перехода к унифицированному новотюркскому алфавиту) его защищал и одновременно, не покладая рук, работал над его усовершенствованием. Общее мнение якутской общности об историческом значении системы письма С.А. Новгорода выразил П.А. Ойунский в следующих словах: «Транскрипция Новгорода была величайшим орудием культурной

революции среди трудящихся масс неграмотной, отсталой Якутии».

Самыми спорными, до сих пор обсуждаемыми проблемами являются вопросы терминологии и орфографии. Среди них особенно горячие споры вызывают соотношение заимствуемых и исконных терминов и проблемы их орфографирования. Эти вопросы стали оживленно обсуждаться и разрабатываться со второй половины 1920-х гг. П.А. Ойунский, возглавлявший Комитет якутской письменности, затем Якутский комитет новотюркского алфавита, имел осторожную и достаточно взвешенную позицию по этим вопросам. Так, он считал необходимым использовать все богатство якутского языка, в том числе диалектизмы, архаизмы, специфическую лексику из народной терминологии и номенклатуры. Он также считал допустимым задействовать термины из собственных ресурсов наряду с заимствованными параллельно – речевая практика, развитие литературного языка со временем определяют более жизнеспособные варианты; перенимать из русского языка и интернациональные термины, выражающие лишь принципиально новые понятия, для которых нет слов в родном языке. По его твердому убеждению, все термины должны перениматься в фонетизированном виде, подчиняя их жестким законам якутской фонетики и грамматики. Но уже через год П.А. Ойунский сделал оговорки относительно некоторых отступлений от жестких законов фонетизации заимствуемых слов типа Маркс, гиэмиэтирийэ, гиэгирээпийэ, маркысысыым; о возможности перенимать буквы ф, ж, з, как это делается в других языках. В основной теоретической работе, написанной в духе «нового учения о языке» акад. Н.Я. Марра, наряду с верными и перспективными положениями, Платон Алексеевич сделал крен в сторону более свободного заимствования русских и интернациональных терминов, а также предложил «в пределах звуковых возможностей» осуществить «приближение национальных и интернациональных обликов терминов».

Но более резкий поворот в осмыслении дальнейших путей развития якутского литературного языка у П.А. Ойунского произошел в 1936 г. В своей речи на III сессии ЯЦИКа VIII созыва недавно приехавший из цитадели марксизма – из аспирантуры Института националь-

ностей, где директором был акад. Н.Я. Марр, первый кандидат лингвистических наук дал новую установку о путях развития литературного языка в ортодоксальном духе нового учения о языке акад. Н.Я. Марра. Сущность его установки в том, что якутский литературный язык в тисках отсталой фонетической системы переживает огромные трудности в своем развитии. Оратор особо подчеркивает, что мы пишем, изменяя по фонетическим законам нашего языка научно-технические, философские, политические термины, которые все народы употребляют без изменения формы. Язык сильно обогатился в процессе социалистического строительства, в результате чего обнаружилась узость, стесняющая характер фонетической системы. Обогащение языка, его развитие показали, что в нем внедряется, укрепляется морфологическая система, ее законы. Литературный язык, чтобы быть устойчивым, стабильным, должен выйти из узких рамок фонетизма, и потому предлагается пересмотреть алфавит и принципы орфографии. Предлагается принять запасные буквы, рекомендованные еще в 1929 г. ЯЦИКом, обозначающие русские звуки. Придавая огромное значение развитию литературного языка, П.А. Ойунский предлагает вопросы алфавита, орфографии и терминологии решить незамедлительно.

Все последующие выступления П.А. Ойунского по этим вопросам были, с некоторыми оговорками и детализацией, дальнейшим развитием, обоснованием положений этой его речи.

Таким образом, П.А. Ойунский вплотную подвел принципы якутской орфографии и терминологии к тем, которые у нас действовали до середины 1980-х гг. Однако если вникнуть в истоки подобной метаморфозы в важнейших вопросах якутского литературного языка лидера языкового строительства 1920–1930-х гг., то можно указать на объективные и субъективные ее корни и предпосылки [Слепцов, 2003].

Это, во-первых, рано начавшиеся политические репрессии. О них в последние годы написано много, и нет необходимости вновь возвращаться к этому. В условиях нагнетания борьбы с так называемым «местным национализмом и правым уклоном» огромный вред нанесло положение «единственного гениального ученого-марксиста» акад. Н.Я. Марра о классовом харак-

тере языка и языке как надстройке. Это положение Марра в обнаженной и прямолинейной форме господствует и в материалах конференций, и во всех дискуссионных статьях. Школьные программы призывали к борьбе с «классово чуждыми словами», с трибуны языковедческой конференции говорилось о «языке феодальной родовой идеологии, которым увлекается кое-кто из писателей». В статьях и выступлениях Г.В. Ксенофонтова говорилось о скорейшем взрыве якутского языка, ибо «каждая новая социально-экономическая формация должна иметь свой собственный язык». Дело доходило до того, что некоторые горячие головы предлагали создать «новый пролетарский якутский язык и грамматику», отбросив «в хлам истории феодально-байский язык и буржуазные грамматики Поппе и Кюнде». Хотя такие заявления всерьез не воспринимались, но царивший ультракоммунистический ажиотаж среди очень далеких от лингвистики людей вокруг проблем языка пагубно влиял на принятие взвешенных решений по этим сложным вопросам. П.А. Ойунский, всего лишь аспирант, начинающий языковед, естественно, находился под гипнотизирующим влиянием академика Н.Я. Марра и его нового учения о языке, которое превозносили выдающиеся ученые, общественные и политические деятели, кумиры публики тех лет, такие, как А.В. Луначарский, В.Я. Брюсов, Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский, А.М. Деборин и многие другие прославленные ученые и крупные деятели.

Почти господствовавшее мнение о революционном развитии якутского языка явилось основой для введения так называемого «морфологического принципа» в орфографию и пресловутой борьбы с «реакционным нутром фонетической орфографии», а также введения букв, обозначающих русские звуки. Подобные настроения породили негативное отношение к практике создания терминов из собственных ресурсов языка. Основным путем развития якутского литературного языка признавалось заимствование русских и интернациональных терминов. Якутские, из собственных ресурсов, объявлялись служебными, призванными пояснить смысл «настоящих» русских и интернациональных терминов. В данном случае, видимо, проявлялось также негативное влияние недавних репрессий по отношению, в частности, к

соратнику П.А. Ойунского по языковому строительству Г.В. Баишеву.

Профессиональный языковед-тюрколог, воспитанник Ленинградского университета и писатель Г.В. Баишев (Алтан Сарын) предложил оригинальный путь развития якутского литературного языка прежде всего путем создания терминов из собственных ресурсов языка. Будучи ученым секретарем Комитета якутской письменности, он разработал принципы и способы создания терминов и сам создавал множество терминов. Г.В. Баишев был обвинен в буржуазном национализме и в 1929 г. репрессирован.

К принципам терминологии и орфографии с самого начала отношение было неоднозначное. Очень авторитетные оппоненты П.А. Ойунского – языковед Г.В. Баишев, К.О. Гаврилов и их соратники – в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. придерживались в орфографии морфологического принципа. К.О. Гаврилов был «морфологистом» с дореволюционных времен. Они считали необходимым в написании слов сохранять основу слова без изменения (атка, атчыт), ратовали за перенятие в якутский алфавит запасных букв, обозначающих русские звуки, чтобы интернациональные и русские термины орфографировать без изменения их основ, т.е. в русском начертании. После бурных дебатов орфографическая конференция, проведенная 29 декабря 1930 г., за основу якутской орфографии приняла фонетический принцип (П.А. Ойунский и его соратники).

Однако впоследствии П.А. Ойунский, под воздействием различных факторов и учитывая языковую практику, приближался к точке зрения своих оппонентов, которых он очень уважал [Слепцов, 1986]. В то время выдающийся лингвист акад. Л.В. Щерба, проф. Е.Д. Поливанов и особенно по отношению к якутскому языку тюрколог акад. А.Н. Самойлович считали необходимым разумное сочетание обоих принципов. Такова в целом была и установка I тюркологического съезда (Баку, 1926) и научного Совета Всесоюзного Центрального комитета ново-тюркского алфавита.

Современный социолингвист акад. В.М. Алпатов пишет что сильно русифицированные якуты легко приняли новгородовскую латиницу, может быть, из-за авторитета личности рано умершего С.А. Новгородова. Отчасти, конечно,

и так. Но дело в том, что новгородовская латиница была принята вскоре после победы Февральской революции на I Свободном съезде якутов и русских крестьян, и при поддержке П.А. Ойунского к 1923 г. С.А. Новгородов успел выпустить три букваря, одну хрестоматию и отлить большую массу шрифтов для своей латиницы. Кроме того, его начинание поощрялось и подчеркивалось знаменитыми учителями Е.Д. Поливановым, А.Н. Самойловичем и другими корифеями академической науки.

А что касается замечания о «сильно русифицированных якутах», то это совершенно верно. Дореволюционная и послереволюционная якутская интеллигенция, в целом хорошо по-русски образованная, имела вполне понятную русскую ориентацию. Как известно, А.Е. Кулаковский еще в 1921 г. написал статью, где выступил за принятие в якутской письменности русского алфавита, призывал «слишком не увлекаться идеей якутизации, стараться всеми мерами усваивать науки и культурные понятия, а следовательно, и термины старших народов, в данном случае – русских». С.А. Новгородов также считал заимствование терминов из русского языка «само собой разумевшимся».

Все заимствованные слова до середины 1920-х гг. орфографировались приближенными к прототипам. Таковы были привычные навыки старой интеллигенции.

Таким образом, если к разработке проблем орфографии и терминологии подходить конкретно-исторически, а не с позиции сегодняшнего дня, то можно объяснить и понять те колебания и метаморфозы, которые наблюдаются у П.А. Ойунского по этим вопросам. При этом следует думать, что он очень рано понял изменение политики партии и руководства страны, которые все жестче стали проводить курс на русификацию, которая при несбалансированной языковой политике объективно мешала свободному развитию и функционированию языков малочисленных народов.

П.А. Ойунский был и остается выдающимся деятелем языкового строительства Якутской АССР 1920–1930-х гг. Будучи лидером республики и неизменно возглавляя все комитеты и комиссии якутской письменности, непосредственно занимаясь разработкой основных вопросов якутского литературного языка, он воз-

главлял, направлял и организовывал всю эту многогранную и сложную работу, без которой невозможно представить духовное, культурное возрождение народа.

После ухода П.А. Ойунского вопросами развития якутского литературного языка занимались очень вяло, от случая к случаю, в основном ограничивались изредка обсуждением орфографии, в частности, орфографических словарей. В настоящее время в этой области предстоит очень серьезная работа. Следует подготовить монографические и научно-популярные работы, освещающие основные насущные проблемы литературного языка, создать и издать большие и средние (в том числе школьные) словари. При этом большие словари должны содержать различные косвенные грамматические формы.

Весьма актуальным является большой русско-якутский словарь, который, по утверждению Л.В. Щербы, будет способствовать обогащению и активизации лексической системы якутского литературного языка с помощью богатого русского литературного языка.

Следует подготовить и издать большой однотомный якутско-русский словарь, а также большой однотомный толковый словарь якутского языка, абсолютно необходимый для всего якутского населения. Подобный словарь должен быть строго нормативным, способствующим закреплению и пропаганде норм якутского литературного языка. Эти словари должны доходить до школ, учебных заведений и использоваться, изучаться как необходимые учебные пособия. Таким образом, следует распространять, изучать нормы литературного языка, как это делается в развитых странах.

Литература

Баранов И.Н. О якутизации // Автон. Якутия. – Якутск, 1922. – 15 янв.; 1924. – 8 июля; По заветам Ильича. – 1924. – № 5–6 и др.

Кулаковский А.Е. Якутский язык // Сб. тр. исслед. об-ва «Саха кэскилэ». – Якутск, 1925. – Вып.1. – С. 68–79.

Ойунский П.А. О целях якутизации // Автон. Якутия. – 1924. – 11 сент.

Пестун Е.Г. Дорогу якутскому языку! // Автон. Якутия. – 1923. – 22 нояб.

Слепцов П.А. А.Е. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский и время. – М., 2003. – С. 366–407.

Слепцов П.А. О языке первых якутских газет и журнала // Сахалы бастакы хаһыаттар, сурунаал. – Якутск, 2017. – С. 353–367.

Слепцов П.А. Творчество П.А. Ойунского и якутский литературный язык // Якутский язык: история и актуальные вопросы. – Якутск, 1986. – С. 3–17.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 13–69.

Саха дойдута (Якутский край. 1907–1908); Саха олоҕо (Якутская жизнь. 1908–1909), журнал «Саха сангата» (Голос якута. 1912–1913).

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.; Л., 1950. – 304 с.

P.A. Sleptsov

On Some Problems of the Yakut Literary Language

The modern Yakut literary language has its origins in the XIX century. In 1940 E.I. Ubryatova wrote that the enrichment of the literary Yakut language was facilitated by the fact that it included everything created earlier by the Yakut people – a small pre-revolutionary experience of the literary language that remained on the borders of various progressive publications and a rich experience of oral literary language and remarkable Yakut folklore.

The origins of the Yakut literary language can be found in the “Memoirs” of A.Y. Uvarovsky (1848), in missionary textbooks for the Yakuts, in translations of Church books, in “Samples of folk literature of the Yakuts” published by E.K. Pekarsky.

Yakut written texts to a wider circle of readers find in the Yakut departments of the first newspapers in the first Yakut magazine “Sakha Sagata”. The first works of writers A.E. Kulakovsky, A.I. Sofronov, K.O. Gavrilov, V.V. Nikiforov, well-processed folklore works collected by S.A. Novgorodov were printed on the pages of these publications.

Most of the original journalistic articles in these newspapers and magazines are rich, expressive, emotional and expressive style, it was an organic fusion of three elements: informal conversation, generalized forms of folk processed over dialect expression – the language of folklore and oratory. In general it should be concluded that in these publications first appeared, quite expressive sprouts special journalistic style – the colorful, ornamental, sometimes even alliteratively rhythmic syllable overlap quite noticeable expression in writing – literary origin, terminology the use of the Yakut words, their activation in contexts that give them unusual in everyday spoken language socio-political sense (these are for example words like: ‘kunya!’ freedom; kyrd’yk’ truth; ‘teng byraap’ equality, ‘sanga (erge) oloh’ new (old) life, etc.).

In the future, the fate of languages, their “well-being”, development and flourishing entirely depend on the state and prospects of a literary language. In our time and in the future, “just” everyday spoken language has no great prospects.

National literary language is a unifying, rallying force of the nation, ensures the continuity of generations and the progressive development of the nation on the path of progress and civilization. Thus, it is difficult to overestimate the national-social, social and cultural significance of the developed literary language.

Keywords: literary language, sources of literary language, pre-revolutionary experience of literary language, written texts, language of folklore, oratorical speech, expressions of written and literary, terminological use of words.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

В.Е. Васильев

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.002

УДК 394(=512.157)

Жертвоприношения кэрэх: реликты и новые интерпретации на основе материалов северных саха

В статье освещается тема жертвоприношений *кэрэх*, истоки которых имеют глубочайшие связи с первобытными культурами, в трансформированном виде встречающимися в ритуалах перехода в другой мир. Их разновидности ещё требуют специального изучения в рамках общей системы шаманизма. Поэтому намечаются ключевые моменты спорных тем, на которые учёные часто не обращают должного внимания. Важность темы жертвы *кэрэх* в плане методологии касается общей картины представлений о системе шаманизма, в сущности, не уступающей мировым верованиям и не являющейся низшей («подвальной») верой народов Сибири. Предполагается глубоко синкретичный генезис жертвоприношений *кэрэх*, связанный с древним этногенезом саха. Пройдя через культуры индоиранцев, саков и тюрков, *кэрэх* дожил до наших дней, доказав чрезвычайную живучесть мифов и архетипов, заложенных в фундаменте тенгрианства. Северные материалы саха убедительно доказывают контаминацию северных и южных культов: *кэрэх* удивительно сочетается с культом умирающего и воскресающего зверя. Именно по северным сведениям мы можем утверждать, что *кэрэх* ставили не только духам *абааһы*, но и божествам *айыы*, которые обладали функцией творить, но иногда и карать за недостойное обращение к культу предков и небесных покровителей.

Ключевые слова: северные саха, тюрки, монголы, шаманизм, Ыһыах, айыы, абааһы, ранние культы, ритуалы, жертва *кэрэх*.

В настоящее время религиозные ритуалы саха, в частности *кэрэх*, остаются слабо разработанными и осмысленными, поэтому требуют более углубленного подхода для понимания сущности шаманских воззрений. Эти поиски должны пролить свет на дискурс вокруг «белого» и «чёрного» шаманизма в контексте соотношения автохтонных и пришлых компонентов в культуре саха. Дальнейшие поиски истоков жертвоприношений *кэрэх* позволят объективно оценить роль шаманизма в становлении религии народа саха.

Относительно южных корней жертвоприношения *кэрэх*, с одной стороны, мы исходим из теории о скифо-сакских истоках в раннем пласте этногенеза саха, определивших, по мнению учёных, основу «белой» веры в *айыы*. Следы этого обычая прослеживаются у Геродота. Так, согласно его тексту, вокруг кургана царя скифы ставили чучела 50 всадников. Вдоль спинного хребта воинов и их коней пропускали длинные колья. У коней они имели посередине отверстия, с помощью которых рабы насаживались на коней

вертикально. Внутренности вождя заполнялись благовониями, а полости его охранников и их коней набивались отрубями [Геродот, 1972, с. 204–205; Гоголев, 1993, с. 14, 18, 42 и др.].

В описании Геродота методы мумификации людей и коней оставались почти одинаковыми, только бальзамирование трупов вождей требовало дорогих затрат. Однако у алтайских скифов способы мумификации отличались разнообразием. Саки удаляли с мумий все мускулы, оставляя лишь «скелеты в коже». Полости трупов заполнялись растительной массой и зашивались. Во втором Пазырыкском кургане внутри мумии ярко выраженного монголоида обнаружили траву вида осоки [Руденко, 1952, с. 232–236]. Интересно, что осока встречается в *алгысе* саха: «Пусть вырастет трава осока там, где ступала твоя нога».

Семантика ходьбы и ухода в другой свет по траве связывает осоку с древними традициями. Старики помнят обычай отрезания матки стельной коровы или жеребой кобылы через пучок зелёной травы, положенной поперёк места обрезания. Тазовую кость аккуратно отделяют и сверху накрывают пучком «зелёной» травы, приговаривая, чтобы приплод вернулся к жизни в следующем году. Иной случай отмечен у вилюйских саха: в круг из березок *тэтир* входили семеро старцев, опоясав себя, как кишками, длинными пучками зелёной травы, и трижды кружились по солнцу вокруг столба *бабах*, как бы поднимаясь к богу лошадей – *сылгы айыыта*. Коновязь *сэргэ* была украшена тремя шейками и крестом, а под ней, на высоте пяти саженей, находилось гнездо *уйа*. Один певец поднимал чашу и пел гимн *алгыс*, а старцы испивали *кымыс* и, выходя гуськом, садились среди самых почётных членов общества [Боло, 1938, л. 4–6]. Здесь прозрачно видна идея того, что старики временно посещали страну предков, олицетворённую через гнездо.

Символично сочетание столба *бабах* и круга *туһулгэ*, восходящих к шатру, вокруг которого тюрки кружились семь раз, прощаясь с вождём. Саха застилала пол ритуальной *урасы* зелёной травой, а на венчики столбов втыкали ветки берёзы. В этом ключе приведём миф северных бурят. Сначала на земле были одна вода и огонь. Две серебряные лодки *онгосо*, в которых сидели *эсэгэн мөнгөн бахана* («отцовский серебряный столб») и *эхэн алтан тона* или *ума* («материн-

ское золотое влагалище»), проплыли два круга по солнцу, но не встретились. В третий раз они пошли против солнца и сошлись. Поэтому новобрачные, идя под шалью, делают круг против солнца [Хангалов, 1903, с. 192].

Шаль идентична погребально-свадебной маске *амнах* у невест саха. Интересно, что у абыйских саха во время Ыһыаха 40 женщин и девиц совершали три круга против солнца вокруг восточной или «женской» коновязи *сэргэ*. Их выбирали из числа 200 участников, т.е. от каждой семьи по одной представительнице. При выходе из круга они шли птичьим клином, а сзади старшая женщина гнала их серебряным кнутом [Саввин, 1940, л. 7–12]. Здесь серебряный кнут идеально сходится с «серебряным столбом» *сэргэ* у бурят.

Образ золотого лона *алтан тона* соответствует образу земли у саха: *Аан иньэ дайды алтан туоната* «медная лучшая часть материземли» [Пекарский, 1959, т. III, стб. 2823–2824]. При этом *алтан туона* обозначает «счастье», «удача», «центр», «средоточие», объединяя образы очага, жилища и Вселенной. Поэтому в имени *Эбир Туона хатын* угадывается эпитет хозяйки земли в виде крапчатой птицы. Слово *эбир* «крапинки», «круги на воде» обозначает и рисунок волнистых кругов на кропильной ложке *эбир хамыйах*, у которой есть поэтические названия: *туөнэ мабан туөрэх* «счастливая светлая ворожба» и *туөнэ хамыйах* «гадальная ложка» [Там же, стб. 2902].

Таким образом, семантика травы в ритуале окропления *ыһыах* связана с магией вызывания воды. Вот почему поперёк клюва мёртвой лесной птицы нужно положить зелёную траву и прикрепить трупик к ветке, видимо, надеясь на небесный дождь. Также тунгусские и якутские охотники во рту убитого сохатого оставляли зелёную веточку («жизнь»).

Бурятский термин *тона* как синоним *ума* «мать», быть может, связан с як. *тунаах* «гриб-дождевик («кал бога *Танара*)»; «послед, детский кал» [Там же, стб. 2815–2816]. Гриб *тунаах* еще называют *эһэ табааба* «медвежье курево», в чём просматривается тотемное значение земли – *Эбэ* («бабушка»). И это имя близко сходится с названием богини Байкала *Аба-хатан*, которой ольхонские буряты приносили жертвы, выбирая для *тайлагана* склоны гор [Хангалов, 1958, с. 318, 355]. В тюркских языках *аба* обо-

значает ‘мать’ и ‘медведь’, что даёт основание предположить, что палеолитической хозяйкой озера Байкал была крылатая медведица.

В мифологии саха эпитет *түөнэ* носили духи: хозяин леса *Түөнүл ойуун*, хозяин огня *Түөнэ Моҕол*, он же *Түөнүл бөбө*, сказочный старик Сэ-эркээн Сэһэн – *Тойон Түөнүл* [Пекарский, 1959, т. III, стб. 2903]. В довершение надо сказать, что термин *туона* имеет значения: ‘круг’, ‘прорубь для невода’; ‘светлое место *түһүлгэ*’ (= *түөнэ маҕан түһүлгэ* в том же значении) [БТСЯЯ, т. XI, с. 128, 266]. Нельзя обойти вниманием и алтарь *дирин түһүлгэ* в значении «глубокой чаши», сопоставимой с прорубью *ойбон*.

В одном мифе прародителями саха выступают Моҕол тойон и Мунха хатын. Жрица Мунха хатын, сидя под столбом *баҕах*, распускает волосы и призывает сестёр-стерхов Айыы Туйаар. Затем бросает жребий ложкой *эбир хамыйах* [Боло, 1942, л. 13]. Здесь очевидна магия соединения лона земли Мунха («невод») с высоким небом *Туона халлаан* через столб *баҕах*, выступающий связующей нитью между мирами. При этом обобщённое имя дев Туйаар происходит от глагола *тунаар* – ‘белеть’, выражая идею их рождения от неба *Туона*. Вспомним браки сказочных героев с птицами, что даёт право сопоставить тюрк. *той* ‘свадьба’, ‘похороны’ с монг. *тайлаҕан* ‘обряд жертвоприношения’.

Хуннский след, общий для бурят и саха, мог сохраниться в мифе балаганских бурят, согласно которому некий Обогон родился от матери, съевшей на могиле его отца цветок [Хангалов, 1903, с. 185–186]. О том, что Обогон не был простолудином, говорит то, что человек, распорядившийся кожаным мешком с *тарасуном* и вином, назывался *хабаши обогон* [Хангалов, 1958, с. 229]. Видимо, Обогон превратился в Омогона, ибо в преданиях Омоҕой имел из посуды только берестяной *атыйах*. Эта посуда упоминается в *алгысе*: *тордохтоох тунаах* ‘сора от молодой коровы в берестянке’.

В сказках герои рождаются от травы, выросшей на костях предка, или пены, вскипевшей из могилы Эр Эллэй [Ксенофонов, 1992, т. 1, кн. 2, с. 191–192]. И в том, и в другом случае прозрачна идея единства влаги и травы. По преданию, Эт Уос Эллэй женился на дочери Онохоя, но перед этим тесть устроил прищельцу проверку: во время обряда он вручил ему сосуд *тордуйа* с

кымысом. И так был устроен первый *Ыһыах*. Однако позже зять отнял у родителей жены их счастье. Он вместе с супругой совершил обратный обряд: перед порогом юрты они пропустили сосуды с *кымысом* между коленями старцев. В это время спустились восемь чаек *хонто* и, пригубив *кымыс*, вознеслись в облака [Боло, 1994, с. 260–262].

Таким образом, хранителем лукошка *атыйах* или *тордуйа* был Омоҕой, ведавший и посудной *сабычах*, куда, по Г.Ф. Миллеру, «белый» шаман кидал жребий. В этом контексте в имени *Уос Эллэй* (досл. «Губа-Эллэй») скрывается тюркское слово *авыз* ‘рот’. Эпитет *Эт* является вариантом *аат* ‘пречистый’ и встречается в теониме Аат-Татай. В таком случае полное имя *Эт Уос Эллэй* обозначает «святой жрец Эллэй». Это роднит его с первым певцом огузов Абыз Коркутом. Из изложенного выходит, что поздние предания, где род Омогоя не мог проводить праздник *Ыһыах* в честь Аар Тойона [Романова, 2005, с. 40], испытали сильные изменения сюжетов. Вероятно, Омоҕой всё же проводил *Ыһыах* в честь своих богов, чуждых Эт Уос Эллэю.

Источники хуннского периода не упоминают о существовании обряда мумификации у северных соседей Китая. Но одновременная с хуннами таштыкская культура хранит артефакты, связывающие эту эпоху с этнографией саха. Так, в склепах таштыкцев были обнаружены сожжённые мумии с трепанациями черепов, манекены с пеплом и маской усопших и обычные скелеты. Таштыкцы помещали внутри кукол в человеческий рост мешки с пеплом, а затем заполняли манекены травой. Остатки мумий лежали выше обычных скелетов. Продолжением этих традиций являлись урны с пеплом древних хакасов у горы Тепсей [Грязнов, 1980, с. 93–159].

Древнекыргызский след подсказывает, что эти ритуалы были известны предкам саха и их остатки сохранились в жертвах *кэрэх*. На это прямо указывает обычай хранения идола в коробе *түктүйэ*, который был «берестяной доминой духа» [Пекарский, 1959, т. III, стб. 2887]. Сведения о мумификации у тюрков дают китайские источники, сообщавшие, что тукюесцы есть потомки хуннов, смешанных с женщинами Турфана. На основе хроник археолог Д.Г. Савинов пишет, что в Первом каганате существовала традиция использования в ритуалах трупов

усопших, а не их скульптур. Позднее мумии были вытеснены манекенами типа кукол Таштыка, которых ставили на возвышении в юрте [Савинов, 1984, с. 58–59].

Последняя деталь интересна тем, что в старинном балагане саха почётные ложи *кэтэбэриин* и *биллирик* возвышались над ложами правой половины юрты, где обычно сидели гости [Кулаковский, 1979, с. 408]. До христианизации на этих ложах хранились идолы *бах танара*. Если человек умирал летом, то его духа кормили всё лето, а если зимой – то всю зиму. После срока хранения идолов выносили в отдельный дом *үөр ампаара* [Саввин, 1936–1938, л. 51]. Впрочем, в XVII в. ясачные якуты в качестве фетишей *бах танара* или *чараан* использовали анатомированные трупы вождей, полости которых заполнялись травой [Окладников, 1949, с. 222–223; Боло, 1925–1943, л. 61]. Если *бах танара* соответствует др.-тюрк. *баз тэнри*, то и *чараан* совпадает с тюрко-монг. *чайаан / заян* ‘дух’, ‘творец’, что говорит об обожествлении предков, трупы которых ложились на возвышении в юрте.

На стеле в честь Кюль-тегина трижды повторяется выражение *кэргэк болты* ‘скончался’. Тюрколог Н.К. Антонов считал, что его следует читать как «становиться надмогильной каменной фигурой» [Антонов, 1988, с. 4–8], подтверждая мнение Д.Г. Савинова о том, что кожаные куклы были заменены статуями. Справедливость этой гипотезы подтверждают кимакские могильники Прииртышья с сопогребёнными конями. Западные кыпчаки погребали усопших с конским чучелом, набитым соломой, или костями головы, ног и хвостом [Плетнёва, 1990, с. 139]. Следовательно, половецкие покойники совершали прощальный обход кочевий верхом на остове мумий коней. На кыпчакский след наводит эпос о Сослане. Он возвращается из Нижнего мира на чучеле своего боевого коня [Раевский, 1985, с. 42–43].

Вплоть до начала XX в. этнографы фиксировали легенды и предания о бескровных человеческих жертвоприношениях *кэрэх*. Так, в старину около Якутска один охотник обнаружил в тайге *аранас*, к которому привязали семилетнюю девочку-сироту. Внутри гроба была положена шкура лошади рыжей масти с белой головой вместе с копытами, сердцем и печенью. Девочку принесли в жертву в качестве *кэрэх* взамен души боль-

шого богача, и она просидела там три дня, пока её не спас охотник [Саввин, 1938, л. 41]. Другой рассказ связан с именем строителя Чурапчинской церкви Бэллэскиэй Миитэрэй. Его отец, Гавриил Дьячковский, заболел артритом и пригласил шаманов: Добун ойууна, Бүөтүччээн ойууна, Егора сына Күүлэ и ещё одного шамана. Перед камланием к *сэргэ* привязали девочку-сироту 13–14 лет, которая во время камлания замертво упала под столбом. Для угощения толпы закололи много скота. После этого больной пошёл на поправку [Саввин, 1935–1941, л. 43]. Странно, что Добун ойуун позднее стал прототипом «красного шамана» в поэме П.А. Ойунского.

Сопоставляя исторические и этнографические данные скифов, тюрков и саха, мы приходим к мнению, что жертвы *кэрэх* являлись простейшей и, видимо, древнейшей формой мумификации людей, животных и коней. Эти традиции были известны странам Древнего Востока. Поэтому мы сравниваем термин *кэрэх* с персидским *керэһ*, *кэрэһ* ‘потерявший чувствительность, онемевший, окоченевший’ [Персидско-русский словарь, 1970, с. 318] и таджикским *карахт* ‘мёртвый’, ‘мертвенный’ (перен.) [Русско-таджикский словарь, 1949, с. 310]. Бесчувственность и окоченелость как признаки умершего наводят на семантически близкий термин *карак*, который на языке хинди означает ‘скелет’ [Хинди-русский словарь, 1953, с. 218].

Таким образом, индоиранское слово *кэрэһ* означало ‘мертвец’, но у ариев оно должно было обозначать ‘чистые кости’, ритуально очищенные огнём от плоти и сложенные в анатомическом порядке. Позднее значение термина расширилось до понятий ‘идол, статуя’, ‘мумия’ и ‘жертва’. *Кэрэх*, обозначающий скелет, указывает, что здесь имел место культ умирающего и воскресающего зверя, кости которого люди поднимали на лабаз. Почтительное отношение к костям зверей обнаруживаем в легенде о «рассекании» молодого шамана, когда духи считали все его кости и укладывали в гнезде. Шаман, проходя процедуру расчленения по суставам, принимал вид дикого зверя. На вершине скалы, кургана, холма или дерева *уйук мас* мать-зверь *кэй кыыл* кормила его сырым мясом *өлүктэ* от жертвы *түлэһи кэрэх*. При ущербе луны шаман сидел верхом на чучеле *кэрэх* [Саввин, 1935–1941, л. 106, 116, 103]. По легенде абыйских саха, свет-

лый шаман лежал в гнезде Мирового дерева *Айыы Луук мас*, и его покровителями являлись Эллэй Иэйэхсит и Оноҕой Баай тойон [Ойуун..., 1993, с. 13].

Неслучайно дерево *кэрэх* Улуу Тойона из века в век источало масло *арыы*, и это привлекало к его ветвям и корням духов *абааһы*. Его заменителем выступал столб *аар баҕах*, на котором вешали за рога шкуру скота, а шкуру коня крепили при помощи недоуздка, предварительно окрасив пучки гривы *салама* жертвенной кровью [Слепцов, 1904, л. 72, 51].

Эта светлая сторона религии настолько глубоко засела в памяти среднеколымских саха, что они до сих пор сохранили обычай вешания шкур ездовых коней у могилы их хозяев. 22 апреля 2009 г. мы на съездили на кладбище с. Алеко-Кюёль. На северной стороне за кладбищем насчитали 48 листовенниц, на которых висели черепа и копыта жертвенных коней. На некоторых, более толстых, деревьях висят до десяти черепов. Проводники говорят, что все они раньше были направлены на восток. Коня забивают сразу или на второй день после смерти человека, но обязательно утром.

По информации Д.П. Винокурова, старожила с. Алеко-Кюёль, до 1980-х гг. были живы старики, которые на похоронах забивали лошадь следующим образом: приставляли нож под затылком и ударом другой руки по обуху рукоятки вгоняли нож в шею до основания узкого клинка. Наиболее удалые проводили этот акт, сидя верхом на обречённом на смерть коне. Конь должен был иметь полное убранство для езды, но после его заклания седло и узду снимают.

Голову и копыта ставят у ног покойника в специальной посуде, мясом угощают всех во время поминок. Покойник на своем коне «отправляется» на восток – в страну *айыы*. Подбирают коней холощёных, смиренных, привычных к седлу, полудиких и кобыл не берут. Конём наделяют всех, и старых, и молодых. Голову и копыта лошади заворачивают в шкуру и выносят вместе с памятником, сзади покойника. Души детей превращаются в птичек, поэтому на памятниках ставят изображения птиц. Оставленную пищу склёвывают птицы *кукаакы*. Родители их считают душами детей. Душа ребенка *юёр* возвращается в виде птички и возрождается снова. В раннем детстве они рассказывают о своём прошлом. Поэтому их

нельзя перебивать. В 2008 г. в селе скончался мальчик, окончивший школу, он перед смертью спросил у мамы: «Смогу ли я вернуться обратно, превратившись в птичку?».

Череп коней висят на окраине села, в лесочке на краю кладбища. Внутри кладбища г. Среднеколымск следы такого же обряда обнаружены в четырёх местах. Около деревьев обычно оставляют использованную тару: ванны, тазы и ведра, в которых привозили останки коней на кладбище. Около могилы уроженца с. Алеко-Кюёль Н.С. Кокорина (1916–2009), с юго-восточной стороны на дереве висят голова, копыта и хвост тёмно-бурого коня. Внутри одной старой оградки с крестом с востока был поставлен столб коновязи *сэргэ*. На другом месте кладбища повешены две ленточки *салама*.

Таким образом, алеко-кюёльские старики соблюдают этот обычай даже в городе. Но в двух местах кладбища Среднеколымска обнаружены пустые проволочные обручи, предназначенные для вывешивания черепов и копыт. Эти следы вандализма объясняют, почему в городе кангаласцы стали воздерживаться от массового соблюдения обычая. Нами замечено, что ни один из информаторов не упомянул старое название ритуальных коней *хоолдуга ат*.

Все лошади с. Алеко-Кюёль в основном белой масти. *Ыһыах* проводят ежегодно, но в сёлах настоящий *кымьыс* больше не производят, эта традиция забывается. Коровы якутской породы сохранились, но нет учёта их количества. Население в основном занимается скотоводством, охотой и рыболовством. Доля доходов от промыслов занимает важную часть в системе жизнеобеспечения. Мною были записаны некоторые диалектные слова: *сутуруо* ‘обувь с длинным голенищем’ (*куруму*), *орун* ‘кровать’, *кычам* ‘солнечная сторона’, *эчээ* ‘дед’, *иркэн* ‘жеребёнок мужского пола’ и др. [ПМА, 2009].

По полевым материалам из Верхоянского улуса, в сёлах Дулгалаах и Суордаах были зафиксированы семь мест жертвоприношений *кэрэх*. Они чудом уцелели от уничтожения языческих капищ и сохранились до наших дней [Васильев, 2011, с. 125–129]. Знатоков старины почти не осталось, поэтому мы ограничились описанием посещённых мест. Наблюдения показали общую тенденцию упрощения жертв *кэрэх*, что было связано с христианизацией на ру-

беже конца XVIII – начала XIX в. Наиболее сохранившийся комплекс состоял из перекадины *куочай* в виде доски до двух метров, в центр которой был вставлен череп коня. Стрелка остриём была направлена вверх в восточном направлении. Также все остальные места жертв были ориентированы на восход солнца, чуть отклоняясь на север и юг. Однако от них сохранились только черепа или стрелки *куочай*.

Нами отмечен факт устойчивости восточной ориентации всех жертвенных деревьев *кэрэх*. Интересно, что все деревья *кэрэх* расположены на опушках леса с солнечной стороны и обязательно вблизи водоёмов, удобных для проведения *Ыһыаха*. В старину существовал обычай поедания ездового коня у могилы. По словам стариков, после камлания шаман вешал *кэрэх*. На древнем *Ыһыахе* тоже приносили жертву *кэрэх* и шкуру могли вешать на дереве, хотя об этом никто уже не помнит. Местные эвены соблюдали промысловый обычай устанавливать черепа добытых медведей на развилках дерева глазами на восток, что сходится с общим направлением черепов коней на восход солнца.

Мы уверены в том, что в корне жертвоприношений *кэрэх* нужно искать культ тотемов, характерный для таёжных охотников. Сведения С.И. Боло и А.А. Саввина 1939–1940 гг. дают разнобразный материал, наводящий на размышления. Так, С.И. Боло из уст сказителя 2-го Кангаласского наслега Среднеколымского района записал следующее сообщение: «Во время праздника *Айыы ыһыаҕа* ставят *кэрэх* – на стрелке *куонньар* с запада на восток вывешивают шкуру лошади, направив голову на восток. Духам *абааһы* посвящают лошадь, тогда голову направляют на запад» [Боло, 1940а, л. 37].

В другой записи, сделанной в Борогонском наслеге Оймякона, этот же фольклорист пишет следующее: «На одном дереве *кэрэх* устанавливают три стрелки. Две стрелки *куочай* указывают на запад и восток, а третий – на север. Об этом говорили, что восточный *куочай* направлен в Нижний мир, западный – в Верхний мир, а южный – в южную страну...» [Боло, 1940б, л. 8–9].

Около могилы Салаа Мөккүөна, сына Хабарча баая, сильный шаман Малыыда выставил чучела 17 лошадей *кэрэх* [Саввин, 1936–1941, л. 99]. Этот случай объясняли тем, что Малыыда считался светлым шаманом с двумя «корнями».

Он враждовал с Добуном, называя его кровавым шаманом *сиэмэх ойуун* [Саввин, 1935–1941, л. 72–75]. А.А. Саввин писал о том, что жертвенные деревья *кэрэх* были ориентированы на запад. Но в наслеге Кытаанах он сам видел деревья со стрелками *куочай*, одна из которых была направлена на восток, а вторая – на запад [Саввин, 1937–1941, л. 6]. При этом автор лишь указал на наличие этого особого факта и воздержался от комментариев.

Более упрощенное представление о жертвах *кэрэх* высказывал Э.К. Пекарский в «Словаре якутского языка». По его мнению, *кэрэх* – это кровавое жертвоприношение скота особой масти для умилостивления злых духов. По словам отца Л. Попова, это пиршество считали величайшей святыней, и в нём принимали участие все присутствующие, а остатки мяса уносились домой для угощения родичей. Шкуру или чучело убитого животного вывешивали на дереве, под которым происходило камлание шамана. *Куочай кэрэх* – род жертвоприношения, когда шкуру с головой, рогами и копытами вешают на дереве и устраивают деревянный указатель дороги – *куочай*. В Виллюйском округе *кэрэх* – это подмости на трёх срубленных деревьях, на которые складываются дары духу леса. Отсюда очевидно, что при описании жертвы *кэрэх* автор учитывал мнение миссионеров, негативно относившихся к кровавым обрядам [Пекарский, 1958, т. I, стб. 1045–1046].

Таким образом, под вопросом остаётся упоминание кровавых жертв, предназначенных творцам *айыы*, которые, по устойчивому убеждению учёных, противились всяким обрядам с пролитием крови. Однако факты, противоречащие общепринятому мнению, не нашли в литературе приемлемого объяснения. «Чёрные» шаманы считались колдунами, насылающими порчу, поэтому люди их не приглашали на моления добрым божествам. Это подтверждают и слова Г.Ф. Миллера: «Некоторые шаманы, как, например, тот, кто проводил вышеописанную церемонию (жертву Кыдай Бахсы. – В.В.), не могут совершать обряды божествам посредством весенней церемонии “чокания”. Они также не могут жертвовать божествам коней, считаясь нечистыми и грешными. Простые якуты говорят, что такие нечистые шаманы могут с помощью чертей околдовать и губить людей. Сами шаманы отри-

цают это, но признают, что имеют связь с чертями и ни с кем из божеств» [Элерт, 1999, с. 233].

При описании обряда жертвоприношения рыжего телёнка духу кузнецов Кытатай Тойону немецкий учёный заметил, что шаманы, причастные к культу кузнечества, не смели совершать обряд *Ысыах* в честь *айыы*. Из его слов следует, что иные шаманы допускались к обряду «чокания». Эти «чистые» шаманы жертвовали божествам коней. Не исключено, что они приносили и жертвы *кэрэх*. Однако никаких уточняющих подробностей учёный не даёт.

Кузнечное ремесло является мужским занятием, и странно было бы видеть жриц в этой сакральной сфере. Точно также кузнец не вторгался в женскую сферу богини Айыысыт. По Г.Ф. Миллеру, Кытатай, будучи властелином подземного мира, принимал в жертву рыжего бычка. Парадокс заключается в том, что «корень» кузнецов Уус төрдө находился на юге, чуть ниже ставки Улуу Тойона [Линденау, 1983, с. 44]. Хотя здесь переводчик Г.Ф. Миллера не уточнял, являлись ли Кытатай Бахсы и Уус төрдө одним лицом и к какой «секте» принадлежали.

Эти исследователи оставили ценное сведение о том, что жертву коней *кэрэх* якуты вешали на дереве во время праздника *Ыһыах* [Там же, с. 40]. По другим данным, шкуру скота вешали за рога на столб *аар бабах*, а шкуру коня крепили к нему при помощи недоуздка. Дерево *кэрэх* из века в век источало масло, поэтому его ветви и корни привлекали духов *абааһы*. [Слепцов, 1904, л. 51, 72].

Жертва как частица сакрального мира приравнивается к божественному духу, к которому должны прикасаться ритуально чистые жрецы. Это позволяет видеть в жертве отражение полутотемной богини Айыысыт, спускающейся на землю в образе кобылицы.

В мифологии саха творцы *айыы* вели типичное хозяйство коневодов и вряд ли были вегетарианцами. Иначе говоря, творцы должны были пополнять табуны за счёт приносимых в жертву коней особых мастей. Продукты кровавых жертв творцы могли принимать как гостинец *кэһии*, а косяки посвященных лошадей – как дар за благополучную жизнь на земле. Всё это показывает условность линии разграничения между кровавыми и бескровными церемониями. Шаманы с натурой присваивания в ущерб голодающим

считались злыми, независимо от того, какой вид жертвоприношения они предпочитали.

Наши данные вносят сомнение в правоту утверждения о том, что жертвы *кэрэх* были адресованы только демонам *абааһы*, так как восточное небо считается местом обитания покровителей *айыы*. Хотя из этого ряда выпадает сообщение оймьяконцев, по которому на востоке живут нижние *абааһы*. Также странно то, что Кытатай Бахсы обитал на юге, при этом являясь божеством Нижнего мира. Такие данные отражают забытые нюансы локальной мифологии родов, которые ещё бытовали среди отдалённых северных групп саха как реликты древнего язычества.

Литература

Антонов Н.К. О якутско-монгольских языковых связях // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 4–16.

Боло С.И. Якутский исторический фольклор. Легенды, предания и рассказы якутов. 1925–1943 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 38. 76 л.

Боло С.И. Тылгыны кыргыһыта. 1938 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 5. 6 л.

Боло С.И. Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940а // Там же. Д. 438. 37 л.

Боло С.И. Устное сообщение по местному историческому фольклору сказителя Л.С. Белолобского. 1940б // Там же. Д. 395. 10 л.

Боло С.И. Дугуй Бөбө (сюжет олонхо). Оймьяконский район. 1942 г. // Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 64. 35 л.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. Т. XI (буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

Васильев В.Е. Этнографические этюды Верхоянья // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2(3). – С. 125–130.

Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 600 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 167 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – 2-е изд. – Т. 1. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992. – Кн. 1 – 416 с.; Кн. 2 – 317 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды / подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Ойуун: ойууннар уонна ойуун сиэрин-туомун туһунан кэпсээннэр. – Якутск: ИЯЛИИ СО РАН, 1993. – 56 с.

Окладников А.П. История Якутии. –Т. 1. – Якутск: Госиздат, 1949. – 440 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1958; Т. 2. – 1959; Т. 3. – 1959. – 3858 стб.

Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю.А. Рубинчика. – Т. 2. – М.: Сов. энцикл., 1970. – 848 с.

Плетнёва С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

ПМА, 2009 – Полевые материалы автора. Этнографическое изучение северных кангаласцев села Алеко-Кюэль Среднеколымского улуса Республики Саха (17.04.–24.04.2009 г.).

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Романова Е.Н. Исследователи-монографисты Г.Ф. Миллер и Р.К. Маак: этнографические подходы в описании профанного и сакрального мира субэтнических групп саха // Ученые Германии о Якутии. – Якутск: Изд-во ИГИ СО РАН, 2005. – С. 35–44.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.

Русско-таджикский словарь. – М.; Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949. – 880 с.

Саввин А.А. Погребальные обычаи якутов Севера. 1936–1941 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 19. 270 л.

Саввин А.А. Шаманизм: шаманы. 1935–1941 гг. // Там же. Д. 64. 123 л.

Саввин А.А. Верования якутов: демонизм. 1936–1938 гг. // Там же. Д. 68. 98 л.

Саввин А.А. Верования якутов. 1937–1941 г. // Там же. Д. 70. 347 л.

Саввин А.А. Материалы по верованию якутов. 1938 г. // Там же. Д. 102. 61 л.

Саввин А.А. Былыргы ыһыах. 1940 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 485. 13 л.

Савинов Д.К. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 175 с.

Слепцов П.В. Этнографические материалы. 1904 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 293. 350 л.

Хангалов М.Н. Балаганский сборник: сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят / под ред. Г.Н. Потанина. – Томск: Типолитография П.И. Макушина, 1903. – 289 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений / под ред. Г.Н. Румянцева. – Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 552 с.

Хинди-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 1224 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Наука, 1999. – 240 с.

V.E. Vasiliev

Sacrifice Kerekh: Relics and New Interpretations Based on Materials of the Northern Sakha

The article highlights the subject of kerekh sacrifices, the origins of which have deep links with the primitive cults, transformed in a form encountered in rituals of transition to another world. Their varieties still require special study within the general system of shamanism. Therefore, there are key points of contentious topics to which scientists often do not pay due attention. The importance of the subject of the kerekh sacrifice in terms of methodology relates the general picture of the concept of a system of shamanism, in fact, is not inferior to world beliefs and is not the lowest ("basement") faith of the peoples of Siberia. It assumes a deep syncretic genesis of kerekh sacrifices, associated with the ancient ethnogenesis of Sakha. Passing through the cultures of Indo-Iranians, Saks and Turks, kerekh survived to the present day, proving the extraordinary vitality of the myths and archetypes laid in the foundation of Tengrism. The northern materials of the sakha convincingly prove the contamination of northern and southern cults: kerekh is surprisingly combined with the cult of a dying and resurrecting beast. It is according to northern information that we can state that kerekh was placed not only to the spirits of the abaagy, but also to the deities of the aiyy who had the function to create, but sometimes also punish the unworthy conversion to the cult of ancestors and heavenly patrons.

Keywords: northern Sakha, Turks, Mongols, shamanism, Ygyakh, aiyy, abaagy, early cults, rituals, sacrifice kerekh.

А.А. Сулейманов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.003

УДК: 911.373(571.56)"18/20"

«Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (конец XIX – начало XXI вв.)*

В статье на основе выявленного комплекса архивных данных, анализа научной литературы и материалов собственных полевых изысканий представлены предварительные результаты реализуемого под руководством автора исследовательского проекта, посвященного пионерной в отечественной историографии попытке историко-антропологической реконструкции значения использования продолжительного периода устойчивых низких температур («ресурсов холода») в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. В связи с этим рассматривается эволюция роли «ресурсов холода» в системе питания аборигенных сообществ республики, включая приготовление и хранение продуктов. Особенно выделен период Великой Отечественной войны, в ходе которого возможность длительного хранения выловленной рыбы сыграла существенную роль в обеспечении ею остальной части страны. Осуществлен анализ практик эксплуатации «ресурсов холода» в санитарно-гигиенических целях, а также субъективного восприятия респондентами благоприятного воздействия холода на здоровье. Кроме того, представлен обзор исторической эволюции важности продолжительного периода устойчивых низких температур в отношении транспортных связей и логистических каналов. Отмечена критическая роль автодорожных зимников и ледовых переправ в обеспечении снабжения ряда сельских населенных пунктов Якутии на современном этапе.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы, традиционное хозяйство, система жизнеобеспечения, холодный климат.

Если в сознании значительной части населения мира самой холодной страной является Россия, то в восприятии россиян к одним из наиболее «суровых» регионов в этом плане справедливо относится Якутия. Именно на территории республики расположены два населенных пункта, уже достаточно длительное время борющихся за звание «Полюса холода» Северного полушария нашей планеты, – Оймякон и Верхоянск. Продолжительность устойчивых низких температур в целом ряде районов Якутии достигает 8–9 месяцев.

Подобные климатические особенности, естественно, влияют фактически на весь спектр аспектов жизнедеятельности населения Якутии и, прежде всего, той ее части, которая проживает в сельских районах, – именно сельяне максимально зависимы от природной среды. Не менее естественно то, что данное влияние уже несколько веков находится в фокусе внимания ис-

следователей, включая классиков отечественного и мирового североведения: В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, И.С. Гурвича, В.А. Туголукова и др. Вместе с тем, как это не показалось бы парадоксальным, несмотря на огромный фронт работы, проделанный названными выше и другими учеными, климатические условия зимнего времени в Якутии в плане анализа особенностей хозяйственной деятельности рассматривались практически исключительно в качестве агрессивной и опасной для жизни среды, к которой было необходимо адаптироваться. Холод в такой трактовке выступает лимитирующим фактором для социально-экономического развития сельских сообществ.

Автор же предлагаемой статьи разделяет точку зрения специалистов, несколько последних лет разрабатывающих под руководством академика РАН, директора тюменского Института криосферы Земли СО РАН В.П. Мельникова

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-78-10097 «“Ресурсы холода”: значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии».

новое направления изысканий – криософию, о том, что устойчивые низкие температуры являются также и источником дополнительных возможностей [Мельников и др., 2016, с. 112–117], по терминологии автора – «ресурсами холода». На настоящий момент проведенные исследования позволяют выделить несколько направлений использования этих ресурсов в Якутии.

Прежде всего, следует отметить роль «ресурсов холода» в приготовлении и хранении продуктов питания. В частности, замораживание по-прежнему успешно и широко используется в традиционной кухне всех аборигенных этносов Якутии: якутов, эвенков, эвенов, долган, чукчей, юкагиров, а также русских старожилов.

Пожалуй, самым известным из таких блюд является строганина. Употребление представителями аборигенных этносов в пищу сырой рыбы в виде строганины отметил в своей монографии еще в конце XIX в. В.Л. Серошевский [Серошевский, 1896, с. 321]. Примечательно, что необходимым условием приготовления строганины является моментальное и глубокое промерзание выловленной рыбы, что, естественно, возможно только в условиях очень холодных зим.

В настоящее время строганина, разновидностями которой являются замороженные «пупки» (брюшина, срезанная в виде ленты от головы до хвоста) жирной рыбы и печень налима, в отличие от ряда других блюд, о которых пойдет речь ниже, сохраняет свою популярность как у жителей, так и у гостей республики.

Например, ранее чрезвычайно популярное у якутов блюдо тар, состоящее из скисшего и сильно перебродившего молока, сейчас можно встретить уже крайне редко. Для его приготовления летом и осенью суорат (теплое кипяченое молоко с закваской) квасили в деревянных бочках в специальных погребах, затем более густая скиснувшая масса замораживалась [Сокольников и др., 1913, с. 14–15]. Замороженный тар хранился около жилища в виде громадных молочных глыб от 5 до 8 пудов весом на открытом воздухе. При этом тар служил не только самостоятельным блюдом, но и был составной частью различных каш и напитков.

Значение тара в зимний период, когда вариативность кухни оказывалась резко ограничена, а сделанные летом запасы продовольствия под-

ходили к концу, позволило исследователю рубежа XIX–XX вв. Н.П. Попову назвать его «хлебом насущным» для якутов. Он же отметил, что были нередки случаи, когда якутское семейство целую зиму «сидело на одном таре [ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 181].

Тем не менее уменьшение роли тара в жизни якутов зафиксировал уже современник и однофамилец Н.П. Попова А.И. Попов, который связывал данный факт с усилением русского влияния на кулинарные пристрастия местных жителей, а также появившимся предубеждением о предосудительности его употребления [Сокольников и др., 1913, с. 15]. Причиной последнего специалист по истории пищи якутов А.А. Саввин назвал деятельность высшего православного духовенства, представители которого якобы считали этот продукт «грязным» из-за сопровождавшей процесс его приготовления обильной плесени [Саввин, 2005, с. 100–101].

В последующем достаточно быстро, вероятно, прежде всего, в результате проводившейся политики поселкования и сосредоточения основной массы якутов в относительно крупных населенных пунктах, приведшей к интенсификации их снабжения привозной продукцией, а также продолжавшейся активизации контактов с русскими роль тара, как уже было отмечено, свелась к минимуму.

Замораживание традиционно играло важнейшую роль также и в приготовлении мясных блюд, в силу особенностей хозяйственных комплексов коренных народов Якутии, из говядины, конины и жеребятины – в якутской кухне, а у малочисленных этносов – из оленины.

Так, юкагиры и чукчи продолжают употреблять мелконарезанное замороженное сырое мясо оленя. Кроме того, у чукчей можно встретить блюдо пререм – нарезанная и отваренная задняя часть оленя, которую затем отбивают на каменной плите молотком, снова варят, вливают костный жир и пряности, а затем замораживают и употребляют в мороженом виде [Народы..., 2010, с. 540].

У якутов наиболее сохранил свою популярность мясной «аналог» строганины – кыспа (этот термин употребляется также в отношении рыбного продукта) – нарезанная жеребятина или, в крайнем случае, конина [Николаев-Сомогто, 2009, с. 77]. Достаточно активно употре-

бляется и замороженная сырой рубленая печень лошади. Однако, например, такое мясное блюдо, как сы́хык, напоминавшее по вкусу, по словам С.И. Николаева-Сомоготто, голландский сыр, перестало употребляться. Это блюдо представляло собой упакованные в рубец тщательно промытые внутренности скотины, которые хранили в помещении до начала процесса закисания. Затем его подвергали заморозке, чтобы прекратить этот процесс, а после подавали на стол.

Существенное значение климатические особенности зимнего времени имеют и в обеспечении населения сельских районов Якутии питьевой водой. В силу целого ряда причин вода в некоторых реках и в особенности озерах республики крайне загрязнена. При этом подобную экологическую ситуацию отмечал еще в начале XX в. уже упоминавшийся выше А.И. Попов, связывавший широкое распространение среди жителей Якутии глистной инвазии именно с качеством употребляемой ими для питья воды [Сокольников и др., 1913, с. 18–19]. Одним из выходов стали заготовка льда и последующее употребление талой воды.

Традиция употребления талой воды в селах Якутии сохранилась и поныне – редким явлением здесь остается водопровод. В частности, подобная практика наблюдалась во время полевых работ, проведенных автором данной статьи в с. Исит Хангаласского района Якутии в конце августа минувшего года. Заготовленный в конце октября – начале ноября лед спускался в специальный ледник, где на момент исследований находился в полной сохранности [ПМА].

Конечно же, именно возможность длительного хранения различных продуктов питания является, пожалуй, важнейшим в историческом плане «ресурсом холода» в Якутии. Практически все из этих продуктов, естественно, в зависимости от благосостояния того или иного хозяйства, замораживались.

Например, забивать нагулявшийся за лето скот у якутов было принято с наступлением заморозков – в октябре или начале ноября. Туши убитых животных сперва могли храниться на улице, а затем в специальных подвалах. Благодаря близости «вечной» мерзлоты, такие подвалы не приходилось делать глубокими. Аналогичным образом хранились и другие продукты. В частности, находившийся в ссылке в Якутии в

80–90-е гг. XIX в. народник В.Е. Горинович свидетельствовал, что ему приходилось видеть карасей, вытасненных летом из подвала и покрытых коркой льда. В замороженном виде хранились также ягоды, дичь, масло, иные молочные продукты [ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 104–106].

В условиях чрезвычайной зависимости населения Якутии от сезонных промыслов возможность длительного хранения продуктов питания играла критически важную роль.

Наиболее же серьезное значение для нашей страны якутские «ресурсы холода» сыграли в военное время. Напомню, что в этот период отечественной истории Якутия превратилась в один из основных источников снабжения Советского Союза рыбными ресурсами. В этих целях в «рыбные» северные районы республики был организован закончившийся трагедией перевод нескольких десятков колхозов из более южного Чурапчинского района, а также труд спецпереселенцев – советских финнов и немцев. Ценой невероятных усилий, например, на дельтовой части р. Яна удалось достичь колоссального прироста в лове рыбы: с 2668 т в 1942 г. до более чем 20 тыс. т в следующем, 1943 г. [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 199. Л. 3].

Однако мало было выловить рыбу, важно было ее также сохранить до прихода транспорта. Естественно, ни о каких массовых применениях морозильных установок на севере Якутии в то время не могло идти и речи. На выручку пришли опыт использования ледников и обилие в Арктике ископаемого льда, соорудить в котором хранилища необходимых объемов значительно менее трудозатратно и более быстро, чем в «вечной» мерзлоте. В результате окрестности рыболовецких участков и отделений северных колхозов Якутии были изрыты под ледники [РГАЭ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 428. Л. 8–44].

Послевоенные годы были отмечены попытками поставить использование «ресурсов холода» для хранения колхозами Якутии своей продукции на научные рельсы. В этих целях были организованы специальные полевые исследования по изучению опыта сооружения ледников на севере республики, а также разработаны рекомендации по строительству хранилищ в толще «вечной» мерзлоты [Там же, л. 3–46; 1–14].

Рис. 1. Остатки заброшенного совхозного ледника, рассчитанного на 300 т, с. Исит, август 2017 г. Фото автора

Своего пика использование «ресурсов холода» в Якутии для хранения продовольствия, по-видимому, достигло в 50–70-е гг. XX в., когда при колхозах и совхозах сооружались многотонные подземные хранилища. Затем в связи с известными экономическими изменениями, а также технологическим развитием их роль заметно секвестрировалась (рис. 1). В республике больше нет такого количества крупных сельскохозяйственных предприятий, а, например, дома и амбары в с. Исит уже строятся без тех двух- или трехъярусных погребов, как раньше. Их место

сейчас фактически заняли морозильные камеры. Вместе с тем жители соседнего с Иситью с. Кытыл-Дюра продолжают успешно эксплуатировать в хозяйственных целях природный феномен – выдуваемые из полостей северного склона близлежащей сопки потоки холодного воздуха. В этих целях здесь было построено не менее 20 специальных амбаров, представляющих собой небольшие (площадью 1,5–2 м²) сооружения с тремя стенами. Четвертая сторона примыкает к склону (рис. 2). Температура выдуваемых в эти амбары потоков такова, что в конце одного из са-

Рис. 2. Природные морозильники в окрестностях с. Кытыл-Дюра, август 2017 г. Фото автора

мых жарких за последние годы летних периодов их двери снаружи были покрыты льдом [ПМА].

Как показали проведенная полевая работа и изучение архивных материалов, «ресурсы холода» традиционно играли существенную роль в плане охраны здоровья сельского населения Якутии или, как минимум, восприятия им мороза как важного средства защиты. О круглогодичном использовании талой воды уже писалось выше. Кроме того, было выявлено, что, как минимум, вплоть до середины XX в. в целях дезинфекции жилых помещений представителями сельских сообществ Якутии активно использовалось их вымораживание в наиболее холодные зимние месяцы. Вымораживанию подвергалось и белье, вывешиваемое в этих целях на ночь на улицу. Низкие температуры, согласно сохранившимся архивным данным, использовались и в народной медицине якутов. В частности, в середине XIX в. было зафиксировано такое средство снятия боли у страдающего от несварения желудка ребенка, как его нахождение в статичном положении над холодным погребом [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 583. Л. 24]. Хотя и отметивший данный факт исследователь крайне скептически отнесся к подобному способу терапии, однако, как представляется, само отношение к холоду достаточно репрезентативно. Так, среди опрошенных в ходе проведения полевых исследований в рамках проекта респондентов широкое распространение получило мнение о благоприятном воздействии холодных зим на состояние здоровья («мороз делает человека бодрее», «тепло [зимой] приносит зло» и др. [ПМА]), а также купировании якутскими морозами распространения эпидемий. В этом отношении также отсутствуют специальные научные работы, однако известно широкое распространение в XIX в. в Якутии кори, оспы и тифа, приводивших к гибели целых населенных пунктов. В то же время историческим фактом является использование погребов для массового захоронения в них умерших от эпидемии оспы 1885 г. [ГАИО. Д. 640. Л. 95], что, очевидно, является объективным подтверждением практик эксплуатации «ресурсов холода» в санитарных целях. Другим таким фактом, сохранившим свою актуальность и в наше время, является чистота улиц в зимнее время года.

Если в кулинарных практиках якутян, хранении продуктов питания и в санитарно-гигиеническом отношении «ресурсы холода» в историческом плане к началу XXI в. в целом стали занимать меньшее место, то их роль в транспортно-логистическом плане напротив существенно возросла.

Якутия, как известно, помимо сурового климата, отличается и другой особенностью – огромными пространствами, большая часть которых либо мало освоена, либо не освоена человеком вовсе. Своеобразными островками, особенно в северных районах, являются населенные пункты: села, поселки городского типа или даже города. Одна из ахиллесовых пят нашей страны – дороги – даже в общероссийском понимании здесь могут отсутствовать абсолютно. Вместе с тем следует оговориться, что именно в транспортно-логистическом отношении значение «ресурсов холода», как удалось определить, было наиболее неравномерно в зависимости от природно-географических условий того или иного района Якутии. Очевидно, что уже изначально сильнее всего от состояния транспортных зимников зависели северные районы с их крайней степенью дисперсности поселений, труднодоступностью и продолжительностью зимнего времени в 8–9 месяцев в году. Так, работа с архивными материалами и научной литературой позволила установить, что все три существовавших в начале XX в. пути снабжения Колымского региона Якутии (Якутск – Колымский тракт; Ольский путь; Булунский путь) опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур [ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 330. Л. 6–8]. Зависимость центральных и южных районов Якутии от «ресурсов холода» в транспортном отношении была несколько ниже, однако даже основной путь сообщения – Якутский тракт – позволял обеспечивать «тележную» связь с другими регионами России только в зимнее время года [Там же. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Л. 6–6 об.].

Картина по сравнению с названным периодом мало изменилась и в «золотые» для промышленного развития Якутии годы советской модернизации Арктики – понятия «автоторожный зимник» и «ледовая переправа» (рис. 3) не только не вышли из обращения, а стали значи-

Рис. 3. Ледовая переправа через р. Амга, с. Амга, март 2018 г. Фото автора

тельно более актуальными. Если до советской модернизации якуты были рассредоточены небольшими группами по аласам, а многие из представителей малочисленных этносов продолжали вести кочевой образ жизни, то, как уже было отмечено, в результате коллективизации и поселкования они оказались сконцентрированы в населенных пунктах. В результате, если раньше их хозяйство носило, как правило, автаркичный характер с самостоятельным обеспечением продовольствием, то затем оно стало все более зависимо от т.н. «северного завоза» и связи с Большой землей: котельные для домов, школ и предприятий требуют угля, изменившиеся кулинарные предпочтения и рост численности населения – привозной продукции и т.д. В настоящий момент автомобильные зимники составляют порядка 60% от общей протяженности дорог в Якутии. При этом по ним перевозится около 80% грузов. Снабжение целого ряда населенных пунктов республики полностью зависит от состояния автомобильных зимников. В этом плане правило «чем холоднее, тем лучше» абсолютно справедливо по отношению к транспортной инфраструктуре Якутии. Показательной является ситуация с с. Березовка, возникшая в прошлом году. Аномально теплая и, следовательно, снежная зима позволила пробить зимник из районного центра – Среднеколымска – только к середине марта, когда в селе действовала чрезвычайная ситуация, а запасы топлива для

местной котельной подходили к концу. В аналогичном положении тогда же оказались жители сс. Алеко-Кюель и Эбях.

Аккумулированный на данный момент исследовательский материал позволяет сделать вывод о том, что если в отношении таких аспектов жизнедеятельности, как система питания и охрана здоровья, в связи с комплексом объективных и субъективных факторов, значение «ресурсов холода» в Якутии по сравнению с концом XIX в. снизилось, то их транспортно-логистическая роль существенно возросла. В целом же очевидно, что возможности, предоставляемые наличием продолжительных и холодных зим, сохраняют свою критическую значимость в жизни сельских сообществ Якутии.

Литература

Мельников В.П., Геннадиник В.Б., Федоров Р.Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли – 2016. – № 2. – С. 112–117.

Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. – М.: Наука, 2010. – 773 с.

Николаев-Сомоготто С.И. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2009. – 168 с.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 376 с.

Сорошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. – Т. I. – СПб.: ИРГО, 1896. – 720 с.

Сокольников П.Н., Попов А.И., Говоров И.С. Жилище, одежда и пища якутов. – Якутск: Тип. Якутского Областного управления, 1913. – 21 с.

Источники

ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 330; Ф. 293. Оп. 1. Д. 583; Д. 640; Д. 773.

ПМА – полевые материалы автора, собранные в Хангаласском улусе (районе) Республики Саха (Якутия), август 2017 г.

РГАЭ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 428; Д. 481.

РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 199.

СПб ФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156.

A.A. Suleymanov

“Cold Resources” in the Life Support System of Rural Communities of Yakutia. The end of the XIXth – the Beginning of the XXIth Century

On the basis of the revealed complex of archival data, analysis of scientific literature and materials of own field researches the article presents the preliminary results of the research project implemented under the guidance of the author, devoted to the pioneer in the national historiography attempt of historical and anthropological reconstruction of the value of the use of a long period of stable low temperatures ("cold resources") in the life-support system of rural communities of Yakutia. In this regard, the evolution of the role of "cold resources" in the food system of the indigenous communities of the Republic, including the preparation and storage of food is considered. Particularly highlighted is the period of the Great Patriotic War, during which the possibility of long-term storage of caught fish played a significant role in providing it to the rest of the country. The analysis of practices of exploitation of "cold resources" for sanitary and hygienic purposes, as well as subjective perception by respondents of the beneficial effects of cold on health, was carried out. In addition, an overview of the historical evolution of the importance of a long period of sustained low temperatures for transport links and logistics channels is presented. The critical role of road winter roads and ice crossings in ensuring the supply of a number of rural settlements of Yakutia at the present stage is noted.

Keywords: Yakutia, indigenous peoples, traditional economy, life-support system, cold climate.

Е.П. Антонов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.004

УДК 94:355.426(571.56)"192"

Якутия: последние сражения Гражданской войны (поход генерала А.Н. Пепеляева в Якутию в 1922–1923 гг.)

Хронологически именно на территории Якутии завершились последние бои Гражданской войны на Дальнем Востоке и в целом по стране. Сибирская добровольческая дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, сформированная из колчаковских частей в Китае, прибыла на Север по приглашению представителей якутского повстанческого движения в расчете на массовую поддержку мятежников-якутов и дальнейшее продвижение вглубь России. Планировалось после ликвидации власти коммунистов всенародно избрать Земский собор, определивший бы в будущем форму правления. Экспедиции Пепеляева оказали посильную помощь якутские эмигранты, белогвардейское правительство Приморья и иностранные торговые компании. Военные неудачи и отсутствие массовой поддержки со стороны якутского населения и интеллигенции способствовали провалу

© *Е.П. Антонов, 2018*

плана по захвату г. Якутска и дальнейшему наступлению в Сибирь. Командование вооруженными силами Якутской АССР под руководством К.К. Байкалова подготовило и нанесло сокрушительное поражение пепеляевцам. Военная кампания нанесла значительный ущерб народному хозяйству республики, привела к существенным боевым потерям с обеих сторон. И красные, и дружинники Пепеляева в расчете на перетягивание симпатий народа не прибегали к массовым карательным акциям, за исключением отдельных эксцессов.

Ключевые слова: Гражданская война, повстанческое движение, Сибирская добровольческая дружина, автономная Сибирь, областники, земский собор, ВЯОНУ, торговые компании «Олаф Свенсон» К⁰, «Гудзон Бей», «Арай Гуми», тунгусский съезд, Якутская АССР, Нарревдот, красный бандитизм.

Актуальность темы исследования связана с изучением последних сражений Гражданской войны, произошедших на территории Якутской АССР в 1922–1923 гг. и связанных с походом Сибирской добровольческой дружины во главе с генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым. В коллективной монографии «История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны», ставшей крупным событием в историографии, эти боевые действия остались недостаточно изученными. В 2018 г. исполнилось 100 лет со дня установления советской власти в Якутии, положившей начало самой продолжительной в северном регионе кровопролитной Гражданской войне.

Целью статьи является раскрытие похода генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева в Якутию в исторической последовательности, связанной с выявлением формирования военной экспедиции, обстоятельств похода, отступления и пленения А.Н. Пепеляева и остатков Сибирской добровольческой дружины

К концу 1921 г. только две территории – Приморье и большая часть Якутии – остались еще вне зоны коммунистической власти. В начале 1922 г. японцы готовились к эвакуации из Владивостока, а Якутская область стала последним окраинным регионом, где завершались последние сражения Гражданской войны. В марте 1921 г. областной съезд в Чурапче постановил отправить председателя Временного якутского областного народного управления (ВЯОНУ) Г.С. Ефимова во Владивосток к Временному Приамурскому правительству за поддержкой. Другой съезд якутов и тунгусов в Нелькане с той же целью командировал правого эсера П.А. Куликовского во Владивосток к Временному Приамурскому правительству. Весной 1922 г. вначале Куликовский, а затем Ефимов прибыли

в центр Приморья и стали убеждать, что якуты-повстанцы, поголовно восставшие против советской власти и окружившие Якутск, остро нуждаются в оружии, боеприпасах и профессиональных офицерах [Вишневский, 1996, с. 66, 67; Антонов, Антонова, 2017б, с. 837].

В Маньчжурию доходили слухи о вспыхивающих в Сибири крестьянских восстаниях, которые подхватывались эмигрантской прессой и раздувались до событий колоссальных масштабов. Пепеляев предлагал укрепиться на западных границах Сибири, сформировать армию, считать законной властью власть Земского собора с перспективой формирования в будущем «всероссийского крестьянского царства» с крепким мужичьим укладом. Его экономический идеал ассоциировался с зажиточным бытом русских старожилов, а политическую форму правления в будущем должно было определить Учредительное собрание. Пепеляевцы интернационализму противопоставили свою любовь к народу и России, безбожию – веру в Бога и партийной диктатуре – власть народа [Юрганова, 2006, с. 55]. Генерал Пепеляев планировал бороться не как корнет В.А. Коробейников, воевавший не с коммунистами, а с якутским народом путем расстрелов, грабежей и насилий над мирными жителями [Никифоров-Кюльмюр, 2001, с. 296].

Для организации похода на Север Временное Приамурское правительство во главе с С.Д. и Н.Д. Меркуловыми приказало сформировать «милицию северной области». Генерал Пепеляев прибыл во Владивосток в июле 1922 г. и 15 августа 1922 г. завершил формирование Сибирской добровольческой дружины [Вишневский, 1996, с. 66]. Своим распоряжением Пепеляев приказал не употреблять слово «белый». «Через автономную Якутию к автономной Сибири» – таков был девиз, предложенный председателем

«Совета уполномоченных автономной Сибири», известным областником А.В. Сазоновым, планировавшим поддержать восстание крестьян в Западной Сибири, организовать сибирскую армию, избрать думу и сформировать автономную Сибирь. В Харбине и во Владивостоке состоялся спешный набор командного состава из представителей белой эмиграции, при этом предпочтение отдавалось сослуживцам генерала по I Сибирской армии. В частях Пепеляева царил строгий распорядок дня, имелся свой церковный хор, певчие которого освобождались от нарядов. Пепеляев организовал при штабе дружины информационный отдел во главе с Г.П. Грачевым и А.Б. Соболевым, снабдил его типографией для печатания воззваний и листовок [Последний допрос..., 2017; Юрганова, 2006, с. 55, 56; История Якутской АССР, 1963, с. 72].

Пепеляевцам предоставили кредиты: американская фирма «Олаф Свенсон и К^о» – на 401 тыс. руб. золотом, английская фирма «Гудзон Бей» – на 25 тыс. руб. золотом, Британская Дальневосточная компания – на 20 тыс. руб. золотом. Договоры на поставку оружия и снаряжения заключили американская фирма «Братья Холмс», японские фирмы «Арай Гуми» и «Нихон Моохи» [История Якутской АССР, 1963, с. 71]. Японский генерал Фукуда обещал Сазонову 1 млн золотых рублей из колчаковских запасов, хранящихся в Японии. 6 сентября 1921 г. в своем письме председателю Совета уполномоченных автономной Сибири Пепеляев считал главной опорой войск народ и критиковал казачьих атаманов, которые «опираются не на русские силы и всецело зависят от японцев и, конечно, потерпят неудачу» [Антонов, Антонова, 2017а, с. 146; Hoover institution, Stanford, California 94305–6010 USA. Папка №139. Л. 5–9].

По просьбе А.В. Сазонова из складов, охраняемых японцами, Пепеляевым были получены одна тысяча винтовок со 100 тыс. патронами, пулеметы и патроны к ним, телефонное имущество [Последний допрос..., 2017] Позднее дружина получила минный транспорт «Защитник» и канонерскую лодку «Батарея» для переброски из Владивостока в порт Аян. В Якутии Пепеляев овладел остатками захваченной повстанцами В.А. Коробейникова в Аяне, Нелькане и Охотске грузов Центросоюза. П.А. Куликовский вместо обещанных 500 тысяч зо-

лотых рублей передал Пепеляеву 60 тысяч рублей, полученных от купца П.А. Кушнарева [Последний допрос..., 2017; История Якутской АССР, 1963, с. 71, 72; Юрганова, 2006, с. 55; Юзефович, 2015, с. 11].

Командующий дружиной отметил в своем приказе от 1 января 1923 г., что «не иностранные капиталы и армии, не союзные дипломаты спасут Россию. Россию спасет сам русский народ». До отплытия им предложили зафрахтовать пароход на случай отступления из Якутии, но Пепеляев наотрез отказался [Конкин, 1998, с. 21, 22]. В целом денежных средств катастрофически не хватало, и перед походом в 1922 г. командующий всерьез говорил о финансовом банкротстве формируемой дружины и настойчиво просил от эмигрантского правительства дополнительного выделения средств [Hoover institution, Stanford, California 94305–6010 USA. Папка №139. Л. 10; Антонов, Антонова, 2017а, с. 148, 149].

В ночь с 29 на 30 августа 1922 г. канонерская лодка «Батарея» и минный транспорт «Защитник» с 533 офицерами и солдатами во главе с генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым с вооружением и продовольствием отплыли из Владивостока. 21 сентября 1922 г. пароход «Томск» с 187 дружинниками во главе с генералом Е.К. Вишневым покинул Приморье. 8 сентября 1922 г. в порту Аян на Охотском море высадились первая партия дружины, а 1 октября – вторая. В порту Аян находились остатки войск корнета В.А. Коробейникова в составе 200 повстанцев и отряд офицера А.А. Рязанского в составе 50 человек [Вишневский, 1996, с. 67, 68].

По случаю вторжения дружины генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева Совет народных комиссаров Якутской АССР во главе с И.Н. Бараховым выступил с декларацией, где говорилось о вторжении недобитых колчаковских контрреволюционеров – заклятых врагов якутской нации, намеревающихся ликвидировать автономную Якутию, поработить коренные народы и разграбить природные ресурсы края. Содержался призыв ко всему населению, национальной интеллигенции, амнистированным повстанцам сплотиться и единым фронтом противостоять врагу.

В ответ командующий дружиной выступил с обращением, где отметил, что ишимские, тобольские, енисейские, иркутские, приморские

крестьяне во главе с офицерами – участниками Первой мировой войны, прибыли по приглашению уполномоченных якутского народа. Пепеляев призвал организовать Учредительное собрание, которое изберет законную власть, верными слугами которой станут дружинники [Там же, с. 69–71]. Пепеляевцы призывали прекратить деление на красных и белых, объединиться под бело-зеленым флагом и совместно идти в Сибирь [Попов, 2009, с. 400, 401; Строд, 1934, с. 85, 86]. В то же время подполковником Суровым была разработана секретная инструкция для подпольной организации представителей интеллигенции г. Якутска. Перед подпольщиками были поставлены задачи по разведке численности, передвижения, расположения складов красных, по организации агитации против коммунистов и подготовки вооруженного переворота [НА РС (Я). Ф. 440. Оп. 1. Д. 3. Л. 17].

Руководитель Сибирской добровольческой дружины провел 7 сентября 1922 г. совещание с участием генерал-майора Ракитина, начальника политотдела А.Б. Соболева, полковника Генштаба С.А. Леонова, корнета В.А. Коробейникова, капитана Н. Занфинова, управляющего Якутской областью П.А. Куликовского, помощника управляющего Д.Т. Борисова, членов ВЯОНУ С.П. Попова, А.А. Новгородова, П.Д. Филиппова, купца Ю.А. Галибарова [Попов, 2009, с. 398; Потапов, 1927, с. 37]. Было вынесено постановление о сосредоточении гражданской власти в руках управляющего П.А. Куликовского и его помощника Д.Т. Борисова. О деятельности членов этого объединения свидетельствует письмо начальника Охотского отряда Ракитина начальнику Колымского военного района есаулу П.П. Шулепову о том, что о подробной обстановке в Якутской области проинформируют чрезвычайно уполномоченные по Верхоянскому округу А.С. Ефимов и А.Е. Кулаковский [Антонов, 1996, с. 96].

Генерал Е.К. Вишневский предложил командировать представителя в Охотск с целью получения от ВЯОНУ 250–300 тыс. руб. для эмиграции дружинников за рубеж в случае военного поражения, но Пепеляев категорически отказался от этой затеи [Вишневский, 1996, с. 63, 64]. В Аяне Пепеляев, ознакомившись с оперативной обстановкой, увидел, что масштабы повстанчества резко сократились, инициатива полностью

перешла к красным, и не решался начать поход вглубь Якутии, но поддавался уговорам П.А. Куликовского [Конкин, 1998, с. 23].

Командующий дружиной надеялся захватить врасплох красный отряд И. Карпеля в Нелькане, воспользоваться его вооружением, спуститься вниз по реке Мае, захватить какой-либо пароход и двинуться на Якутск [Никифоров-Кюльмнюр, 2001, с. 292]. Однако извещенные перебежчиком 250 красноармейцев успели отремонтировать за сутки заброшенную брандвахту, лопатами и кайлом отгребли песок, тряпками и мхом заделали дыры и, с трудом спустив судно на глубокое место, отплыли в Петропавловское [Юзефович, 2015, с. 130]. 29 сентября 1922 г. войска генерала вступили в опустевший Нелькан.

Переход с побережья Охотского моря в 240 верст пепеляевцы прошли за 20 дней без остановок в пути в теплых помещениях, без теплой одежды и обуви. Им пришлось преодолеть путь через сплошные болота и широко разлившиеся горные реки. На горном перевале Джугджур сильные ветра тащили оленей с привязанными к нартам людьми, судорожно хватаящимися за деревья. Часть продовольствия они были вынуждены бросить в местности Сыгынах, так как измотанные лошади корнета В.А. Коробейникова были сразу изъяты пепеляевцами, которые навьючили на них груз, большинство лошадей, не выдержав нагрузки, пали. Добровольцы же не могли на себе тащить груз по болотам и горным тропам. Оттуда к красным бежал перебежчик. Несколько знатоков местности предлагали Пепеляеву погнаться за этим солдатом, но Пепеляев опрометчиво не придавал значения случаю. По дороге пало 100 лошадей, и среди солдат начался голод – ели собак, ворон и варили кожу, содранную с дверей [Вишневский, 1996, с. 71, 72, 78; Никифоров-Кюльмнюр, 2001, с. 299; Юзефович, 2015, с. 115].

В Нелькане пепеляевцы застряли, так как плыть по реке им было не на чем, так же, как и возвращаться назад. Пеший поход ввиду наступившей осенней распутицы также стал невозможен. Пепеляев дважды посылал в Аян нарочных с требованием немедленной доставки на 300 нартах 3 тысяч пудов грузов – продовольствия и теплого обмундирования. Только 19 октября 1922 г. из Аяна в Нелькан генерал Е.К. Вишневский доставил амуницию на 10

подводах для 300 чел. Всего же за весь период пепеляевщины из Аяна вышло, по подсчетам начальника транспорта Сибирской дружины, около 1500 нартов и от тунгусов было получено еще 800 оленей для доставки грузов [Никифоров-Кюлюмнюр, 2001, с. 293, 294].

Купец Ю.Г. Галибаров «изрядную долю товаров, которые выдавались ему, чтобы обменять на оленей с нартами для дружины, выменивал на меха для себя лично». Он открыто говорил: «Дурак, кто не воспользуется моментом» и сбывал затем ценную пушнину агентам японских и американских фирм. Пепеляев объявил Аяно-Нельканский район прифронтовым и выменивал у тунгусов оленей на муку, охотничьи ружья, порох и патроны по более низким расценкам, чем советские торговые организации и купцы вроде Галибарова [Юзефович, 2015, с. 146, 148]. В связи с нехваткой продуктов питания вводились суточные нормы потребления одного дружинника: по 2 фунта муки, 1 фунту мяса, 10 зол. крупы, 10 зол. сахара, соли и чая по вкусу, табака и мыла по 1 фунту в месяц. Пепеляев назначил экономический совет из числа местных деятелей С.П. Попова, Ю.Г. Галибарова и П.Д. Филиппова во главе с начальником снабжения. Для подъема боевого духа 9 декабря 1922 г. в Нелькане состоялся парад бойцов Сибирской добровольческой дружины. Только в начале января 1923 г. пепеляевцы выступили пешим порядком из Нелькана [Юрганова, 2006, с. 55, 56].

Председатель СНК ЯАССР И.Н. Барахов, командующий войсками ЯАССР К.К. Байкалов и начальник штаба А.Г. Козлов обратились к дружинникам А.Н. Пепеляева с обращением, где информировали об освобождении красными Владивостока и призвали добровольно сдать в плен. Продолжение бессмысленной войны означало разорение хозяйств и гибель людей. Сложившим оружие гарантировали личная и имущественная неприкосновенность, отправка в любое место жительства [Вишневский, 1996, с. 74]. 14 января 1923 г. мирная делегация в составе 40 красных с четырьмя пулеметами, встретив якутских повстанцев, скрылась, оставив письма с предложением о сдаче. Одновременно другой красноармейский отряд в 35 чел. зашел с тыла к мятежникам, с целью уничтожить их. Высланный разведчик-якут перешел на сторону пепеляевцев и рассказал о местона-

хождении красноармейцев. В результате повстанческий отряд атаковал противника, бежавшего с поля боя, оставив 10 убитых и одного раненого [А.Н. Пепеляев..., 1991, с. 26].

Пепеляев отправил отряд генерала Ракитина из Охотска через Охотский перевоз (на р. Алдан) – в Чурапчу и далее на Якутск. В конце декабря 1922 г. из Нелькана по направлению к Амге выступил авангард отряда полковника Рейнгарда. Пепеляевцы начали скапливаться в районе Усть-Миля по Алдану и выдвинули вверх по р. Миль в сторону Амги разведывательный отряд полковника Сурова. Из Охотска через Оймякон к Верхоянску пробралась группа уполномоченного по Верхоянскому округу А.С. Ефимова. Прибывший по Охотскому тракту отряд генерала Ракитина 13–15 января 1923 г. вторгся в пределы Баягантайского и Ботурусского улусов.

После спешного отступления в Аян остатков белых во главе с корнетом В.А. Коробейниковым оставшиеся 370 повстанцев с двумя пулеметами, узнав о высадке на Охотском побережье Сибирской добровольческой дружины, организовали Временный военный совет в составе председателя М.К. Артемьева, членов Е. Сысолятина, И.И. Неустроева. Кроме того, в районе с. Покровское к югу от Якутска действовал отряд численностью до 300 повстанцев, впоследствии увеличившийся за счет прибытия из Олекминского округа 110 мятежников [Вишневский, 1996, с. 82]. На помощь пепеляевцам из Оймякона в Таттинский улус прибыл отряд членов ВЯОНУ Говорова и П.И. Оросина. В 1-й Амгинский улус проникла с р. Нотора группа повстанцев М.К. Артемьева. В районе Усть-Миля на речке Билир появился отряд Н.В. Алексеева, получивший приказ проникнуть в Восточно-Кангаласский улус [История Якутской АССР, 1963, с. 73].

После падения власти белых во Владивостоке своим приказом от 1 января 1923 г. Пепеляев предписал «для закрепления сплоченности» дружины при обращении друг к другу употреблять перед чином слово “брат” – брат полковник, брат генерал и т.д.» [Юзефович, 2015, с. 166]. 2 января 1923 г. съезд представителей тунгусского, якутского и русского населения Аяно-Нельканского района, заявив в своем обращении к населению Якутии о добром отношении пепеляевцев к местным жителям и отсутствии

насилий и притеснений, призвал всех граждан объединиться вокруг Сибирской добровольческой дружины с целью свержения власти большевиков, истребивших лучших представителей народа и разоривших хозяйства якутов [Вишневский, 1996, с. 87]. В своем дневнике Пепеляев отметил ожидание улусным населением дружинников: «Ждем с нетерпением, придите скорее, накормим всех, отдадим последнее и сами пойдем добровольно, только бы выгнать красных» [А.Н. Пепеляев..., 1991, с. 26]. 5 февраля 1923 г. генерал-майор Ракитин обратился с посланием к командиру Нарревдота (Народно-революционного отряда из числа бывших повстанцев) С.М. Михайлову. Обращалось внимание на беспримерный (без продовольствия, перевязочных средств, знания местности и якутского языка) поход дружины из Аяна до Амги. Генерал констатировал многократный численный перевес якутов-дружинников по сравнению с бойцами Нарревдота [НА РС (Я). Ф. 455, Оп. 1. Д. 90. Л. 57; Антонов, 1996, с. 96].

К.К. Байкалов жаловался на заседании Якутского обкома РКП (б) на беспрестанное вмешательство командующего 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа К.А. Чайковского в оперативные вопросы, в частности, требовавшего от отряда И.Я. Строда стоять до конца в Петропавловске, который пепеляевский генерал Ракитин сумел легко обойти. [Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 701. Л. 3]. Еще в октябре 1922 г. военное командование ЯАССР создало Восточный боевой участок во главе с Е.И. Курашовым в Чурапче, где сосредоточило до 600 штыков [История Якутской АССР, 1963, с. 74]. К.К. Байкалов приказал разрозненным красным отрядам сконцентрироваться в районе Чурапча – Амга, а находившемуся в Амге отряду И.Я. Строда выступить в с. Петропавловск на соединение с расквартированным там батальоном [НА РС (Я). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136. Л. 80].

В ночь на 2 февраля 1923 г. авангардная группа под командой полковника Рейнгарда численностью до 400 чел., из которых 250 русских и 150 якутов, внезапно атаковав, заняла с. Амга, где застигнутый врасплох гарнизон не сумел дать организованного отпора [НА РС (Я). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136. Л. 80; История Якутии..., 2005, с. 37].

После падения Амги первое секретное совещание якутских повстанцев, служивших у генерала Ракитина, высказалось за расширение гражданских функций ВЯОНУ путем воздействия на военный суд с целью пресечения возможных расправ пепеляевцев над военнопленными и мирными жителями, а также доступ руководства ВЯОНУ к военным планам дружинников. 21 февраля 1923 г. уже второе секретное совещание национальной интеллигенции выразило недоверие генералу Ракитину, замышлявшему предательство в отношении якутов, и предложило Областному управлению заключить перемирие с красными, передать на сохранение от хищений в руки членов ВЯОНУ ценную пушнину [Никифоров-Кюльмюр, 2001, с. 287].

В г. Якутске было объявлено осадное положение, а Пепеляев отдал приказ о наступлении на Якутск. Отряд И.Я. Строда численностью 394 красноармейца с пятью тяжелыми и 15 легкими пулеметами покинул Петропавловск 8 февраля 1923 г. и 13 февраля оказался в 28 км от с. Амги, совершив трудный 200-верстный переход [НА РС (Я). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136. Л. 80; Юзефович, 2015, с. 202].

13 февраля в пяти балаганах (юртах) в местности Сасыл-Сысы («Лисья поляна») в 18 верстах от Амги 282 красноармейца оказались в окружении 230 дружинников Е.К. Вишневого. В первой атаке пепеляевцы потеряли 49 убитыми, 40 ранеными и четыре пленными, красные – 26 убитыми и 30 ранеными. Окруженные воздвигли баррикады из замороженных навоза и трупов, заготовили дрова. Чтобы обеспечить себя водой, красным приходилось выползать ночью за окопы, наполняя мешки снегом. При свете луны якутские повстанцы вели поражающий огонь, и тогда красноармейцы использовали белые халаты, сшитые из простыней. Снега хватало, чтобы едва сварить конину, выдать по две кружки воды раненым, по одной – здоровым. Медикаменты отсутствовали, бинты промывали по несколько раз, пока они не разваливались, люди умирали от заражения крови. 96 раненых располагались в темном и сыром хотоне площадью 20 кв. саженей с гнилым и спертым воздухом. Миллионы вшей усугубляли мучения осажденных [Попов, 2009, с. 409–412; Томский, Пестун, 1925, с. 7–9, 15, 16, 25, 26].

Пепеляев перехватил донесение И.Я. Строда в Якутск и узнал об огромных потерях и падении боевого духа окруженных. Надеясь на добровольную сдачу, пепеляевцы потеряли ценное время на переговоры до 18 февраля, что затянуло осаду на три недели и сорвало в конечном результате наступление на Якутск [Вишневский, 1996, с. 76, 226]. К концу февраля в осаде Сасыл-Сысы ясно обозначилось иррациональное начало. У Пепеляева была возможность оставить местность и двинуться на Якутск, чтобы не дать Байкалову перехватить инициативу [Юзефович, 2015, с. 249]. Петропавловцы отвлекли на себя основные силы, сорвали намеченное на 17 февраля 1923 г. наступление А.Н. Пепеляева на Якутск. Этот эпизод вооруженной борьбы, один из драматических эпизодов в истории Якутии, известен как «ледовая осада» [История Якутской АССР, 1963, с. 74].

Против Пепеляева действовали две ударные группировки Красной Армии: экспедиционный отряд К.К. Байкалова в Якутске и Восточный боевой участок под командованием Е.И. Курашова в Чурапче. Ударная группа под командованием К.К. Байкалова состояла из дивизиона ГПУ И.П. Мизина и частей особого назначения (ЧОН), всего 600 человек с 15 пулеметами и двумя орудиями. Отряд Е.И. Курашова состоял из 537 бойцов с двумя горными орудиями, семью тяжелыми и 20 легкими пулеметами. Обе группы войск выступили одновременно, первая – в направлении Амги, вторая – на помощь окруженному в Сасыл-Сысы отряду Строда [НА РС (Я). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136. Л. 80; История Якутии..., 2005, с. 38].

В ходе телеграфных переговоров командующего вооруженными силами ЯАССР К.К. Байкалова и начальника его штаба А.Г. Козлова с командиром 12-го стрелкового корпуса К.А. Чайковским 26 февраля 1923 г. выяснилось стремление Пепеляева побыстрее покончить с окруженным отрядом Строда, отвлекавшего значительную часть сил наступающих. Чайковский высказал недоумение позицией Байкалова, ожидающего Е.И. Курашова и недвигающегося «форсированным маршем на выручку Строда». Он потребовал оказать осажденным немедленную помощь, но распоряжение осталось проигнорированным. 3 марта 1923 г. Козлов доложил командиру 12-го стрелкового кор-

пуса о своих грустных размышлениях по поводу топтания на одном месте, дающего возможность пепеляевцам «расправиться со Стродом» [НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 80. Л. 3об., 20об., 21]. Впоследствии Строд считал, что Байкалов его предал, критиковал командующего вооруженными силами ЯАССР за ошибки при штурме Амги, потом – за едва не проигранную кампанию, а попутно – за преувеличение им собственной роли в борьбе с колчаковщиной в Сибири и принижение Каландаришвили [Юзефович, 2015, с. 316].

2 марта 1923 г. 600 бойцов К.К. Байкалова, наступавшие под прикрытием густого тумана по открытой местности, после шестичасового ожесточенного сражения заняли Амгу. В плен были захвачены 220 дружинников, в том числе П.А. Куликовский, который покончил жизнь самоубийством. Отличившиеся при штурме коммунисты Ян Крумин, комиссар отряда Ф.В. Ляжнин (посмертно), И.Е. Алексеев и другие были награждены орденами Красного Знамени [История Якутии..., 2005, с. 38; Вишневский, 1996, с. 76; Попов, 2009, с. 414]. При штурме Амги погибли командиры отрядов И.К. Жарных, А.А. Гоголь и др. В качестве трофеев были захвачены 170 тыс. патронов, несколько сот гранат, палатки, 500 комплектов белья, 700 пудов мяса [НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 80. Л. 33]. 4 марта 1923 г. отряд Е.И. Курашова освободил осажденный отряд И.Я. Строда, который за 18 суток потерял 63 бойца убитыми, 96 ранеными [История Якутской АССР..., 1963, с. 74].

Красноармейцы Е.И. Курашова, приняли бой с пепеляевцами в местности Билистях в 35 км северо-восточнее Амги 2 марта 1923 г. Пепеляев, получив в этот момент известие о падении Амгинской слободы, приказал дружине прекратить борьбу с советской властью и отступить на Охотское побережье [История Якутии..., 2005, с. 39]. Отряд красноармейцев Мизина в составе 280 штыков «не счел нужным преследовать совершенно деморализованного противника» и без приказа Козлова самовольно «вернулся в Амгу» [НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 80. Л. 23об., 32].

9 апреля Пепеляев отступил до Нелькана, пройдя от Амги 600 км в мороз при сильных ветрах и потеряв в этом беспримерном походе всего два человека [Юзефович, 2015, с. 297]. В Нелькане Пепеляев созвал II тунгусский

«съезд», где заявил, что не заметил у якутов желания сражаться с большевиками, и попросил тунгусов оказать последнюю помощь в эвакуации дружинников в порт Аян, сказав при этом, что он не сможет заплатить ни мукой, ни спиртом, ни охотничьими припасами. В ответ «делегаты» провозгласили территорию, где кочуют тунгусы «самостоятельной республикой», и попросили пепеляевцев остаться для ее защиты, обещая за это исправно снабжать их мясом. Вежливо отклонив лестное предложение, командующий дружиной посоветовал тунгусам подчиниться советской власти. Пепеляев говорил: «Лишь благодаря тунгусам мы не умерли от голода в походе до Аяна» [Юрганова, 2006, с. 59; Юзефович, 2015, с. 302, 303].

9 апреля 1923 г. в Верхоянском округе красные зверски расправились с братьями Иваном и Спиридоном Исидоровыми. Так, у раздетого догола едва живого Спиридона были отрезаны кисть правой руки, порезаны пальцы левой руки, рассечен череп. Рядом лежал также изуродованный труп брата. А.С. Ефимов с негодованием писал в Верхоянский совет, что «маска гуманности спала с Вашего лица и красный бандитизм вновь предстал пред обманутым населением Якутии во всей ужасной наготы» [НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 50. Л. 80, 80об., 81]. В своем письме от 28 декабря 1922 г. к группе представителей интеллигенции чрезвычайно уполномоченный ВЯОНУ А.С. Ефимов подверг сомнению серьезность намерения советской власти искоренить «красный бандитизм»: «Разве не те же Ойунские, Аммосовы, М. Новгородовы укрепляли режим “военного коммунизма”, и имеются ли твердые гарантии, что взамен К.К. Байкалова завтра не встанут у власти левацки настроенные К.А. Сокольников и другие» [НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 50. Л. 21, 21об., 22, 22об.]. В январе 1923 г. в качестве проводников обоза из 60 подвод в Петропавловск были привлечены 20 якутов. В пути красноармейцы отгоняли их от костров, не кормили и избивали прикладами винтовок. В результате такого «братского» отношения погибли П.А. Иннокентьев, И.И. Емельянов, Е.П. Осипов, сошли с ума А. Давыдов и Захаров, а

судьба остальных осталась неизвестной [Там же. Ф. 455. Оп. 1. Д. 90. Л. 60].

Дружина Пепеляева добралась до Охотского побережья. Отступать дальше было некуда, так как Народно-революционная армия вступила 22 октября 1922 г. во Владивосток. В середине ноября Народное собрание ДВР самораспустилось, объявив о воссоединении всего Дальнего Востока с Советской Россией [История Якутской АССР, 1963, с. 74]. К 1 июня 1923 г. пепеляевцы сумели вручную построить пять кунгасов*, готовых вместить 100 чел., а оставшимся 300 чел. следовало прорываться за границу суши [А.Н. Пепеляев..., 1991, с. 28].

Прибывшие в ночь с 16 на 17 июля 1923 г. из Владивостока на трех пароходах – «Индирикка», «Ставрополь» и «Кишинев» – 1000 красноармейцев во главе с С.С. Вострецовым высадились в 20 верстах от Аяна. Пользуясь густым туманом, апатией и беспечностью гарнизона, красные окружили штаб с командующим, жилые постройки и без выстрела взяли в плен дружину. Полковник Андерс отправился с батальоном, кавалерийским эскадроном и батареей занять Аян, но получил приказ командующего дружиной сдать красным [Вишневский, 1996, с. 89–91]. Генерал-майор Е.К. Вишневский, Грачев и другие, всего шесть человек нанялись рабочими к рыбакам-японцам в Улье и сумели добраться до Маньчжурии [Юзефович, 2015, с. 350]. В своем дневнике 28 июня 1923 г. командующий раскаивался: «А мы бросились в объятия опасности, как Дон Кихот, мы боролись с ветряными мельницами. Роковая ошибка, за которую я поплачусь» [А.Н. Пепеляев..., 1991, с. 28].

Пленум Якутского обкома РКП (б) с участием И.Н. Барахова, М.К. Аммосова, С.М. Аржакова и других ходатайствовал об освобождении якутских повстанцев, оказавшихся вместе с пепеляевцами в Иркутской тюрьме [ГАНУ. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 701. Л. 32]. 200 рядовых добровольцев и всех якутских повстанцев отпустили на свободу, более 150 солдат и офицеров без суда отправили в ссылку, более 70 полковников, подполковников, генералов во главе с командующим дружиной отдали под суд военного трибунала 5-й армии. За полгода следователи уличили

*На Дальнем Востоке кунгасами назывались крупные грузовые или рыбацкие беспалубные лодки, обычно гребные, но иногда с парусом [Юзефович, 2015, с. 311].

подсудимых в том, что они разобрали на дрова кузницу в Нелькане, изнасиловали трех якуток и похитили теленка. Более того, Строд сказал, что после прибытия дружины в Якутию прекратились зверства повстанцев, пепеляевцы не расстреливали пленных, а их командующего назвал «гуманным человеком» [Юзефович, 2015, с. 345, 358, 360]. Однако в начале 1924 г. в г. Чите военный трибунал приговорил Пепеляева и 26 офицеров дружины к высшей мере наказания, а Президиум ЦИК СССР заменил ее 10 годами тюремного заключения [Конкин, 1998, с. 19].

Общие потери дружины в ходе боевых операций составили, без учета якутских повстанцев: 98 чел. – убитыми, 24 – пропавшими без вести, 115 – пленными и 102 чел., оставшимися в Петропавловске и других местах. Из 732 высадившихся на Охотском побережье Пепеляев сохранил около 400 чел. [Юзефович, 2015, с. 297, 298]. С сентября 1922 г. по апрель 1923 г. погибло 192 красных бойца, ранено 259, пропали без вести 47. Наиболее значительные материальные убытки понесли Амгинский и Усть-Майский улусы, оказавшиеся в зоне главных боевых действий. Однако 17 февраля 1923 г. на Президиуме ЯЦИК с участием П.А. Ойунского, М.К. Аммосова, С.Н. Донского-2, А.Д. Широких и других К.К. Байкалов привел в своем секретном докладе факт, со ссылкой на мирных жителей, когда за одну ночь пепеляевцы от имени Красной армии произвели 20 случаев грабежей населения [НА РС (Я). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136. Л. 86].

Таким образом, Якутская АССР стала последней территорией страны, где завершилась Гражданская война. Дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, прибывшая в северный край по приглашению уполномоченных Временного Якутского областного народного управления, рассчитывала на поддержку восставших якутов и дальнейший поход в Западную Сибирь, где с 1921 г. начались крестьянские вооруженные выступления против власти. Командующий дружинниками планировал после свержения диктатуры большевиков избрать Земский собор, который определил бы форму правления в областнической Сибири. Посильную помощь северной экспедиции оказали якутские эмигранты, белогвардейское правительство Приморья и торговые компании иностранных государств. Однако неудачи в Нелька-

не, длительная осада Сасыл-Сысы, двойственная позиция якутской интеллигенции и ВЯОНУ способствовали провалу реальных планов захвата г. Якутска. Командующий вооруженными силами Якутской АССР К.К. Байкалов использовал промахи своего противника и сумел при героической обороне красного отряда И.Я. Строда и активном наступлении Восточного боевого участка во главе с Е.И. Курашовым, подготовить и нанести сокрушительное поражение дружине в Амге. Эта военная кампания нанесла значительный ущерб народному хозяйству республики, существенными были также и боевые потери с обеих сторон. И красные, и дружинники в целом гуманно относились к мирному населению и пленным, за исключением отдельных эксцессов.

Литература

- Антонов Е.П. Северная «одиссея» дружины Пепеляева // Полярная звезда. – 1996. – № 5. – С. 96
- Антонов Е.П., Антонова В.Н. «Отправляясь во главе добровольческого отряда в Сибирь (Якутскую область) ...» / Письма генерала А.Н. Пепеляева к А.В. Сазонову. 1921–1922 гг. // Исторический архив. – 2017а. – № 5. – С. 143–152.
- Антонов Е.П., Антонова В.Н. Социальный состав и идеология повстанческого движения в Якутии в 1921–1922 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2017б. – Т. 159, кн. 4. – С. 836–845.
- А.Н. Пепеляев: из дневника // Илин. – 1991. – № 3. – С. 25–28.
- Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Описание якутского похода Сибирской добровольческой дружины // Полярная звезда. – 1996. – № 4. – С. 62–90.
- История Якутии (1917–2003 гг.): учеб. пособие. – 2-е изд., доп. / под ред. М.М. Хатылаева. – М.: Омега-Л., 2005. – 229 с.
- История Якутской АССР. Т. III. / редколл.: В.Н. Антипин, З.В. Гоголев, Ф.И. Головных, Ю.А. Поляков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 364 с.
- Конкин П.К. Драма генерала // Илин. – 1998. – № 1. – С. 18–23.
- Никифоров-Кюлюмнюр В.В. Солнце светит всем. Статьи, письма, произведения / сост. И.Е. Федосеев. – Якутск: Бичик, 2001. – 568 с.
- Последний допрос генерала Пепеляева // Якутск Вечерний. – 2017. – 17 февр.
- Попов Г.А. Сочинения. Т. IV. Прошлое Якутии: сборник документов и материалов по истории Якут-

ской АССР / отв. ред. Е.П. Антонов, Л.Н. Жукова. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2009. – 480 с.

Потапов С.Г. Из истории пепеляевщины // Якутские зарницы. – 1927. – № 2. – С. 37–40.

Строд И.Я. В якутской тайге. – М.: Молодая гвардия, 1934. – 232 с.

Томский В., Пестун Е.Г. Сасыл-Сысы. Эпизод из героической борьбы с пепеляевщиной красных отрядов под командой т. Stroda. – Якутск: Изд-во «Ленинец», 1925. – 44 с.

Юзефович Л. Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923 гг. Документальный роман. – М.: Изд-во АСТС, 2015. – 430 с.

Юрганова И.И. Генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев: малоизвестные страницы истории // Якутский архив. – 2006. – № 2. – С. 53–61.

Источники

Hoover institution, Stanford, California 94305–6010 USA. Папка №139. Генерал А.Н. Пепеляев (Письма к А.В. Сазонову).

ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 701.

НА РС (Я). Ф. 176. Оп. 1. Д. 50; Д. 80; Ф. 209. Оп. 1. Д. 136; Ф. 440. Оп. 1. Д. 3; Ф. 455. Оп. 1. Д. 90.

E.P. Antonov

Yakutia: the Last Battle of the Civil War (General A.N. Pepelyaev's March in Yakutia in 1922–1923)

Chronologically, it was in the territory of Yakutia that the last battles of the Civil War in the Far East and in the whole country ended. Siberian volunteer squad Lieutenant General An. Pepelyaeva, formed from Kolchak units in China, arrived to the North at the invitation of representatives of the Yakut rebel movement in the hope of mass support of the Yakut rebels and further progress deep into Russia. It was planned after elimination of the power of Communists popularly to choose the Zemsky Sobor which would define in the future a form of government. Expedition Pepelyaeva has provided all possible assistance to the Yakutsk exiles, the white guard, the government of Primorye and foreign trade company. Military failures and the lack of mass support from the Yakut population and intellectuals contributed to the failure of the plan to capture the city of Yakutsk and further offensive in Siberia. Command of the armed forces of the Yakut Autonomous Soviet socialist Republic under the leadership of K. K. Bakalova prepared and inflicted a crushing defeat on Pepelyaeva. The military campaign caused significant damage to the national economy of the Republic, led to significant combat losses on both sides. Red and vigilantes Pepelyaev in the calculation of the tug-of-war sympathies of the people had not resorted to large-scale punitive actions, except for individual incidents.

Keywords: Civil War, insurgency, Siberian volunteer brigade, the Autonomous Siberia, the regionalists, the Zemsky Sobor, Temporary Yakut Regional People's Administration, trading company "Olaf Swanson", "Hudson Bay", "Arai Gumi", Congress of the Tungus, Yakut ASSR, Narrevdot, red banditry.

Я.М. Санникова, С.И. Винокурова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.005

УДК 94:33(571.56-17)"192"

Г.Г. Колесов и его рукописи об экономическом положении Колымского округа Якутии в 1920-е годы

Статья посвящена 125-летию со дня рождения выдающегося сына Якутии, уроженца Средней Колымы, ученого-экономиста, государственного и общественного деятеля, профессора Георгия Георгиевича Колесова

© Я.М. Санникова, С.И. Винокурова, 2018

(1893–1943) и раскрывает начальные моменты его научной биографии. Подчеркнута роль исследования С.И. Ковлекова – автора единственного биографического труда о Г.Г. Колесове. Кратко рассмотрен личностный рост ученого. Внимание уделено его профессиональному становлению как ученого и неопубликованным рукописям об экономическом положении Колымского округа в 1920-х гг. Колесов показал особенности экономического районирования округа и традиционной хозяйственной деятельности сельского населения края, разработал в контексте развития в целом северных округов и планы мероприятий. Авторы хотели бы обратить внимание на необходимость дальнейшего систематического изучения наследия профессора Колесова, в том числе специального историко-экономического анализа его опубликованных трудов по сельскому хозяйству Якутии, и выявления в российских архивах как неизвестных документов, касающихся его биографии, так и его рукописей. Актуализирована и необходимость организации фонда Г.Г. Колесова в Национальном архиве Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: Георгий Георгиевич Колесов, 2-й Мятисский наслег, Алазея, Колымский округ, научная биография, экономическая история Якутии.

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения нашего выдающегося соотечественника, славного сына Колымского края Якутии, ученого-экономиста, государственного и общественного деятеля, профессора Георгия Георгиевича Колесова. Истории его жизнедеятельности посвящен единственный биографический труд Семена Ипатьевича Ковлекова «Профессор Г.Г. Колесов. Очерк жизни и научно-педагогической деятельности», изданный в 1992 г. Как упомянуто в предисловии книги, в 1963 г. известный краевед Модест Алексеевич Кротов опубликовал статью «Первый колымский ученый» в газете «Кыым», вскоре после этого М.А. Кротов решил написать книгу и вступил в переписку с его супругой Натальей Васильевной Колесовой. Она с радостью приняла это предложение и перепечатанные письма и документы вместе с книгами Георгия Георгиевича отправила краеведу. К сожалению, Модест Алексеевич не успел написать книгу, он заболел и скончался в 1966 г. По завещанию Н.В. Колесовой все рукописи, документы, письма, фотографии, книги мужа были переданы племяннице ученого А.С. Колесовой. Впоследствии на этих источниках, дополненных архивными документами и материалами периодической печати, была написана работа С.И. Ковлекова. Авторы обратили внимание на то, что Семен Ипатьевич старался учесть пожелание Натальи Васильевны, высказанное в письме еще М.А. Кротову, о том, чтобы он писал о нем как о простом научном работнике, патриоте своей Родины, который верил в правду и торжество справедливости, несмотря на личную тяжелую трагедию, чтобы его образ полу-

чился «гражданственным» и в какой-то мере «лирическим» [Ковлеков, 1992, с. 3–4].

Также за все эти годы в периодической печати Среднеколымского района были изданы статья С.И. Ковлекова в 1973 г. и ряд публикаций краеведов и родственников, посвященных Г.Г. Колесову [Из фондов Сватайской СОШ...].

В 2013 г. был опубликован сборник статей и воспоминаний «Георгий Георгиевич Колесов. Сахаттан маннайгы профессор», инициированный земляками и родственниками, в честь 120-летия со дня рождения ученого, составителем которого является С.А. Третьякова [Георгий Георгиевич Колесов, 2013].

Данная статья задумана как обращение к некоторым страницам научной биографии Георгия Георгиевича Колесова на основе немногочисленной литературы о нем и некоторых архивных документов.

Рождение ученого. Георгий Колесов появился на свет 9 мая 1893 г. в местности Кумах 2-го Мятисского наслега Колымского округа. Семья его родителей – Егора Николаевича и Дарии Саввичны, урожденной Сазоновой, была среднего достатка, многодетной, у них было 12 детей. Георгий родился восьмым ребенком. В его семье было много долгожителей [Ковлеков, 1992, с. 5–6]. Наслег, где родился Колесов, местность и люди, населяющие ее, уникален – это исторически сложившийся культурный ландшафт, созданный на р. Алазея и в ее озерном бассейне с богатыми дичью лесами, рыбными озерами, сенокосными угодьями и пастбищами. Предки Георгия Колесова были представителями одной из шести основных родословных фамилий северных колымских скотоводов и коне-

водов – саха, сделавших наслег местом сосредоточия жизни всех коренных жителей этого края. До сих пор их потомки являются старожилками своего наслега, продолжателями своих родов [Из фондов Сватайской СОШ...; Санникова, 2016а].

В порядке обязательной разверстки в числе пятерых детей примерно в 1903 г. Георгий поступает в Енженскую церковно-приходскую школу, через три года он был направлен в Среднеколымское двухклассное училище. В этот период знакомится с политическими ссыльными в г. Среднеколымск, общение с которыми заложило основу демократических убеждений юного Колесова. После окончания училища он четыре года, с 15 лет, учительствовал в Енже. Георгий очень хотел продолжить учебу и решил поехать в 1913 г. в Якутск, отец благословил его, сказав, чтобы поступал, как считает нужным. Средств на поездку было мало, немного дали родители, немного – крестный отец [Ковлеков, 1992, с. 6].

Не с первой попытки, но благодаря своему трудолюбию и незаурядным способностям он поступил в Якутскую духовную семинарию и сдал экстерном экзамены за первый год обучения. Годы студенчества в Якутске совпали с крупными политическими событиями начала XX в. – Первой мировой войной и подъемом революционного движения в России. В это время он вовлекается в активную общественную работу, становится членом знаменитого кружка, организованного в январе 1916 г. Емельяном Ярославским. Он восторженно встретил Февральскую революцию 1917 г., связывая свои чаяния с культурным возрождением и просвещением родного края.

Завершив обучение в семинарии, в том же 1917 г. Георгий поступил на юридический факультет Томского университета, но развернувшиеся политические события затруднили продолжение учебы и он возвращается осенью 1918 г. в г. Среднеколымск, где становится учителем высшего начального училища. Здесь он написал свою первую статью «Об экономической жизни Севера Якутской области» и опубликовал её в 1919 г. в журнале «Кооперативно-агрономическое дело». Она была посвящена тяжелой хозяйственной жизни его земляков и

Георгий Георгиевич с супругой Натальей Васильевной. Москва, 1930 г.

содержала ряд мер, направленных на защиту интересов северян. Именно в период возвращения на родину, в Колымский край, он твердо решает заняться отныне исследованием экономических проблем Якутии. С этой целью он едет учиться и в октябре 1919 г. поступает на экономический факультет Иркутского государственного университета. В 1921 г. он перевелся в Московский институт народного хозяйства им. Карла Маркса (с 1924 г. – им. Г.В. Плеханова) и успешно окончил его в 1924 г. В начале XX в. Г.Г. Колесов становится одним из образованных людей республики, имевших высшее экономическое образование [Ковлеков, 1992, с. 7–15].

В этот же период, в 1923 г., он создал свою семью, его супругой стала Наталья Васильевна Каменская, русская девушка из семьи народных учителей. Родилась она в 1896 г. в Саратовской губернии, росла в Сибири, они познакомились в Иркутске. Их союз был счастливым, полным любви и уважения [Там же, с. 74–75].

Начало профессиональной деятельности в Якутии (1924–1926 гг.). Профессиональная биография экономиста, ученого Г.Г. Колесова была плодотворной и пронизана идеей служения Якутии. Многие решения были приняты им исходя из того, что он мог сделать для своей родной республики. Он соглашался на государственные должности, практическую работу, хотя был увлечен научным творчеством. Мы остановимся только на двух моментах его, к сожалению, короткой, но богатой профессиональ-

ной деятельности. Так, в 1924 г. новоиспеченный экономист с высшим образованием принимает приглашение молодого Правительства Якутской АССР на должность председателя Государственной плановой комиссии автономной республики и в июне приезжает в Якутск.

В этот период в условиях Якутии в правительственных кругах остро дискутировались вопросы об объектах обложения, коэффициентах перерасчета скота и сенокосов в пашню, платежеспособности крестьян и пределах обложения, величине сельскохозяйственного налога и о бюджете республики. Г.Г. Колесов как председатель плановой комиссии быстро разобрался в сути дела. Свои соображения на сей счет экономист изложил в статье «Об основах построения единого сельскохозяйственного налога в Якутии», опубликованной в газете «Автономная Якутия» от 9 и 10 августа 1924 г. Статья отличалась основательностью суждений автора, который выступил против шаблонного применения Положения об едином сельскохозяйственном налоге, утвержденного СНК и ЦИК СССР 30 апреля 1924 г. Налоговая комиссия правительства республики располагала лишь приблизительными данными условно чистой доходности от скотоводства и земледелия – 3300 тыс. руб. Проектируемый Наркомфином республики налог в размере 800 тыс. руб. составил бы около 25% условно чистой продукции. Между тем считались пределом допустимого обложения 11%. Исходя из этого, по мнению Г.Г. Колесова, сумма налога не должна превышать 500 тыс. руб. [Ковлеков, 1992, с. 18]. Его расчеты оказались наиболее верными. Они подтверждались данными последующих годов. Так, позже в статье заведующего отделом по работе в деревне Якутского обкома ВКП (б) Н.Н. Окоемова приводились следующие цифры: размер поступления сельскохозяйственного налога в 1924/25 хозяйственном году выразился в 507 тыс. руб., в 1925/26 г. – в 377 тыс. руб., в 1926/27 г. – в 410 тыс. руб., в 1928/29 г. –

Председатель Плановой комиссии Якутской АССР Георгий Георгиевич Колесов, 1925 г.

в 513 тыс. руб. [Коллективизация ..., 1978, с. 55].

В 1926 г. председателем плановой комиссии республики Г.Г. Колесовым были собраны материалы полевых исследований за годы его работы в составе Правительственной комиссии по делам северных округов. Благодаря этому Г.Г. Колесову представилась возможность побывать на родной Колыме, в эту трудную экспедицию с ним поехала и супруга Наталья Васильевна, она познакомилась с родственниками и земляками Георгия Георгиевича и оказала немалую помощь в работе комиссии. Колесов отвечал за обследо-

вание состояния финансов, путей сообщения и транспортных средств, домашнего производства, охотничьего и извозного промыслов, оленеводства, скотоводства, коневодства, рыболовства и ветеринарного дела. Как подчеркивает С.И. Ковлеков, Колымский округ был обследован с особой тщательностью, материалы по округу были выделены Колесовым из общего отчета комиссии в отдельную рукопись. Семен Ипатьевич приводит на основе документов Национального архива РС (Я) изложение материалов отчета по Колымскому округу, которые легли в основу рекомендаций правительственной комиссии по проблемам социально-экономического развития округа [Ковлеков, 1992, с. 27–37]. В продолжение этого, введенного в научный оборот, источника хотим обратить внимание на то, что на основе данных полевых материалов и отчета Колесов составил научные отчеты и для КЯР. Известно, что он с самого начала сотрудничал с Комиссией по изучению производительных сил Якутии, тому свидетельством и являются три его рукописи по северным округам Якутии, хранящиеся в фондах Комиссии Якутской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [СПбФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 90–92].

Из научных отчетов Г.Г. Колесова о Колымском округе 1920-х гг. В рукописях двух отчетов – «Колымский округ» и «Необходимые мероприя-

тия для улучшения экономического положения Верхоянского и Колымского округов и Эльгетского улуса», изложены особенности экономического положения коренного сельского населения Колымского округа в 1920-е гг. [СПбФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 91; Санникова, 2016б]. Данные рукописи являются письменными источниками научного характера, которые необходимо будет более полно сравнить с вышеописанным правительственным отчетом. Предварительно же отметим, что в целом текст был переработан с учетом специфики исследований Якутской комиссии. В то же время подчеркнутый практический характер изложения подсказывает, что полевые материалы отражают в первую очередь прикладную направленность самой экспедиции.

В первой указанной рукописи Колесов подробно остановился на социально-экономическом анализе жизни коренного населения всего Колымского округа. Автор подчеркивал, что обширность территории округа, разнообразие его природных условий и экономического уклада жизни не давали возможности одним или двумя определенными терминами обозначить занятие, хозяйственную основу жизни населения. Основным занятием населения являлось рыболовство, а главным подспорьем – скотоводство, оленеводство и звероловство. Автор писал: «Если мы расчленим население по указанным выше районам и приблизительно к этому рассмотрим источник его существования, то получается: население, живущее по реке Колыма, занимается почти исключительно рыболовством и, как подспорье, звероловством, население, расселившееся за таежной лесистой таежной частью округа, занимается рыболовством и скотоводством и, как подспорье, – звероловством, население тундровой части округа занимается оленеводством, звероловством и рыболовством» [СПбФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 90. Л. 2]. Колымский округ 1920-х гг. описан Г.Г. Колесовым с точки зрения экономической жизнедеятельности коренного сельского населения изучаемого края.

Была представлена численность населения с описанием особенностей проживания. Границы округа окаймлялись на востоке – р. Чаун и Становым хребтом, на севере – Ледовитым океаном, на западе – водоразделом р. Индигирки, с одной стороны, с другой – рр. Колыма и Алазея и на юге – Становым хребтом. Округ состоял

из административных единиц: Колымский улус – 3552 чел. в 10 наслегах, население – якуты, проживавшие в центральной таежной, лесистой части округа; Среднеколымский сельсовет – 369 чел. при одном сельсовете, население – русские, жившие по среднему течению Колымы; Нижнеколымская волость – примерно 856 чел. при трех сельсоветах, население – русские, проживавшие по нижнему течению р. Колыма; Тунгусский улус – примерно 500 чел. по четырем наслегам; Чукотский улус – 1500 чел., тунгусы и чукчи проживали в тундровой полосе, тундровой части округа; ламуты и юкагиры – 300 чел., жили в верховьях р. Колыма и частично северо-восточнее от нее в горных районах [Там же. Л. 1, 2].

Говоря в целом об экономическом положении округа, Колесов констатировал, что в прошлом оно было неустойчивое. Особенно это касалось приречного населения, для них имели определяющее значение уровень воды на реке, своевременность выхода рыбы из океана, которые были крайне изменчивы. Также, как неустойчивое, характеризовалось, хотя и не в такой степени, положение улусного населения, жителей таежной лесистой части округа. Всё зависело от хода рыбы в озерах, от состояния скотоводства. Эти факторы подвергались большому колебаниям, а с ними вместе и экономическое положение населения. Более устойчивым казалось положение в тундровой части округа, население которой не только обходилось без чужой помощи, но само помогало жителям других частей округа [Там же. Л. 2].

Экономическое положение населения приречной и таежной частей округа резко изменилось с установлением пароходного сообщения Владивосток – Колыма. Автор обобщил значение нового транспортного освоения края следующим образом. Снабжение Колымского округа морским путем обусловило экономический подъем населения. «В прежнее время округ снабжался из Якутска через Булун, Верхоянск, а в некоторое время из побережья Охотского моря через Олу и Сеймчан и сплавом по реке Колыме. Гужевой способ передвижения грузов не мог доставить населению необходимых товаров-продуктов в достаточном количестве и по доступным ценам. Поэтому, несмотря на частый голод, население никогда не было снабжено в достаточной степени необходимыми продуктами»

ми. Регулярные пароходные рейсы, начиная с 1911 г. по 1917 г., доставкой товаропродуктов в большем количестве уничтожили существовавший хронический голод населения и вызвали подъем экономической жизни» [Там же. Л. 3].

С 1917 по 1923 г. из-за военно-политических событий того периода пароходное сообщение не осуществлялось и население почти не получало необходимых продуктов и товаров. К тому же эти годы оказались для округа исключительными из-за отсутствия рыбы, падежа скота, упадка оленеводства, и все эти неблагоприятные факторы обусловили сильный упадок хозяйственной жизни, обеднение населения [Там же].

Приречное население, т.е. население, живущее по р. Колыма, занималось почти исключительно рыболовством и в незначительной степени – пушным промыслом. По сведениям, в прежнее время рыбный промысел был удовлетворительным, приречное население добывало достаточное количество для пропитания, и во всяком случае если и были годы неурола рыбы, то сравнительно редко, но последние несколько десятков лет неуров рыбы стал обычным явлением, как и связанное с этим хроническое, систематическое голодание населения. Рыбный промысел у приречного населения Колымского округа, призванный самой жизнью служить почти единственным источником его пропитания, не мог выполнить эту задачу. Вполне выясненными и имеющими существенное значение, как писал Колесов, нужно считать три группы причин: правовая неурегулированность рыбного промысла; количественный и качественный недостаток рыболовных снастей; инертность, «упадок энергии», «отсутствие самодетельности населения» [Там же. Л. 21].

Улусное население вело рыболовно-скотоводческое хозяйство, в котором рыболовство можно было признать главным направлением. Значительный процент хозяйств не имели скота и жили исключительно рыбным промыслом и звероловством, но обратного явления не наблюдалось. Скотоводство в округе было представлено в этом таежном районе в 10 наслегах Колымского улуса. Если рыболовство улусного населения носило главным образом потребительский характер и только в незначительной степени его продукция появлялась на рынке в

виде товара (и то почти исключительно в товарном обороте внутри наслегов и улуса), то скотоводство носило и потребительский, и производственный характер. Как молочные, так и мясные продукты скотоводства употреблялись самим населением, а также сбывались на рынке, каким являлись г. Среднеколымск и приречное, рыбацкое население округа [Там же. Л. 35]. С 1918 г., как раз в период прекращения снабжения морским путем, скотоводство быстро приходило в упадок. Колесов обобщил различные причины этого и назвал основные из них: массовый убой скота на пищу улусного и городского населения (для последних у улусного населения местные власти производили обязательную разверстку); падение поголовья скота от голода и сибирской язвы, истребление его волками. На основании данных инородной управы, окрисполкома и других сведений примерно можно было говорить, что количество скота в среднем по всему Колымскому улусу сократилось на 50% [Там же. Л. 42].

Всего в улусе к изучаемому периоду содержались 2992 гол. крупного рогатого скота, 2045 гол. конного скота, что в среднем составляло 141,5 гол. на 100 душ населения. На основании анализа экономической жизни, непосредственного наблюдения и изучения отдельных хозяйств Колесов дает обобщающую оценку положения скотоводства. Колымский округ в сравнении с Верхоянским округом и Эльгетским улусом имел одно крупное преимущество – это доставка морским путем относительно большего количества хлеба. Если бы не было снабжения хлебом в последние три года, то определенно можно было сказать, что скота почти не осталось бы и количество населения сократилось бы на огромный процент. Возобновление снабжения округа хлебом вызвало сокращение убоя скота, население крайне берегло скот, терпело всевозможные лишения ради сохранения лишней скотины. К рассматриваемому времени можно было считать, что падение скотоводства сократилось. Ввиду того, что в 1925 г. было добыто больше рыбы, чем в прежние годы, и улусное население было снабжено хлебом в 1925/26 хозяйственном году в таком количестве, в котором оно прежде никогда не снабжалось, убой скота, при исключительно экономном отношении к нему местного населения,

был доведен до минимума. Можно сказать, что поголовье скота не только перестало снижаться, но и, по видимому, постепенно начало увеличиваться, хотя и незначительно. Но на основании личного наблюдения и обследования хозяйственной жизни населения Колесов отметил, что скот имели только середняцкие и зажиточные хозяйства, а бедняцкие хозяйства лишились скота в предыдущие голодные годы. Беднота настолько экономически разорилась, что не в состоянии была прокормить себя без помощи со стороны. Ни снабжение хлебом, ни рыбный промысел не могли удовлетворить потребности бедняцкой части населения, и потому убой скота на пищу продолжался, хотя относительно предыдущих лет был доведен до минимума. Недостаток продуктов питания и невозможность бедняцкой части населения пропитать себя являлись причиной того, что скот, как рогатый, так и конный, давал незначительный прирост. Таким образом, Колесов кратко обобщил основные три причины, которые главным образом обуславливали неустойчивость скотоводческого хозяйства: «голод для людей, голод для скота» и разные болезни скота. И отметил, что если существующие условия экономической жизни населения будут оставаться в том виде, в каком они существовали в тот момент, то скотоводство будет развиваться очень медленно [Там же. Л. 42, 45].

В Колымском округе оленеводством занималось, главным образом, население тундровой части округа – чукчи и тунгусы, а также и якуты. Население таежной улусной части занималось оленеводством для извозного промысла и для обслуживания хозяйства. Извозный промысел, состоявший в перевозке товаров-продуктов в разные пункты Колымского округа, а также из Нижне-Колымска в г. Средне-Колымск и в обгивании почтовых станций, – приносил населению значительный заработок. Последние 10 лет количество оленей у якутского населения сильно сократилось. Поскольку к рассматриваемому периоду в приречной и в таежной улусной части округа имелись 741 олень, то можно было полагать, что оленеводство сократилось по округу на 70%. В данный момент (в последние годы) из Колымского округа снабжались районы Аллаихи и Абыя, также товары-продукты должны были быть доставлены в отдаленные

районы округа. Для всего этого, а также для обслуживания охотничьего промысла требовались транспортные средства, каковыми Колымский округ к этому времени не располагал [Там же. Л. 48].

Колесов писал о том, что за последние десятилетия богатая тундра, поддерживавшая экономику других районов и до известной степени обусловившая экономический подъем в дореволюционное время, крайне обнищала и из района производящего превратилась в потребляющий район. Но нужно заметить, что тундровая часть округа делилась на восточную и западную, линия раздела – р. Колыма. Между восточной и западной тундрой имелась резкая разница в экономике. Восточная – от р. Колыма до р. Чауна – была экономически обеспеченным районом, западная – от Колымы до Индигирки – крайне обнищала и переживала острый продовольственный кризис.

Колесов вел речь об оленеводстве применительно к западной тундре. Основным источником существования населения тундры являлось оленеводство, степень его благосостояния зависела от количества оленей. Олени в тундре паслись свободно, ездовых и прирученных оленей было меньше. По сведениям Колесова, полученным от лиц, знающих жизнь тундры, в частности, председателя Тунгусского улуса Михаила Варягина, общего учета оленей не было. По этим данным у шести чукотских и четырех тунгусских оленеводов в 1915–1916 гг. общее количество оленей составляло примерно 40350 гол., а в 1926 г. – 1860 гол., т.е. осталось в общей сложности порядка менее 5% поголовья. Неизбежным следствием этого явились крайнее обнищание чукчей и тунгусов, острый продовольственный кризис. Если прежде улусное и в особенности приречное население почти ежегодно получало существенную продовольственную поддержку от тундры, то в данный момент наблюдалось совершенно обратное – представители чукчей и тунгусов приезжали в г. Средне-Колымск просить отпустить и доставить муку в тундру. Причины падения оленеводства, по мнению Колесова, сводились к следующим: голод оленей, вызванный гололедицей и недостатком корма, ягеля; разные эпизоотии, в особенности копытка. Обеднение тундры, упадок оленеводства вызвали также набеги диких оленей,

исключительные по масштабам, угонявших домашних оленей, набеги волков; также на сокращение количества оленей повлияли, хотя и не в такой степени, как вышеперечисленные факторы, массовый убой оленей на продовольствие для приречного и улусного населения [Там же. Л. 50, 51].

Были кратко рассмотрены вопросы развития охотничьего промысла, землепользования и некоторые другие, которым придавалось очень важное значение в экономическом развитии населения Колымского округа. Здесь мы ограничимся вышеизложенным.

Во второй указанной рукописи были проанализированы подходы к проекту мероприятий по улучшению экономического положения северных округов, в том числе Колымского, но здесь предметно остановимся только на заключительных выводах автора. В результате проделанной работы Колесов дал свое, общее для северных округов, в том числе Колымского, видение необходимых мер [Там же. Д. 92. Л.12–15]:

- признать неотложным освобождение населения северных округов от сельскохозяйственного налога в течение трех лет;

- считать необходимым срочное проведение внутриулусного и окружного районирования и уравнительного землепользования; установить срок коренного передела земли – лето 1927 г.

- оказать помощь наследным органам власти в форме безвозвратной ссуды на образование постоянного капитала наследных единиц. Тем самым, кроме производственного кредитования, должна быть оказана помощь зачаткам общественного хозяйства (наследной единицы) в виде обзаведения некоторыми наслегами рыболовными снастями и охотничьими принадлежностями, эксплуатации их путем создания промысловых артелей;

- организовать нормальную постановку ветеринарной помощи, в Колымске иметь одного ветврача и двух фельдшеров;

- как можно скорее осуществить проект о каботажном плавании и развитии культурно-хозяйственной жизни Севера, до этого периода в интересах снабжения тундрового района и возможности установления связи морским путем необходимо использовать специально приспособленную для плавания в полярных льдах

шхуну «Полярная звезда» и отправить ее с пробным рейсом к устью р. Лена;

- летом 1927 г. необходимо доставить речной пароход на р. Колыма, что будет иметь исключительное значение не только для удешевления фрахта перевозимых товаров, но и для развития рыбного промысла, сезонного передвижения рыбацких хозяйств и прочего;

- необходимо осуществить и ускорить работу по исследованию северных рек (Индигирки, Яны, Алазеи) намеченными исследовательскими организациями и учреждениями.

В целом, говоря о значении экономических воззрений Г.Г. Колесова, выраженных по основным результатам обследования Колымского округа, скорее предварительно, на данном этапе изучения темы важно обратить внимание на реализованный конечный итог работы правительственной комиссии [Ковлеков, 1992, с. 28–29]: в том же 1926 г. в числе решений исполнительных органов Якутской республики были утверждены все практические предложения комиссии, в том числе и по вопросам социально-экономического развития северных округов, на которые через специальные отдельные отчеты для КЯР было обращено внимание научного общества того времени.

Г.Г. Колесов в этих двух рукописях разработал свой авторский подход к хозяйственному районированию Колымского округа, показал особенности экономической деятельности сельского населения края, разработал в контексте развития в целом северных округов и планы мероприятий в округе в 1920-е гг. Немаловажным и примечательным в его исследованиях, достаточно прикладного характера, является использование полевых материалов. Несомненно, в призма его видения экономического положения изучаемого округа положительным дополнением явилось то, что это был родной для него Колымский округ.

Эти отчеты в КЯР были подготовлены им будучи специалистом-экономистом, нацеленным на будущую научную деятельность. Со второго раза его заявление о направлении в аспирантуру было удовлетворено, и осенью 1927 г. он поступил в Научно-исследовательский институт организации социалистического сельского хозяйства и сельскохозяйственной экономики при Всесоюзной академии сельскохозяйственных

наук им. В.И. Ленина. С этого времени он вплотную занялся научно-исследовательской деятельностью, в начале 1930-х гг. он вновь на два года вернется служить родной республике, его работа на государственной должности будет связана с разработкой основных плановых вопросов реконструкции сельского хозяйства Якутии.

О времени Колесова. Георгий Георгиевич с юных лет впитал веяния преобразований начала XX в. и в дальнейшем всегда принимал самое активное участие в общественно-политической и социально-культурной жизни республики. Эта сторона жизни была для него такой же важной и плодотворной, как практическая и научно-исследовательская.

Г.Г. Колесова не миновала судьба многих ярких представителей национальной интеллигенции, он был репрессирован в 1938 г. и умер в Иланском лагере Красноярского края 19 января 1943 г. Он прожил короткую жизнь, ему еще не было 50 лет, из них последние пять он провел в неволе. Но, трудясь на благо своей родины, он успел написать более 10 монографий (не все опубликованы) и много научных и просветительских статей. Труды по сельскому хозяйству были в основном написаны им в 1930-е гг., часть из них были изданы своевременно, и результаты исследований Колесова были использованы в развитии экономики республики [Винокуров; Из фондов Сватайской СОШ...; Ковлеков, 1992].

В целом, говоря о личности Г.Г. Колесова и его научном наследии, результатах его экономической деятельности, нужно добавить, что те немногочисленные труды, посвященные ему, в том числе самая значительная из них, монография С.И. Ковлекова, являются основой для актуализации дальнейшего изучения опубликованных

исследований и архивных рукописей выдающегося представителя Якутии. Кроме этого, предварительное изучение фондов российских архивов позволяет надеяться на выявление ранее неизвестных документов, как посвященных самому Колесову, так и его рукописей.

Литература и источники

Винокуров В.В. Колесов Г.Г. – первый ученый из Колымы К 120-летию со дня рождения // <http://www.yyasa.ru/agronline/index.php/istoriya/item/107-колесов-гг-первый-ученый-из-колымы-к-120-летию-со-дня-рождения> (дата обращения: 27.06.2016).

Из фондов Сватайской средней общеобразовательной школы им. Г.Г. Колесова Среднеколымского улуса.

Георгий Георгиевич Колесов: сахаттан маннайгы профессор / [хомуян онордо С.А. Третьякова]. – Дьокуускай: Түһүлгэ, 2013. – 100 с.

Ковлеков С.И. Профессор Г.Г. Колесов (очерк жизни и научно-педагогической деятельности). – Якутск, 1992. – 128 с.

Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928–1940 гг.). – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 265 с.

Санникова Я.М. Образ наслега в историческом краеведении (в контексте изучения локального культурного ландшафта северного села) // Диалог культур: поэтика локального текста: матер. V Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г. / под ред. П.В. Алексеева: в 2 т. Т. 2. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016а. – 304 с.

Санникова Я.М. Экономическое положение Колымского округа Якутии 1920-х гг. в рукописях Г.Г. Колесова // Сибирь в истории России: матер. всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию профессора З.Г. Карпенко / науч. ред. В.Н. Добжанский, А.Н. Ермолаев, А.Б. Коновалов. – Кемерово, 2016б. – С. 276–285.

СПбФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 90–92.

Ya.M. Sannikova, S.I. Vinokurova

Georgy Georgievich Kolesov and His Manuscripts on the Economic Situation in the Kolyma District of Yakutia in the 1920s

At 9th of May 2018 marked the 125th anniversary of the birth of Georgy Georgievich Kolesov (1893-1943). He was born and raised on the 2-Myatysky nasleg, near the Alazey River in the Kolyma region. Kolesov was a talented Soviet scientist-economist, professor, statesman and public figure of Yakutia in the first third of the twentieth century. In this article, we showed the initial stage of his scientific biography. Also drew attention to his manuscripts on the economic

situation in the Kolyma region of the 1920s. S.I. Kovlekov's book is Kolesov's only biographical work. We would like to continue studying the legacy of Professor Kolesov and the organization of the G.G. Kolesov Foundation in the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Georgy Kolesov, 2-Myatysky nasleg, Alazeya, Middle Kolyma, scientific biography, economic history of Yakutia.

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.006

УДК 911.373(571.56-17)"195/199"

Повседневность сельских поселений Северной Якутии в историко-культурном пространстве второй половины XX века

В статье предпринята попытка реконструкции историко-культурного пространства повседневности сельских поселений Якутии во второй половине XX в. Рассмотрены экономические, демографические, социальные истоки изменений в условиях жизнедеятельности сельского населения республики, сопряженные с трансформацией пространственной организации производства и быта в обширном регионе. Освещаются социально-экономические процессы, повлиявшие на культурный ландшафт сельской местности, длительное время оставшейся этнической нишей, средой воспроизводства традиционных культур коренных народов Якутии.

Подчеркивается, что если видимые реалии советской повседневности в республике становились изредка предметом исследования, то частная жизнь обычных людей, с их настроениями, эмоциями, личностным самоощущением, осталась за пределами активного научного интереса. В качестве причины устойчивости такой лакуны указывается специфическая бедность источников, особенно по истории повседневной жизни в арктических селах. Данное обстоятельство должно инспирировать активный поиск новых ресурсов для исследований. В статье на новых материалах из редко используемых источников, вводимых в научный оборот, открываются важные социокультурные аспекты повседневной жизни северян.

Ключевые слова: социальная история, сельская повседневность, коренные народы, Север, Арктика, Якутия.

В гуманитарном исследовательском поле остаётся высоким интерес к северным и арктическим территориям России. Но в существующей историографии ещё недостаточно изучено пространство жизнедеятельности живущих в сельской местности Севера и Арктики людей, занятых в основном в традиционных отраслях хозяйствования. Внимание исследователей больше привлекали крупные, стратегически весомые процессы и явления в истории Якутской Арктики [Боякова, 2005]. Сложилось так, что во второй половине XX столетия в региональном разделении труда сельские поселения выступали «на вторых ролях» в качестве социально-экономического партнера транспортно-промышленных поселений. Северные и арктические

села поставляли вспомогательные рабочие руки, гужевого транспорт, продукцию сельского хозяйства и промыслов.

Население северных сел, пережившее череду административных и хозяйственных преобразований, преимущественно связанных именно с транспортным и добывающим освоением края, было немногочисленным. В национальном составе преобладали коренные народы: якуты и малочисленные народы Севера. До настоящего времени недостаточно изучено советское прошлое сельского населения Севера, слабо исследованы исторические сюжеты повседневной жизни людей на северных и арктических землях. Необходимость заполнения такой лакуны актуализирована сохраняющимся до настоящего

го времени культурным разнообразием Якутского Севера.

В предпринимаемой попытке реконструкции историко-культурного пространства повседневности сельских поселений Якутии мы давно столкнулись с особым вызовом: с крайней скудностью исторических источников, особенно по истории повседневной жизни в арктических селах. В частности, мы писали об отсутствии семейных фото- и эпистолярных архивов [Винокурова, 2016]. Вероятно, это обстоятельство и придает устойчивость данной исследовательской лакуне. Для работы над статьей были востребованы методы ретроспективного анализа и устной истории. Использовался историко-сравнительный метод, позволивший проследить динамику социально-экономических и культурных процессов в сельской Якутии второй половины XX в. Перекрестный сравнительный анализ всех доступных нам источников позволяет достаточно достоверно осветить историю советской повседневности в северных и арктических сельских сообществах Якутии.

Кроме выявленных официальных документов, хранящихся в государственных архивах, нами востребованы материалы региональной и местной прессы, а также авторские полевые материалы. Так, для статьи использованы полевые материалы, собранные автором в Булуанском и Верхоянском улусах Якутии в 2001–2015 гг., также проанализированы глубинные интервью жителей Аллаиховского, Анабарского и Нижнеколымского улусов республики. Из обработанных периодических изданий, выходивших в советское время в северных и арктических районах республики на русском и якутском языках, оказались полезными для статьи издания «Заря Яны», «Дьяаны сарданата» Усть-Янского, «Маяк Арктики», «Арктика маяга» Булуанского районов Якутской АССР.

В сельской местности Якутии проживали и проживают представители различных коренных народов, обладающих собственными этнокультурными особенностями, обусловленными традиционными занятиями, языками и образом жизни. Представители коренных народов Республики Саха (Якутия) – якутов, русских старожилов и малочисленных народов Севера: эвенков, эвенов, юкагиров, долган и чукчей, остаются творцами и носителями своеобразно-

го культурного пространства, сохранность и устойчивость которого является частью региональной социальной стабильности. Текущие социально-экономические процессы в регионе, включая внутреннюю и внешнюю миграцию, бесспорно, ускоряют размывание культурных границ. Данное обстоятельство придает особую социальную значимость проектам по реконструкции недавнего исторического прошлого, свидетели и участники событий и процессов которого ещё доступны для прямого общения и использования в качестве ценнейших информантов.

Историко-культурное пространство Якутии – региона с уникальным набором природно-климатических и территориальных условий для жизнедеятельности, выступает полем наших научных интересов уже давно. Изучение социальных процессов в этом пространстве с акцентировкой внимания на судьбы коренных народов плодотворно не только как узкоспециализированное, но и междисциплинарное научное направление. Результаты гуманитарных исследований преподносят широкую палитру интерпретаций, осмысленный процесс развития коренных народов республики, современной репрезентации и перспектив сохранения их традиционных культур.

Повседневность коренного сельского населения формируется и развивается в пределах определенного исторического времени. Выбранные в статье хронологические рамки второй половины XX столетия были отмечены важными социально-экономическими, социодемографическими изменениями, значительно повлиявшими на пространственную организацию жизнедеятельности сельского населения Якутии. Здесь нами выбран временной промежуток 1950–1980-х гг., не заходящий за рамки 1990-х гг., так как 1990-е – принципиально особый этап в развитии сельской местности Якутии, требующий отдельного исследования.

Именно в период 1950–1980-х гг. произошли масштабные и необратимые изменения в культурном ландшафте сельской Якутии. Мы считаем, что социокультурные процессы, происходившие в сельском пространстве, были и остаются питательной почвой многих современных культурных явлений и фактов. Освещение сельской повседневной жизни на разных этапах развития Северной Якутии позволяет реконструировать процессы формирования региональной

идентичности этнического населения, понять степень и перспективы устойчивого развития культурной среды.

В пространстве основной традиционной жизнедеятельности коренного сельского населения в 1950–1980-е гг. произошли общегосударственные и региональные реформы. Последствия различных административных и хозяйственных преобразований повлияли на весь уклад жизни в сельской местности, остающейся до настоящего времени населенной представителями коренных народов. Ранее мы обращались к теме аграрных реформ и преобразования колхозов в совхозы, где указывали, что в 1950-е гг. меры по укрупнению мелких, маломощных хозяйств были приняты с целью преодоления их экономической слабости. Стремление повысить производственную эффективность колхозов привело к сокращению их общей численности: если в 1950 г. в республике было 747 хозяйств, то к 1959 г. их осталось 169 [Аргунов, 1985, с. 212].

Подобные организационные меры были вызваны не только экономическими соображениями: укрупнение хозяйств было детерминировано демографической необходимостью. В послевоенные 1950-е гг. республика испытывала острый дефицит рабочей силы. В довоенном 1940-м в сельских поселениях Якутии проживало 302,1 тысяч чел., а в 1950 г. – 225,5 тыс. чел. [Демографический ежегодник..., 2001, с. 8]. Якутские колхозы потеряли значительную часть трудоспособных членов по причине военных и тыловых потерь (из-за голода и болезней в годы войны). Было необходимо сосредоточить наличные рабочие руки – часть якутских колхозов практически обезлюдела.

Укрупнение колхозов происходило параллельно с административным форсированием процесса концентрации малых и частных сельских поселений, начатого еще до войны. В Якутии поселкование как сселение жителей в колхозные села началось в период коллективизации 1930-х гг. и возобновилось в начале 1950-х гг. Для исследователя важно, что история поселкования – это не только фиксация административных преобразований, определенных позитивных социальных сдвигов. Это еще и скрытая, малоизученная до сих пор, драматическая история ликвидации традиционной системы расселения коренных народов.

Например, для якутов это было завершением исторической страницы проживания по аласам. Веками они придерживались аласной системы расселения – когда в локальных отдельных местностях, обычно вокруг или вдоль водоемов, располагались компактные сообщества, состоящие из семьи или группы семей, связанных кровно-родственными или давними хозяйственными связями. Окружающая территория с лесными угодьями, с сенокосами и пастбищами формировала пространство повседневной жизни. Эта система расселения была объявлена архаичной, требующей ликвидации. Государственная политика была направлена на концентрацию сельского населения в крупных селах, с целью упрощения и унификации организации производства и трудовой деятельности сельского населения.

Как мы упоминали, в сельской местности одновременно шли укрупнение колхозов и поселкование. Производственная концентрация сопровождалась изменением территориальной организации расселения. До Великой Отечественной войны (по данным на 1939 г.) в Якутии было 10716 сельских поселений, а в 1959 г. Всесоюзная перепись зафиксировала уже меньше – 4423. Данные Переписей советского периода показывают неуклонно убывающую динамику численности сельских поколений: в 1970 г. их стало 1317, в 1979 г. – 726, в 1989 г. – уже 641. При этом людность сельских поселений возросла с 62 чел. в 1959 до 565 чел в 1989 г. [Пономарева, Бубякин, 2013, с. 60]. Соответственно изменились размеры сёл: на смену малым, порой карликовым поселениям с количеством жителей менее 50 человек, пришли крупные колхозные, а затем совхозные сёла. В 1989 г. доля малых сел с численностью населения до 200 чел. составляла 36,5% от всех сельских поселений.

Таким образом, можно говорить о радикальном изменении пространственной организации сельской жизни. На смену традиционным малым поселениям с компактным населением, практически автономным локальным сообществам пришли большие поселения, нередко крупные центры хозяйств. Как результат, были перекрыты производственные и коммуникационные схемы, изменились границы труда и быта, для сельских жителей появились принципиально новые социальные объекты и социаль-

ные связи. В новые посёлки были переселены сотни и тысячи семей.

Отметим, что постепенно сельский культурный ландшафт приобретал общие для советских сел черты. Так, центральные усадьбы хозяйств, несмотря на отсутствие общей архитектурной концепции и генерального плана застройки, были похожи друг на друга. В период 1960-х, когда первыми были созданы совхозы в северных и арктических районах, именно центральная усадьба становилась своеобразным центром повседневной жизни. Здесь располагалась контора, где ежедневно шла активная социальная коммуникация, трудился управленческий аппарат, где в разное время пересекался весь производственный коллектив.

В таких селах обязательно функционировал клуб, чья деятельность особенно активизировалась в зимнее время, когда в село после летне-осенних работ возвращались все рабочие. Несмотря на непрерывный производственный цикл работ в оленеводстве, животноводстве и промыслах, зимой и в межсезонье в клубе проводились массовые мероприятия с охватом значительного числа населения. Другой вопрос, в каких условиях, с каким качеством жизни приходилось сталкиваться в обыденной реальности.

Здесь следует упомянуть, что в советской прессе арктических районов, имевших собственные газеты, было мало информации о повседневной жизни простых людей. Опубликованные в те годы сведения стандартны по своему содержанию, отвечающему идеологическим требованиям. Например, зарисовки о повседневной жизни простых оленеводов и охотников выглядят исполненными по шаблону: «советский труженик Севера, активист, общественник, довольный своей жизнью». Но даже в такой массе информации можно обнаружить ценные материалы. Обычно это критические заметки общественных корреспондентов об условиях труда и быта северян. Приводимые ими факты повседневных трудностей подтверждаются собранными нами устными историями старожил Севера. Например, письма общественникам о низком уровне комфорта и бедности учреждений соцкультбыта дополняются нередким в устных историях сюжетом о том, как в 1970-е в небольших арктических сёлах в кино ходили с собственным деревянным поленом, чтобы ота-

пливать помещение клуба с киноустановкой [ПМА, Аллаиховский улус РС (Я), 2006].

Уникальным не только образовательным, но и культурным очагом в селах Якутии была и остаётся школа. Данный социальный объект со своим коллективом работников до наших дней остаётся значимым фактором самого существования сельского поселения. Отдельным объектом изучения является фигура сельского учителя в республике, игравшая значительную роль в деревенских социумах, в формировании всей социальной атмосферы сел. «Школу держал бывший директор. Он выбивал фонды строительных материалов для неё, родители много участвовали в субботниках по ремонту школы и благоустройству её территории. Директор привозил новых учителей, дети учили все предметы. Благодаря ему у нас кипела жизнь...», – вспоминал старожил арктического села [ПМА, Булунский улус РС (Я), 2008]. Замечание о наличии учителей-«предметников» очень важно: до настоящего времени болезненным вызовом для сельских школ, особенно отдаленных и малых, является отсутствие преподавателей по отдельным предметам, что резко снижает качество образования и конкурентоспособность выпускников-северян.

Бесспорно, что культурная среда является питательной почвой для человеческой оседлости и привязанности к родным местам, фактором развития духовной жизни человека. Само представление человека о себе формируется под воздействием той культурной среды, в которой он родился и вырос. Следовательно, изучение окружающей среды в социокультурных аспектах, наблюдение исторических изменений в пространстве повседневной жизни позволяют понимать истоки многих существующих процессов и явлений.

Следует признать, что отдельные реалии советской повседневности в республике становились, пусть фрагментарно, предметом изучения, но частная жизнь обычных людей, с их настроениями, эмоциями, личностным самоощущением, до настоящего времени остаётся малоисследованной областью. В этом свете новым и ценным для региональной науки представляются любые попытки фиксации и анализа материалов, проливающих свет на личное переживание значимых событий. В частности, в нашем случае – это от-

ражение изменений пространства сельской повседневной жизни на личностном уровне, их восприятие и даже эмоциональная оценка.

В собранных нами материалах устной истории северных и арктических улусов (районов) республики были выявлены особенности восприятия и переживания сельскими жителями изменений в повседневном пространстве. Анализ собранных сельских текстов обнаруживает много интересных сведений по культурной истории сельского населения: истории жизни уроженцев арктических сел – представителей малочисленных народов Севера и якутов, очень насыщены событиями и фактами. Информанты вспоминают о военном и послевоенном детстве, о годах работы в колхозах и совхозах, делятся размышлениями о недавних и даже текущих событиях в республике и стране. Во многом эти истории сравнимы с теми, которые мы собирали в селах Центральной и Южной Якутии. Но очевидно и воздействие на повседневность особенностей расселения и хозяйственных занятий жителей арктических сёл.

Сама система жизнеобеспечения, поддержки жизнедеятельности имела свою арктическую специфику, прежде всего, это особая дороговизна и сложность функционирования социальной инфраструктуры. Мы уже отмечали, что в арктических сёлах Якутии жители были лишены многих достижений цивилизации, обычных даже для центральных и южных районов республики, не говоря о центре страны. Например, только в 1980 г. телевидение стало доступным для многих сел, расположенных вдоль р. Яна [Заря Яны, 1980, 1 янв.]. В ряде сельских поселений даже в последнее десятилетие существования социализма – в 1980-е – обеспечение товарами массового спроса оставалось неудовлетворительным.

Нельзя не упомянуть о характерных чертах конструирования личного прошлого нашими информантами, трудовой пик биографии которых пришёлся на период социализма. Среди повторяющихся паттернов в озвучивании истории жизни отметим, что информанты обязательно приводили сравнительные оценки своего финансового и материального положения на разных этапах советского периода [ПМА, Булунский, Анабарский, Нижнеколымский улусы РС(Я), 2008; 2012; 2015]. Так, они отмечали,

что организация совхозов существенно повысила их финансовое состояние: теперь государство выплачивало им гарантированную заработную плату. А в колхозах размер заработка зависел от количества отработанных дней и общего дохода колхоза. Независимо от оценки собственного материального благополучия в годы социализма, информанты постоянно и многократно подчеркивают в своих историях идею, что их труд был занятием уважаемым, престижным. В частности, с большим пиететом и в деталях ретранслируются не только персональные успехи, но и достижения других людей – оленеводов, охотников и рыболовов.

Удивительно, что информанты неохотно говорили о пережитых в те годы трудностях. «Когда кочевали со стадом зимой, месяцами спали в палатках с железной печкой, не видели родных и близких. Порою не хватало нужных продуктов, инвентаря и техники. Но мы работали, как тогда работали все», – вот типичный фрагмент из записи истории жизни оленевода из Верхоянского улуса [ПМА, Верхоянский улус РС (Я)]. Возможно, в стремлении вспоминать только позитивное, умалчивая или опуская негативы, есть, прежде всего, фактор возрастной ностальгии. Ведь информанты вспоминают время своей молодости, лучших лет физического состояния. С другой стороны, именно у возрастных информантов присутствуют чётко выраженная позиция и возможность сравнивать длительные этапы истории.

В своих откровениях, объёмных по содержанию и времени изложения, наши информанты стремились объективно «взвесить» прошлое. И при сравнении с настоящим временем они высоко оценивают социальные привилегии и социальную защиту при социализме, пренебрегая критикой существовавших негативов прошлого. Поэтому записанные нами истории насыщены репликами: «медицина и образование были бесплатными», «мы могли спокойно копить деньги, инфляции почти не было», «была уверенность в своем будущем и будущем детей». Удивительна такая коммеморация советского периода на личном уровне у информантов старших возрастов, которая существует при официальном идеологическом демонтаже и «развенчании» социализма.

Одним из важных и болезненных моментов в череде пережитого выступает сюжет перехода

вчераших кочевников на стационарное проживание в посёлках. Мы обратили внимание, что тема практически насильственного характера перевода на оседлость до сих пор остаётся мало артикулированной. В антропологии известна практика «умалчивания» болезненных вопросов, вероятно, этим объясняется частое избегание темы седентеризации в общении исследователя и информантов. В связи с тем, что тема перевода на оседлость углубленно освещается специалистами, здесь остановимся лишь на некоторых моментах повседневной жизни в посёлках. «Нам было сказано, что жить в тордохгах (традиционная кочевая палатка, покрытая шкурами оленей. – *Л.В.*) больше нельзя, надо жить в современном доме, как живут другие люди... Было непривычно, неудобно, старики жаловались, что задыхаются в этих “замурованных со всех сторон” домах, особенно с постоянным отоплением...», – вспоминал наш информант [ПМА, Булунский улус, 2008].

При длительном и углублённом общении со старожилами арктических сёл вскрываются пласты воспоминаний о повседневных деталях жизни. В историях жизни часто упоминается, что при первой же возможности они старались уехать из посёлка на летние стойбища. Охотники и рыбаки также месяцами жили вне посёлков, даже если у них были квартиры. О недостатках при планировании и выборе места для посёлков есть публикации исследователей [Филиппова, 2017], также мы писали об отсутствии социального опыта и культуры проживания в новом формате. Учитывая, что процесс перевода на жизнь в посёлках продлился до конца эпохи социализма, следует признать данную тему большим, практически неисследованным трендом научного интереса.

В целом можно заключить, что в рассматриваемый период пространство сельской повседневной жизни в Якутии изменилось кардинально. Унифицированная организация производства, единые трудовые нормы, даже сходство социальных проблем – в сфере сельского жилищного строительства и благоустройства, снабжения отдалённых сельских поселений и т.п., размывали локальные и региональные отличия сельской повседневной жизни. Масштабные изменения формировали новую социальную идентичность сельских жителей. Хорошо

поставленная государственная пропаганда поддерживала в жителях посёлков чувство не только региональной, но и общенациональной трудовой и культурной общности, ощущение причастности к развитию единого советского общества. На этом фоне нельзя не отметить, насколько осталась сильной тяга в коренных народах республики, живущих в сельской местности, к традиционному пространству жизнедеятельности, что показал последовавший за крахом социализма этап развития. Возрождение кочевых родовых общин у коренных малочисленных народов Севера, возвращение к родовым традиционным усадьбам, к сайылыкам-летникам у якутов можно оценивать и как попытки определённых категорий населения восстановить для себя традиционное пространство жизни.

Источники и литература

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). – Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.

Боякова С.И. Северный морской путь: исторический опыт, современное состояние и проблемы // Современная Арктика: опыт изучения и проблемы: сб. науч. ст. – Якутск, 2005. – С. 34–53.

Винокурова Л.И. Повседневность арктических сел в локальных источниках: 1960–1970-е годы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11 (53). – Ч. 1. – С. 92–94.

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Госкомстат РС (Я). – Якутск, 2001. – 80 с.

Заря Яны. – 1980 – 1 янв.

Полевой материал автора. Аллаиховский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2006 г.; Анабарский улус РС (Я), запись интервью с информантом, 2012 г.; Булунский улус РС (Я), запись интервью с информантом, 2008 г.; Верхоянский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2013 г.; Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2015 г.

Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по величине числа жителей (людности) // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 31 (334). – С. 56–62.

Филиппова В.В. Эвены Березовки в условиях наводнений: из опыта седентеризации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 84–88.

L.I. Vinokurova

Daily Life of Rural Settlements in Yakutia in the Historical and Cultural Space of the Second Half of the XXth century

The article devoted to reconstruction of the historical and cultural space of everyday life of rural settlements of Yakutia during the second half of the 20th century. Economic, demographic, and social roots of changes in the conditions of vital activity of the rural population of the republic are considered, which were associated with the transformation of the spatial organization of production and everyday life in a vast region. The socio-economic processes affecting the cultural landscape of the countryside, which for a long time remained an ethnic niche, the environment for the reproduction of traditional cultures of the indigenous peoples of Yakutia, are covered.

It is emphasized that if the visible realities of Soviet everyday life in the republic became occasionally the subject of research, then the private life of ordinary people, with their moods, emotions, personal self-perception remained outside the active scientific interest. As a reason for the stability of this lacuna, the specific poverty of the sources is indicated, especially in the history of everyday life in the arctic villages. This circumstance should inspire an active search for new resources for research. In this article, new materials from rarely used sources introduced into scientific circulation reveals important socio-cultural aspects of the daily life of northerners.

Keywords: social history, rural everyday life, indigenous peoples, the North, the Arctic, Yakutia.

В.В. Филиппова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.007

УДК 91(=93/94.930.2)

Территориальные особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии в 1980–2010-е годы

В статье проанализированы территориальные особенности расселения коренных малочисленных народов, проживающих в Республике Саха (Якутия). Рассмотрено изменение географии районов их проживания на территории Якутии в 1980–2010-е гг. на основе постановлений, определивших ареалы жизнедеятельности малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сопоставление ареалов мест традиционной хозяйственной деятельности, территорий традиционного природопользования и текущих и перспективных геологических работ с использованием ГИС-технологий позволило сгруппировать районы проживания малочисленных народов Севера Якутии по степени потенциальных конфликтов между интересами коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний. Проведенное автором изучение территориальных особенностей расселения малочисленных народов Севера и их группировки может быть применено для оценки потенциала устойчивого развития ареалов проживания коренных малочисленных народов Севера, а также при проведении этнологических экспертиз в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, расселение, промышленное освоение, традиционное природопользование, Якутия.

В настоящее время северные территории Российской Федерации, на большей части которых проживают коренные малочисленные народы (далее – КМНС), получают новый импульс индустриального освоения, основы которых были заложены еще в 1970–1980-е гг. В резуль-

© В.В. Филиппова, 2018

тате интенсивного промышленного и транспортного освоения зоны Севера в 1970-е и 1980-е гг. на исконных территориях проживания малочисленных народов была значительно увеличена доля пришлого населения, что привело к снижению удельного веса коренного населения; к концентрации в укрупненных поселениях за счет перевода кочевого населения на оседлый образ жизни; наряду с сужением ареалов их традиционного расселения наблюдалось расширение географии размещения коренного населения за пределами традиционных районов проживания.

Среди постановлений, принятых в 1970–1980-е гг. и касающихся непосредственно территориальных особенностей расселения коренных малочисленных народов Севера, следует указать Постановление Совета Министров РСФСР от 11 марта 1980 г. за №126 «О перечне районов проживания народностей Севера», в котором наряду с существовавшим термином «районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности» впервые был утвержден термин «районы проживания народностей Севера», определивший ареалы жизнедеятельности малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [О перечне районов..., 1980].

Как утверждают исследователи, выделение районов проживания народностей Севера было связано с неблагоприятными прямыми и косвенными воздействиями на традиционные отрасли, оказываемыми нефте-, газодобывающей и лесной промышленностью, строительством и транспортом [Логинов, Попков, Тюгашев, 2009, с. 26].

Из районов Якутской АССР согласно Постановлению 1980 г. были включены полностью территории 19 районов и одного сельского поселения – эвенкийского села Иенгра на территории Нерюнгринского горсовета.

Дальнейшее интенсивное промышленное и транспортное освоение районов проживания народностей Севера и происшедшие изменения в национальном составе населения указанных районов привели в 1987 г. к внесению изменений и дополнений в Перечень районов проживания народностей Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 марта 1980 г. №126, в результате которого только территории семи районов были включены

полностью [О внесении изменений..., 1987]. Появление новых городских и сельских поселений, где проживало, главным образом, пришлое население, привело к изменению границ районов проживания коренных малочисленных народов Севера, в результате чего из территории одного района, ранее полностью входившего в Перечень 1980 г., в Перечень 1987 г. вошла территория только одного сельсовета: Ламынхинского сельсовета (Кобяйский район); Садынского (Мирнинский район); Борогонского 2-го сельсовета (Оймяконский район); Березовского (Среднеколымский район); Томпонского (Томпонский район) и Иенгринского сельсовета (г. Нерюнгри).

В Перечне районов проживания малочисленных народов Севера, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 1 января 1993 г., по сравнению с Перечнем 1987 г. мы видим расширение районов их расселения (табл. 1). В Перечне 1993 г. за счет образованного в 1989 г. Эвено-Бытантайского национального улуса увеличилось количество районов, территория которых полностью была отнесена к районам проживания малочисленных народов. Эвено-Бытантайский национальный улус был создан за счет территории Верхоянского района, из состава которого к вновь образованному району отошли Верхнебытантайский, Нижнебытантайский и Тюгясирский сельсоветы. Количество территорий сельсоветов в Перечне 1993 г. было увеличено за счет включения территорий Киндигирского и Чаринского национальных сельсоветов Олекминского района и Петропавловского сельсовета Усть-Майского района [О перечне районов..., 1993].

Районы проживания малочисленных народов, указанные в Перечнях 1980 г., 1987 г. и 1993 г., охватывавшие более обширные территории их расселения, были еще ссужены в перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечне видов их традиционной хозяйственной деятельности, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р. Согласно Перечню 2009 г., местами традиционного проживания коренных малочисленных народов на территории Якутии являются 70 сельских населенных пунктов, находящихся на территории 21 улуса (района) и 63

муниципальных образований (наследов) [Об утверждении перечня..., 2009].

Уточнение мест традиционного проживания и мест традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Якутии в границах наследов, выполненное автором с использованием лицензионного программного обеспечения ArcGIS 10.4.1, показало уменьшение ареалов их расселения за счет исключения территорий поселков и наличия межселенных территорий.

Межселенная территория в российском муниципальном праве – это территория в составе муниципального района, не включенная в состав территорий городских и сельских поселений. Согласно законодательству, межселенные территории могут образовываться на территориях с низкой плотностью сельского населения, за исключением территорий в составе тех субъектов Российской Федерации или отдельных муниципальных районов, в которых плотность сельского населения более чем в три раза ниже средней плотности сельского населения в Российской Федерации. На основании анализа отдельных статей нормативно-правовых актов, проведенного А.Н. Гуриной, межселенные территории могут представлять собой территории традиционного природопользования населения соответствующего поселения [Гурина, 2015, с.179]. В границах улусов (районов) и муниципальных образований (наследов и сельских поселений), территории которых включены в Перечень 2009 г., межселенные территории имеются на территории Аллаиховского (межселенная территория (Ойотунгский национальный (кочевой) наслег) была образована из-за отсутствия постоянного населения в с. Ойотунг), Жиганского (межселенная территория включает территорию участка Джарджан) и Оленекского районов. В других улусах (районах) межселенные территории находятся за пределами муниципальных образований (наследов) проживания малочисленных народов Севера.

Согласно Перечню 2009 г., места проживания подразумевают только поселения. Это вызывает сложности при реализации права на ведение традиционного природопользования, которое коренные малочисленные народы практически всегда ведут за пределами населённых пунктов. То есть в Перечень включались только

места проживания, а места традиционного природопользования нет. Соответственно получается, что межселенные территории не являются местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, но могут быть территориями традиционного природопользования.

В настоящее время Правительство Республики Саха (Якутия) отчитывается о создании 59 территорий традиционного природопользования местного значения (ТТП). Созданные ТТП имеют следующие статусы – районной, наследной и кочевой родовой общины. Районный статус имеют ТТП, образованные в границах муниципальных районов, – Аллаиховский, Анабарский, Жиганский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Томпонский и Эвено-Бытантайский национальный улус (район). Только одна ТТП создана в границах кочевой родовой общины – это община «Олом» Мирнинского района. Остальные ТТП созданы в границах муниципальных образований (наследов) и имеют наследный статус.

Анализ наложения тематических ГИС-слоев, выполненных с использованием ArcGIS, включающих места традиционного проживания, традиционной хозяйственной деятельности, территории традиционного природопользования, межселенные территории и территории муниципальных образований, позволяет выделить следующие группы районов проживания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в зависимости от того или иного подхода к выделению мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности:

- вся территория муниципальных районов (улусов), включая территории всех наследов и сельских поселений;

- вся территория муниципальных районов (улусов), за исключением межселенных территорий и территории одного городского поселения;

- территории двух и более муниципальных образований (наследов и сельских поселений) на территории одного муниципального района (улуса);

- территория только одного муниципального образования (наследов и сельских поселений) на территории одного муниципального района (улуса).

**Группировка районов проживания малочисленных народов Севера Якутии
в 1980–2009 гг.**

Группы районов проживания малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)	Постановление Совета Министров РСФСР от 11 марта 1980 г. за №126 «О перечне районов проживания народностей Севера»	Постановление Совета Министров РСФСР от 02.12.1987 № 465 «О внесении изменений и дополнений в перечень районов проживания народностей Севера»	Постановление Правительства Российской Федерации от 1.01.1993 г. № 22 «О перечне районов проживания малочисленных народов Севера»	Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности»
1) вся территория муниципальных районов (улусов), включая территории всех наслегов и сельских поселений	Абыйский, Алданский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Кобяйский, Мирнинский, Момский, Нижнеколымский, Оймяконский, Олекминский, Оленекский, Среднеколымский, Томпонский, Усть-Майский, Усть-Янский	Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Верхнеколымский, Жиганский, Момский, Оленекский	Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Верхнеколымский, Жиганский, Момский, Оленекский, Эвено-Бытантайский национальный	Анабарский муниципальный район (улус) (с. Саскылах Саскылахского сельского поселения (наслега), с. Юрюнг-Хая Юрюнг-Хаинского сельского поселения (наслега)); Момский муниципальный район (улус) (с. Сасыр Улахан-Чистайского национального сельского поселения (наслега), с. Кулун-Ельбют Чыбагалахского национального сельского поселения (наслега), с. Чумпу-Кытыл Тебюлехского национального сельского поселения (наслега), с. Буор-Сысы Индигирского национального сельского поселения (наслега), с. Хонуу Момского национального сельского поселения (наслега), с. Соболах Соболахского сельского поселения (наслега)); Эвено-Бытантайский муниципальный район (улус) (с. Батагай-Алыта Тюгесирского сельского поселения (наслега), с. Кустур Нижнебытантайского сельского поселения (наслега), с. Дьаргалах Верхнебытантайского сельского поселения (наслега))

2) вся территория муниципальных районов (улусов), за исключением межселенных территорий и территории одного городского поселения	-	Булунский район (кроме рабочего поселка Тикси); Нижнеколымский район (кроме рабочего поселка Черский)	Булунский район (кроме рабочего поселка Тикси); Нижнеколымский район (кроме рабочего поселка Черский)	Аллаиховский муниципальный район (улус) (с. Оленегорск Юкагирского сельского поселения (наслега), с. Нычалах Быянггырского сельского поселения (наслега), с. Чкалов Берелехского сельского поселения (наслега), с. Русское Устье Русско-Устьинского сельского поселения (наслега), с. Ойотунг Ойотунгского сельского поселения (наслега)), за исключением межселенной территории и пос. Чокурдах; Булунский муниципальный район (улус) (с. Быковский, с. Кюсюр Булунского сельского поселения (наслега), с. Намы Борогонского сельского поселения (наслега), с. Найба Хара-Улахского сельского поселения (наслега), с. Таймылыр Тюметинского сельского поселения (наслега), с. Сиктях Сиктяхского сельского поселения (наслега), с. Усть-Оленек Ыстаннахского сельского поселения (наслега)), кроме пос. Тикси и территории Усть-Ленского заповедника; Жиганский муниципальный район (улус) (с. Жиганск, с. Кыстатыам Ленского сельского поселения (наслега), с. Бахынай Линдинского сельского поселения (наслега), с. Бестях Бестяхского сельского поселения (наслега)), за исключением межселенной территории Джарджан; Нижнеколымский муниципальный район (улус) (с. Андрюшкино Олеринского сельского поселения (наслега), с. Колымское Халарчинского сельского поселения (наслега), с. Походок Походского сельского поселения (наслега)), кроме пос. Черский; Оленекский муниципальный район (улус) (с. Оленек Оленекского национального сельского поселения (наслега), с. Харыялах Кирбейского национального сельского поселения (наслега), с. Жилинда Жилиндинского национального сельского поселения (наслега), с. Эйик Шологонского национального сельского поселения (наслега)), кроме межселенных территорий
--	---	---	---	---

<p>3) территории двух и более муниципальных образований (населенных пунктов и сельских поселений) на территории одного муниципального района (улуса)</p>	<p>-</p>	<p>Алданский район (Беллетский и Анаминский сельсоветы); Верхоянский район (Верхнебытантайский, Нижнебытантайский и Тюгесирский сельсоветы); Олекминский район (Жарханский и Тянский сельсоветы); Усть-Майский район (Эжанский и Кюпский сельсоветы); Усть-Янский район (кроме рабочих поселков Депутатский, Власово, Кулар, Северный, Нижнеянк, Тенкели, Усть-Куйга)</p>	<p>Алданский район (Беллетский и Анаминский сельсоветы); Верхоянский район (Верхнебытантайский, Нижнебытантайский и Тюгесирский сельсоветы); Олекминский район (Жарханский, Киндигирский, Тянский, Чаринский национальные сельсоветы); Усть-Майский район (Кюпский, Петропавловский и Эжанский национальные сельсоветы); Усть-Янский район (Казачинский, Омолойский, Силяннихский, Туматский, Усть-Янский и Уяндинский национальные сельсоветы, Юкагирский национальный (кочевой) сельсовет)</p>	<p>Алданский муниципальный район (улус) (сс. Хатыстыр и Угаян Беллетского сельского поселения (наслега), с. Кутана Анаминского сельского поселения (наслега)); Верхнеколымский муниципальный район (улус) (с. Нелемное Нелемского сельского поселения (наслега), сс. Утая и Верхнеколымск Верхнеколымского сельского поселения (наслега), с. Усун-Кюель Арылахского сельского поселения (наслега)); Кобяйский муниципальный район (улус) (с. Себян-Кюель Ламынхинского сельского поселения (наслега), с. Сегян-Кюель Кировского сельского поселения (наслега)); Олекминский муниципальный район (улус) (сс. Токко и Уолбут Жарханского национального сельского поселения (наслега), с. Тяня Тянского национального сельского поселения (наслега), с. Куду-Кюель Киндигирского национального сельского поселения (наслега), с. Бясь-Кюель Чаринского национального сельского поселения (наслега)); Оймяконский муниципальный район (улус) (с. Томтор II Боргогонского сельского поселения (наслега), с. Орто-Балаган Сордоннохского сельского поселения (наслега), с. Ючюгей Ючюгейского сельского поселения (наслега)); Усть-Майский муниципальный район (улус) (с. Кюпцы Кюпского национального сельского поселения (наслега), с. Эжанцы Эжанского национального сельского поселения (наслега), села Петропавловск и Троицк Петропавловского национального сельского поселения (наслега), с. Тумул Кюпского национального сельского поселения (наслега)); Усть-Янский муниципальный район (улус) (с. Хайыр Омолойского национального сельского поселения (наслега), с. Тумат Туматского национального сельского поселения (наслега), с. Сайылык Силяннихского национального сельского поселения (наслега), с. Казачье Казачинского национального сельского поселения (наслега), с. Усть-Янск Усть-Янского национального сельского поселения (наслега), с. Юкагир Юкагирского национального (кочевого) сельского поселения (наслега), с. Уянди Уяндинского национального сельского поселения (наслега))</p>
--	----------	---	--	--

4) территория только одного муниципального образования (наследов и сельских поселений) на территории одного муниципального района (улуса)	Нерюнгринский горсовет (с. Иенгра)	Кобяйский район (Ламынхинский сельсовет); Мирнинский район (Садынский сельсовет); Оймяконский район (Борогонский 2-й сельсовет); Среднеколымский район (Березовский сельсовет); Томпонский район (Томпонский сельсовет); г. Нерюнгри (Иенгринский сельсовет)	Кобяйский район (Ламынхинский сельсовет); Мирнинский район (Садынский национальный сельсовет); Оймяконский район (Борогонский 2-й сельсовет); Среднеколымский район (Березовский национальный (кочевой) сельсовет); Томпонский район (Томпонский сельсовет); г. Нерюнгри (рабочий поселок Золотинка, Иенгринский сельсовет)	Абыйский муниципальный район (улус) (с. Кебергене Майыарского национального сельского поселения (наслега)); Мирнинский муниципальный район (улус) (с. Сюльдюкяр Садынского национального сельского поселения (наслега)); Нерюнгринский муниципальный район (улус) (с. Иенгра Иенгринского сельского поселения (наслега)); Среднеколымский муниципальный район (улус) (сс. Березовка и Уродан Березовского национального (кочевого) сельского поселения (наслега)); Томпонский муниципальный район (улус) (с. Тополиное Томпонского сельского поселения (наслега)); Верхоянский муниципальный район (улус) (с. Улахан-Кюель Табалахского сельского поселения (наслега))
---	------------------------------------	--	---	--

* Составлена В.В. Филипповой на основе правовых документов, 2018 г.

Для характеристики населения, проживающего в районах проживания малочисленных народов Севера, кроме сведений о границах муниципальных образований, местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, традиционного природопользования, в базу данных ArcGIS были внесены сведения о численности населения по данным переписей населения за 1979 г., 1989 г., 2002 г. и 2010 г., что позволило проанализировать пространственное размещение населения через создание тематических карт.

Удельный вес населения территорий, входящих в Перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов, по данным переписи 2010 г., составлял в среднем по республике 51,1% от общей численности населения. Наименьший удельный вес (10,1–30,0%) малочисленных народов Севера характерен для промышленно-транспортных и аграрно-оленоводческо-промысловых районов с очаговым развитием транспорта и промышленности, каковыми являются Мирнинский, Нерюнгринский, Аллаиховский, Нижнеколымский, Олек-

минский, Томпонский, Верхоянский, Верхнеколымский районы. В районах с оленеводческо-промысловым направлением, таких, как Анабарский, Оленекский, Жиганский, Эвено-Бытантайский, доля коренных малочисленных народов в общей численности населения мест проживания составляет более 70,0% (рис. 1).

В Республике Саха (Якутия) проживают пять представителей коренных малочисленных народов, общая численность которых, по данным переписи 2010 г., составляла 39936 чел., в т.ч.: эвенки – 21008 чел., эвены – 15071 чел., долганы – 1906 чел., юкагиры – 1281 чел. и чукчи – 670 чел. Анализ этнической структуры поселений компактного проживания малочисленных этносов показывает, что в большинстве населенных пунктов преобладают эвены (47% от общего числа населенных пунктов). Удельный вес населенных пунктов, где преобладают эвенки, составляет 42,8% от общего числа населенных пунктов компактного проживания КМНС. Доля юкагирских, чукотских, долганских и русско-старожильческих населенных пунктов соответственно равна 2,8%; 1,4; 2,8 и 2,8%.

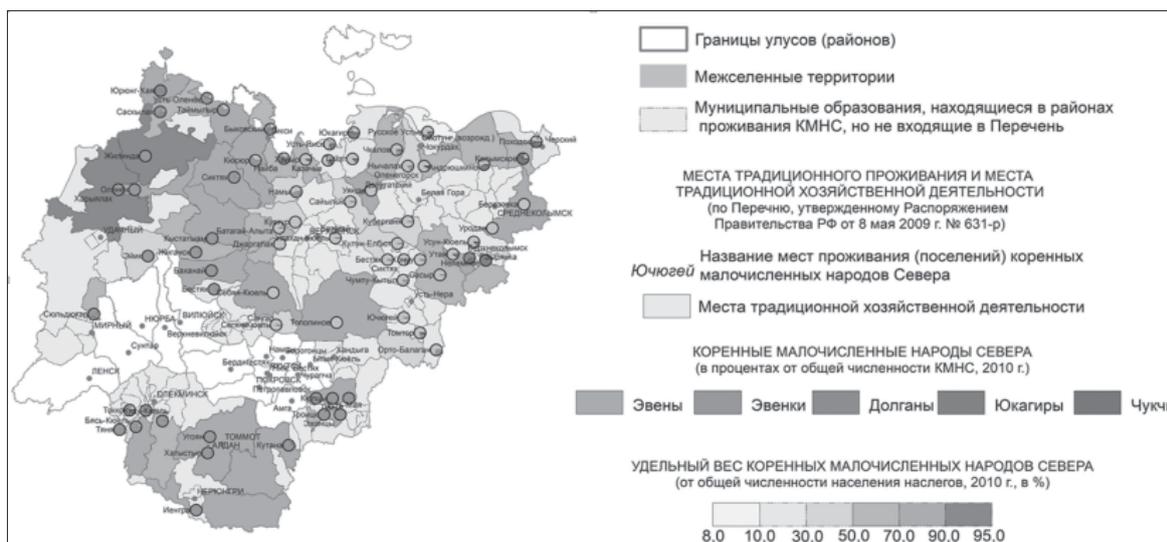

Рис. 1. Расселение коренных малочисленных народов Севера по местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (составлен В.В. Филипповой, 2018 г.)

Всего в данных 70 сельских поселениях в 2010 г. проживало 44368 чел., что составляло 4,6% от общей численности населения и 12,9% от численности сельского населения Республики Саха (Якутия). Общая численность представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих в утвержденных Перечнем населенных пунктах, составляет 23574 чел., или 53,1% от общей численности населения указанных поселений. Анализ динамики численности населения в районах проживания малочисленных народов Севера показывает её увеличение за период с 43015 чел. в 1979 г., до 51072 чел. в 1989 г., а в дальнейшем постепен-

ное снижение с 45115 чел. в 2002 до 44368 в 2010 г. По сравнению с численностью населения в 1989 г. в настоящее время численность населения в рассматриваемых 70 населенных пунктах уменьшилась на 6704 чел.

Группировка поселений, включенных в Перечень, по численности населения, проживающего в них, показывает, что 55,7% составляют поселения с людностью менее 500 чел. К крупным поселениям, кроме центров улусов (районов), людность поселений которых составляет 1000–1500 чел., относятся сс. Иенгра, Казачье, Кюсюр, Токко, Томтор, Улахан-Кюель, Хатыстыр, Юрюнг-Хая (табл. 2).

Таблица 2*

Людность поселений компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)

Людность поселений (чел.)	Количество поселений	Доля в общем количестве поселений (%)	Численность населения, (всего, чел.)	Численность населения КМНС (всего, чел.)	Название поселений
Менее 100	4	5,7	205	150	Тумул, Уродан, Усть-Оленек, Утая

101–300	17	24,3	3575	1638	Баханай, Бестях, Бясь-Кюель, Джаргалах, Кулун-Елбют, Нелемное, Нычалах, Оленегорск, Походск, Русское Устье, Сиктях, Троицк, Уолбут, Уяндино, Чкалово, Чумпу-Кытыл, Юкагир
301–500	18	25,7	6790	3434	Березовка, Буор-Сысы, Верхнеколымск, Куду-Кюель, Кыстатыам, Кюпцы, Орто-Балаган, Сегян-Кюель, Соболах, Сюльдюкяр, Тяня, Угоян, Усть-Янск, Усун-Кюель, Хайыр, Эжанцы, Эйик, Ючюгей
501–700	7	10,0	3865	2205	Быковский, Жилинда, Куберганя, Кутана, Найба, Намы, Тумат
701–1000	10	14,3	7987	5243	Андрюшкино, Колымское, Кустур, Петропавловск, Сайылык, Сасыр, Себян-Кюель, Таймылыр, Тополиное, Харыялах
1001–1500	8	11,4	9628	4538	Иенгра, Казачье, Кюсюр, Токко, Томтор, Улахан-Кюель, Хатыстыр, Юрюнг-Хая
1501–2000	1	1,4	1832	1004	Батагай-Алыта
2001–3000	3	4,3	7066	3552	Оленек, Саскылах, Хонуу
3001–4000	1	1,4	3420	1810	Жиганск
	не проживают				Ойотунг
Итого	70		44368	23574	

*Составлена В.В. Филипповой по данным переписи 2010 г.

Исходя из степени участия данных поселений в организации и обслуживании населения, а также в выполнении производственных функций, их можно подразделить на следующие функционально-иерархические типы:

- одновременно сочетающие в себе функции центров района и наслега: сс. Батагай-Алыта, Жиганск, Оленек, Саскылах и Хонуу;

- центры наслегов (59 поселений). В эту группу входят поселения, большинство которых яв-

ляются единственными поселениями на территории муниципальных образований (наслегов);

- поселения, входящие в состав наслегов и находящиеся в административном подчинении от центров наслегов: Ойотунг, Тумул, Троицк, Угоян, Уродан, Усть-Оленек.

Населенными пунктами, возрожденными в 1980–1990-е гг., являются села Утая Верхнеколымского района, Ойотунг Аллаиховского района, Уянди Усть-Янского района, Уродан Средне-

колымского района. Село Утая было включено в учётные данные административно-территориального деления Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 24 июля 1987 г., его территория была выделена из состава Верхнеколымского наслега (сельского округа) Верхнеколымского улуса (района).

В том же 1987 г. Госплан и Отдел народностей Севера СМ ЯАССР выступили за организацию нового производственного участка совхоза в местности Уродан. В 1991 г. Уродан был включен в состав возрождаемых сёл в Перечне районов компактного проживания малочисленных народов Якутии. Село Уродан было создано в районе бывшего сельского поселения Чубукулах, исключенного из учётных данных административно-территориального деления Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 17 декабря 1986 г. Село с новым наименованием *Уродан* было включено в учётные данные административно-территориального деления Постановлением Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 24 декабря 1999 г. №1 77-П и зарегистрировано в составе Березовского национального (кочевого) наслега (сельского округа) Среднеколымского улуса (района) [Филиппова, 2017, с. 88].

Село Ойотунг было зарегистрировано в составе и в качестве административного центра Ойотунгского национального кочевого наслега (сельского округа) Аллаиховского улуса (района) Постановлением Президиума Верховного Совета Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 1992 г. № 1257-ХП. Этим же Постановлением с. Уянди было зарегистрировано в составе и в качестве административного центра Уяндинского национального наслега (сельского округа) Усть-Янского улуса (района). Территория Ойотунгского наслега была образована путём выделения частей территорий Русско-Устьинского и Юкагирского наслегов (сельского округа) Аллаиховского улуса (района), территория Уяндинского наслега была выделена из состава Силяняхского наслега (сельского округа) Усть-Янского улуса (района).

Образование данных поселений привело к освоению территорий данных наслегов и к увеличению численности населения в них. Если в данных поселениях в 1989 г. проживало 32 чел.,

то к 2010 г. их численность увеличилась в 8,1 раза и составила 260 чел. Единственным поселением, в котором за эти годы не было постоянного населения, является территория с. Ойотунг Ойотунгского национального (кочевого) наслега, что привело к тому, что в настоящее время территория наслега стала межселенной территорией Аллаиховского улуса.

В 2000-е гг. была продолжена работа по возрождению населенных пунктов и территорий в пределах границ землепользования кочевых родовых общин. Так, в Законе Республики Саха (Якутия) от 11 апреля 2000 г. 3 N 167-П были указаны 10 населенных пунктов: Гонам, Угино и Верхняя Амга (Беллетский наслег) Алданского улуса, Улахан-Кюель (Саскылахский национальный наслег) и Куочаа (Юрюнг-Хаинский наслег) Анабарского улуса, Чекуровка (Булунский наслег) Булунского улуса, Конара и Мэнкэрэ (Ленский наслег) Жиганского улуса, Алексеевка (Саняхтахский наслег) Олекминского улуса, Алы (Нижнебытантайский наслег) Эвено-Бытантайского улуса, но в связи с утратой силы данного Закона работы по возрождению данных населенных пунктов были прекращены.

Для защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера с 14 апреля 2010 г. в Республике Саха (Якутия) действует республиканский закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», регулирующий отношения в области этнологической экспертизы в целях социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Согласно вышеуказанному Закону этнологическая экспертиза должна проводиться только в отношении мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности».

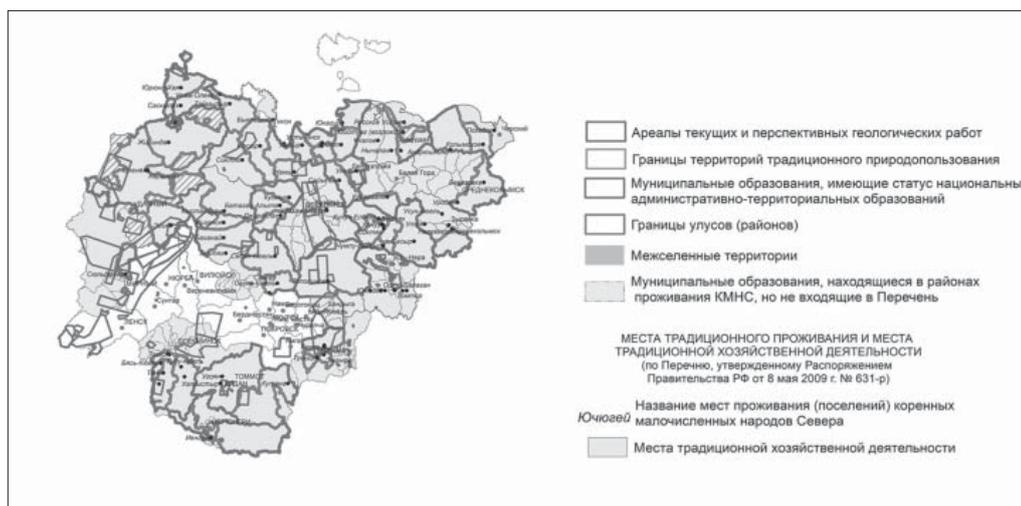

Рис. 2. Наложение тематических слоев в ArcGIS для группировки районов проживания малочисленных народов Севера по степени потенциальных конфликтов между интересами коренных малочисленных народов Севера и промышленными компаниями (составлен В.В. Филипповой, 2018 г.)

Для выявления ареалов соприкосновения интересов добывающих компаний и территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Якутии в разработанную автором ГИС-карту был добавлен еще один тематический слой – ареалы текущих и перспективных геологических работ в районах проживания малочисленных народов. Источником данной информации послужил ГИС-атлас «Недра России», находящийся в открытом доступе [Недра России, 2018]. ГИС-атлас «Недра России» – это единая комплексная отраслевая геоинформационная система, интегрирующая сведения о геологическом строении и минерально-сырьевых ресурсах Российской Федерации, обеспечивающая Федеральное Агентство по недропользованию базовой геологической и геолого-экономической информацией, необходимой для принятия управленческих решений в сфере планирования, организации, контроля недропользования, воспроизводства минерально-сырьевой базы и геологического изучения территории России.

Исходя из получившейся картины, представленной на рис. 2, на котором нанесены места традиционного проживания; места традиционной хозяйственной деятельности; границы муниципальных образований, имеющих статус национальных административно-территориальных образований; границы территорий тради-

ционного проживания; ареалы межселенных территорий; ареалы текущих и перспективных геологических работ, автором статьи предварительно выделены шесть групп районов проживания малочисленных народов Севера по степени потенциальных конфликтов между интересами коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний (табл. 3).

Анализ группы районов проводился с учетом наличия статуса национальных административно-территориальных образований, наличия территорий традиционного природопользования, наличия межселенных территорий и ареалов геологических работ. В результате выявилось, что во всех местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности были созданы территории традиционного природопользования местного значения, имеющие районный или наследный статусы. При проведенном анализе также учитывалась группировка районов в зависимости от того или иного подхода к выделению мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности: 1) вся территория муниципальных районов (улусов), включая территории всех населенных пунктов и сельских поселений; 2) вся территория муниципальных районов (улусов), за исключением межселенных территорий и территории одного городского поселения; 3) территории двух и более муниципальных образований (населенных пунктов и сельских поселений) на территории од-

Группировка районов проживания малочисленных народов Севера по степени потенциальных конфликтов между интересами коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний

Группы районов проживания коренных малочисленных народов Севера	Название районов	Количество муниципальных образований района (в т.ч. МО, входящие в Перечень 2009 г.)	Количество муниципальных образований района (наследов), имеющих статус национальных административно-территориальных образований (национальных наследов)	Количество территорий традиционного природопользования (статусы: Р – районный; Н – наследный; КРО – на территории кочевой родовой общины)	Наличие межселенной территории в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности	Наличие ареалов текущих и перспективных геологических работ в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности
1 группа	Эвено-Бытантайский национальный улус (район)	3 (3)	0	Р-1	отсутствует	отсутствуют
	Момский район	6 (6)	6	Н-6	отсутствует	отсутствуют
2 группа	Верхнеколымский улус (район)	6 (4)	2	Н-4	отсутствует	отсутствуют
	Нижнеколымский район	4 (3) Не входит пос. Черский	2	Н-3	отсутствует	отсутствуют
	Аллаиховский улус (район)	5 (4). Не входит пос. Чокурдах	1	Р-1	имеется (территория Ойотунгского национального (кочевого) наслега)	отсутствуют
	Среднеколымский улус (район)	10 (1)	1	Р-1	отсутствует	отсутствуют
	Абыйский улус (район)	6 (1)	1	Н-1	отсутствует	отсутствуют

3 группа	Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)	2 (2)	2	P-1	отсутствует	имеются
	Булунский улус (район)	7 (6) Не входит пос. Тикси	4	H-6	отсутствует	имеются
4 группа	Мирнинский район	9 (1)	1	H-1, КРО-1	отсутствует	имеются
	Нерюнгринский муниципальный район	7 (1)	1	H-1	отсутствует	имеются
	Томпонский район	9 (1)	1	P-1	отсутствует	имеются
	Алданский район	7 (2)	2	H-2	отсутствует	имеются
	Кобяйский улус (район)	12 (2)	2	H-2	отсутствует	имеются
	Усть-Майский улус (район)	10 (3)	3	H-3	отсутствует	имеются
	Олекминский район	23 (4)	4	H-4	отсутствует	имеются
	Усть-Янский улус (район)	10 (7)	7	H-7	отсутствует	имеются
5 группа	Верхоянский район	17 (1)	0	H-1	отсутствует	имеются
	Оймьконский улус (район)	7 (3)	0	H-3	отсутствует	имеются
6 группа	Жиганский национальный эвенкийский район	4 (4)	2	P-1	имеется	имеются
	Оленекский эвенкийский национальный район	4 (4)	4	P-1	имеется	имеются

* Составлена В.В. Филипповой, 2018 г.

ного муниципального района (улуса); 4) территория только одного муниципального образования (наследов и сельских поселений) на территории одного муниципального района (улуса).

На территории районов, которые вошли в 1-ю и 2-ю группы, отсутствует потенциальная угроза конфликтов между коренным малочисленным населением и промышленными компаниями ввиду отсутствия ареалов текущих и перспективных в ближайшем будущем промышленных работ.

В 1-ю группу вошли улусы (районы) с более высоким уровнем правовой защиты, на территории которых отсутствуют предприятия добывающей промышленности. К этой группе относятся Момский улус (район) и Эвено-Бытантайский национальный улус, территории которых полностью входят в Перечень 2009 г. и имеют статус национального административно-территориального образования на районном и наслезном уровне.

Во 2-ю группу вошли районы с аграрной специализацией, в которых в местах проживания малочисленных народов отсутствуют очаги промышленности. В данную группу вошли Верхнеколымский, Среднеколымский, Нижнеколымский, Аллаиховский и Абыйский улусы (районы). Последние три улуса включены в данную группу за счет того, что на их территории организованы территории традиционного природопользования на районном уровне. Кроме того, 20 апреля 2016 г. улусным (районным) Советом депутатов муниципального района «Абыйский улус (район)» было вынесено решение о предложении по внесению в Перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) и Российской Федерации территории муниципального района «Абыйский улус (район)» Республики Саха (Якутия) [О предложении по внесению..., 2016]. На XV (очередной) сессии Четвёртого созыва Чокурдахского поселкового Совета депутатов от 22 сентября 2016 г. было принято решение «О включении п. Чокурдах в Перечень компактного проживания коренных малочисленных народов Севера РС (Я)», которое было направлено в Администрацию «Аллаиховский улус (район)» [О включении п. Чокурдах..., 2016]. В случае принятия данного решения вся территория Аллаиховского улуса

(района) станет местом проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Аналогичная ситуация характерна и для Нижнеколымского района, вся территория которого, за исключением территории пос. Черский, является районом проживания малочисленных народов Севера. В мае 2016 г. Совет депутатов МО «Поселок Черский» принял решение «О внесении законодательной инициативы Государственного собрания (Ил Тумэн) и Правительства РС (Я) в части отнесения к местам проживания коренных малочисленных народов Севера п. Черский Нижнеколымского района РС (Я)».

В 3-ю группу районов вошли Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) и Булунский районы, на территории которых имеются ареалы промышленной добычи. Однако потенциальный конфликт интересов может быть отрегулирован наличием национального статуса района и наследов и созданными в местах проживания малочисленных народов территориями традиционного природопользования. Уровень защиты интересов малочисленных народов Булунского района может повыситься за счет включения районного центра – пос. Тикси в места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, тогда территория района полностью станет районом проживания народов Севера.

В 4-ю группу вошли промышленные районы, меньшая часть территорий которых относятся к районам проживания малочисленных народов: Мирнинский, Нерюнгринский, Томпонский, Алданский, Кобяйский, Олекминский, Усть-Майский и Усть-Янский районы. Уязвимость данных районов обусловлена также наличием очагов промышленности на территории мест проживания и мест традиционной хозяйственной деятельности. Одним из путей защиты территорий интенсивного промышленного освоения, на территории которых проживают представители малочисленных народов Севера, является расширение «Перечня мест традиционного проживания и ведения традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ». Правительство Республики Саха (Якутия) ведет работу по данному направлению, и одним из таких примеров на территории Мирнинского района является территория Ботубуйинского наслега (с.

Тас-Юрях), где проживают потомки тунгусов Брагатского (Бранатского) рода.

Верхоянский и Оймяконский районы, входящие в 5-ю группу районов, наименее защищены от промышленного освоения ввиду отсутствия у наслегов данных районов статуса национальных административно-территориальных образований. Администрациям данных муниципальных образований следует провести работы по получению статуса «национальный».

В 6-ю группу входят Жиганский и Оленекский районы, уязвимость территорий которых обусловлена наличием межселенных территорий. Однако ввиду того, что созданные территории традиционного природопользования имеют районный статус, то при проведении этнологических экспертиз компенсация и ущерб могут быть посчитаны на весь район.

Резюмируя, можно отметить, что в настоящее время районы компактного проживания малочисленных народов Севера Якутии являются относительно защищенными, насколько это позволяют имеющиеся на сегодня федеральные и республиканские законы. Проведенное автором изучение территориальных особенностей расселения малочисленных народов Севера и их группировки с использованием ГИС-технологий может быть применено для оценки потенциала устойчивого развития ареалов проживания коренных малочисленных народов Севера и при проведении этнологических экспертиз в Республике Саха (Якутия).

Литература

Гурина А.Н. Особенности использования межселенных территорий в Российской Федерации // ИНТЕРЭК-СПО ГЕО-СИБИРЬ. – 2015. – Т. 3, № 3. – С. 175–182.

Логинов В.Г., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 138 с.

Недра России [Электронный ресурс]: ГИС-атлас / Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского (ФГУП «ВСЕГЕИ»), 2018. – Режим доступа: <http://sibgeoservice.ru/gis-atlas-nedra-rossii/>

О внесении изменений и дополнений в перечень районов проживания народностей Севера: постановление Совета Министров РСФСР от 02.12.1987 г. № 465. Режим доступа: <http://base.garant.ru/1583259/>.

О перечне районов проживания народностей Севера: постановление Совета Министров РСФСР от 11 марта 1980 г. за №126. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2582738>

О перечне районов проживания малочисленных народов Севера: постановление Правительства Российской Федерации от 1 января 1993 г. №22. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1583259/>

О включении п. Чокурдах в Перечень компактного проживания коренных малочисленных народов Севера РС (Я): Решение XV (очередной) сессии Четвёртого созыва Чокурдахского поселкового Совета депутатов от 22 сентября 2016 г. – Режим доступа: chokurdah.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1922284

Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности: распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95535/>

О предложении по внесению в Перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) и Российской Федерации территории муниципального района «Абыйский улус (район)» Республики Саха (Якутия): Решение Улусного (районного) Совета депутатов муниципального района «Абыйский улус (район)» от 20 апреля 2016 г. № 334/04. – Режим доступа: <https://mr-abyjskij.sakha.gov.ru/resheniya-predstavitel'nogo-organa/resheniya-usd-2016-god>

Филиппова В.В. Эвены Березовки в условиях наводнений: из опыта седентеризации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 84–88.

Regional Features of the System of Settlement and Traditional Nature Use of the Indigenous Peoples of the North in Yakutia (1980-2010)

The article is analyzed regional features of the settlement of Indigenous peoples of the North who live in the Republic of Sakha (Yakutia). The change of the settlement of the Indigenous peoples of the North in Yakutia on the basis of the 1980-2010 resolutions that were determined the districts of their life in Russian Federation is considered. The author using GIS technologies has grouped the territories of traditional nature use in Yakutia according to the level of potential conflicts between the Indigenous peoples of the North and industrial companies.

Keywords: indigenous peoples of the North, settlement, industrial development, territories of traditional nature use, Yakutia.

С.А. Григорьев

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.008

УДК 574(571.56)"198/199"

Экологическое движение в Якутии в конце XX века

Представленная статья посвящена истории формирования и развития экологического движения в Якутии в конце XX в. Автором рассмотрены предпосылки появления протестных экологических организаций, отображены основные природоохранные инициативы населения в указанный период. Подчеркивается особая роль коренных народов Севера в экологическом движении Якутии, являвшемся важным направлением в сфере защиты своих прав. Отдельное внимание в статье уделено взаимодействию общественных объединений с органами власти различного уровня. Отмечено, что экологические проблемы Якутии послужили катализатором общественной активности населения и привели к формированию первых общественно-экологических движений в республике. Именно ухудшение экологической ситуации в республике, фокусирование внимания общественности на данной проблеме стали причиной усиления влияния общественного мнения на органы власти. По итогам проведенного исследования, отмечено, что опыт первых экологических объединений в Якутии является наглядным примером того, что общественное мнение, формируемое ими, потенциально может играть значительную роль и оказывать существенное влияние на власть.

Ключевые слова: общественное движение, энвайроментализм, Якутия, коренные народы, охрана окружающей среды, экология рек, протестные организации, комитет «Амга», комитет «Виллой».

Активное индустриальное освоение территорий Сибири и Дальнего Востока, развернувшееся во второй половине XX в., нанесло масштабный ущерб экологии Якутии и привело к нарастанию социальной напряженности. При формировании народнохозяйственного комплекса приоритет всегда отдавался ведомственным интересам союзных министерств, слабо учитывающих особенности природных условий Якутии и традиции ее коренных жителей. При декларированной благой цели – рост материаль-

ного благополучия населения региона, неразрывно связанный с промышленным освоением природных богатств – природоохранные задачи отодвигались на второй план [Маршинцев, Тяп-тиргянов, 1992, с. 47].

Деятельность промышленных предприятий на территории ЯАССР часто осуществлялась в районах проживания коренного населения республики, главной сферой деятельности которого являлось сельское хозяйство. Ухудшение экологической обстановки в Якутии непосред-

ственно приводило к ухудшению общего состояния здоровья населения, к экономическим потерям и снижению социального благополучия. Ситуация порождала предпосылки для проявления массового общественного недовольства, подталкивала к формированию организованного противодействия в виде создания общественных движений и организаций. Нужно подчеркнуть, что, несмотря на то, что экологические организации первоначально не преследовали политических целей и не выступали оппозицией к властям, именно они стали первым самостоятельным массовым общественным движением, выразившим интересы значительной части населения Якутии.

Необходимо отметить, что данное явление было частью общей тенденции – экологические объединения в СССР конца 1980-х гг. по уровню доверия населения далеко опережали все новые социальные движения. Экологический протест 1987–1989 гг. стал в СССР первой легальной формой общедемократического протеста и общегражданской солидарности. И это было естественно, так как речь шла о защите базовых и общезначимых условий для человеческого существования [Яницкий, 1995, с. 17].

Общественный интерес к проблемам экологии в Якутии, как и во всей стране, резко возрос со второй половины 1980-х гг. Наглядным примером может послужить статистика появления проблемных статей экологической направленности в республиканской прессе, когда, начиная с 1986 г., стал отмечаться рост подобных критических статей. В 1989 г. интерес республиканской прессы к экологической проблематике достиг своего пика, когда за год вышло 145 статей в республиканских и районных изданиях. Отдельно следует упомянуть о внимании научной общественности к экологическим проблемам республики. Так, в 1988 г. в Ленинграде состоялась конференция по координации научных исследований в Арктике, на которой впервые на международном уровне активно обсуждалась экологическая ситуация в Якутии. Были отмечены негативные последствия антропогенного воздействия на флору и фауну, а также развитие традиционных отраслей хозяйства коренных народов [Сулейманов, 2012, с. 31–33].

Как уже было сказано, общественно-экологическое движение в Якутии начало формиро-

ваться в конце 1980-х гг., когда население некоторых районов республики стало образовывать инициативные группы и комитеты для предотвращения загрязнения отходами промышленных предприятий рр. Вилюй, Амга, Адыча, Индигирка, Колыма, Алазея, Алдан и Лена. Первыми, наиболее активными и показательными с точки зрения выражения интересов коренного населения стали общественные объединения, ставившие своей задачей, прежде всего, защиту экологии рек. Среди них особое место занимают комитет «Защита реки Амга» и общественно-экологический комитет «Вилюй». Они возникли почти одновременно и ставили перед собой схожие задачи защиты природы от последствий промышленного воздействия. Создание комитета «Амга» стало следствием реакции населения на планы строительства водоотвода для перекачки стока р. Амга в заречные районы, появившиеся в 1986 г. Позже широкой общественности стало известно о планах строительства в верховьях реки трех леспромхозов, что также могло ухудшить экологическую обстановку в этом регионе. Появившаяся информация о данных проектах стала поводом к широкой общественной дискуссии, следствием которой явилась публикация более 120 статей, затрагивавших вопрос экологии р. Амга и выражающих разные точки зрения [Федоров, Моисеева, 1998, с. 96]. Первой статьей по этой теме стала публикация М.М. Фомина «Беды красавицы Амги» [Фомин, 1988, с. 6].

Непосредственная общественная деятельность по защите экологии р. Амга началась в 1988 г., когда была сформирована первая экологическая экспедиция в верховья Амги, участниками которой был произведен сбор материалов о состоянии окружающей среды реки. Также проводилась работа по выработке и внесению предложений на рассмотрение республиканских властей, формированию и изучению общественного мнения. Таким образом, 1988 г. следует считать годом образования общественно-экологического движения Якутии, хотя официально комитет «Защита реки Амга» был создан лишь 9 октября 1990 г.

Результатами деятельности данного общественного движения стало создание в феврале 1989 г. комиссии по экологической экспертизе схемы освоения лесосырьевой базы в Якутии,

которая сделала вывод об экономической нецелесообразности, экологической опасности проекта и предложила правительству воздержаться от размещения в Южной Якутии леспромхозов. Летом 1991 г. в верховья Амги была отправлена научная экспедиция Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР с целью проведения комплексных исследований экологии Амги. 15 июня 1992 г. правительство республики официально отклонило проект перекладки вод р. Амга и приняло решение начать строительство другого водовода, проложенного от р. Лена. В 1995 г. было принято решение об организации Верхнеамгинского государственного заказника на территории Алданского улуса. Таким образом, движение «Защита реки Амга» стало наглядным примером общественного экологического движения, которое достигло поставленной цели. К этому следует добавить, что благодаря деятельности движения р. Амга подверглась комплексному научному изучению. По заказу Управления народного образования Амгинского улуса научный отчет по экологии Амги был издан в трех книгах: «Экология верхней Амги» [Саввинов Д.Д., Саввинов Г.Н., Тяптиргянов и др., 1992], «Экология средней Амги» [Саввинов Д.Д., Саввинов Г.Н., Тяптиргянов и др., 1993], «Экология нижней Амги» [Саввинов, Дегтярев, Тяптиргянов и др., 1995].

Несколько иной и более продолжительной стала история деятельности общественно-экологического движения Вилюйского региона. Деграляция экологической обстановки в бассейне р. Вилюй на протяжении 1980-х гг. и последовавшее за этим ухудшение состояния здоровья населения региона привели к недовольству деятельностью алмазодобывающих предприятий. Протесты были вызваны нарушением НПО «Якуталмаз» экологических требований и законодательства. Ухудшение качества воды в р. Вилюй стало главной проблемой, с которой были вынуждены столкнуться местные жители, и связывалась оно непосредственно с деятельностью алмазо- и газодобывающих предприятий и Вилюйской ГЭС.

Встревоженное таким состоянием окружающей среды население стало выступать против деятельности алмазодобывающих предприятий. Впервые об этих проблемах открыто стали заяв-

лять представители Верхневилуйского и Сунтарского районов, впоследствии к протесту присоединились жители соседних территорий. В адрес руководства республики и страны были направлены открытые письма-требования, протесты, которые встревожили властные структуры и вынудили их принять ряд конкретных мер по экологии Вилюя и республики в целом. Проблемы охраны окружающей среды впервые были обсуждены на заседании бюро обкома ЯАССР.

В 1989 г. были проведены исследования, направленные на оценку влияния алмазодобывающей промышленности и Вилюйской ГЭС на местное население, в ходе которых было выявлено, что более половины жителей (51%) считали, что «в промышленном развитии республики должен быть признан принцип приоритетного земле- и природопользования за коренными народами республики». Уже через год в ходе исследовательских работ, проведенных на той же территории по вопросу о природопользовании, 47,8% опрошенных высказались за то, чтобы коренное население в местах своего традиционного проживания владело правом приоритетного природопользования [Винокурова, Романова, 2002, с. 123].

30 октября 1990 г. состоялась учредительная экологическая конференция представителей обществности районов Вилюйского региона и г. Мирный. Участники конференции приняли решение направить открытое письмо-требование к председателям Верховных Советов: СССР – А.И. Лукьянову, РСФСР – Б.Н. Ельцину, Якутской-Саха ССР – М.Е. Николаеву, в котором предъявили ряд требований: объявить регион бассейна р. Вилюй зоной экологического бедствия; рассмотреть программу оздоровления экологической обстановки в вилюйской группе районов; создать комиссию для определения нанесенного ущерба флоре и фауне р. Вилюй, народному хозяйству, здоровью населения Западной Якутии; обеспечить регион безопасной питьевой водой и т.д. [Боль и трагедия... , 1997, с. 59–60]

Но только в 1992 г. Президиумом Верховного Совета Республики Саха (Якутия) было принято специальное постановление «О комплексе первоочередных мер по оздоровлению экологической обстановки в бассейне р. Вилюй». Для его реализации 27 апреля 1992 г. Правительство РС (Я) приняло постановление «О неотложных

социально-экономических и природоохранных мероприятиях по стабилизации экологической обстановки в бассейне р. Вилюй». К тому времени общественно-экологическое движение официально оформилось как «Общественный комитет по спасению реки Вилюй». Целью зарегистрированной организации стала «консолидация граждан районов бассейна реки Вилюй, общественности республики для оздоровления экологической обстановки в бассейне реки Вилюй» [НА РС (Я) Ф. П-861. Оп. 8. Д. 118. Л. 3]. Комитет продолжил проводить научно-теоретические конференции и общественные слушания по проблемам Вилюя, налаживать связи с администрациями улусов и государственными структурами. Представители комитета приняли участие в первой радиологической экспедиции «Марха-93», проведенной в 1993 г. по местам аварийных подземных ядерных взрывов «Кристалл» и «Кратон-3» [Степанов, 2000, с. 65].

«Общественный комитет по спасению реки Вилюй» также сыграл большую роль в отчислении АК «АЛРОСА» 2% средств на реализацию социально-экономических и экологических программ улусов алмазной провинции. Положительным итогом его деятельности можно назвать и то, что государством в экологию Вилюйского бассейна были вложены определенные инвестиции. В условиях финансового дефицита 1990-х гг. это стало ощутимым вкладом в развитие данных областей. В 1992 и 1993 гг. вышли в свет книги «Экология бассейна реки Вилюй: промышленное загрязнение» [Петрова, Саввинов, Тяптиргянов и др., 1992]. и «Экология реки Вилюй: состояние природной среды и здоровья населения» [Саввинов, Тяптиргянов, Кривошапкин, Копылов, 1993]. В этих работах авторы опубликовали данные исследований и сделали рекомендации по улучшению экологической ситуации.

На рубеже 1980–1990-х гг. ухудшение состояния окружающей среды стали остро ощущать и коренные малочисленные народы Севера. В силу определенной специфики природной среды в местах их проживания (северная природа весьма уязвима, а ее восстановление занимает длительное время) эта проблема приобрела актуальность. Снижение качества окружающей среды стало одной из основных тем на учредительном съезде малочисленных народов Якутии,

проходившем в декабре 1989 г. Председатель учредительной комиссии С.Н. Горохов в своем докладе, наряду с вопросами экономического, социального, правового и духовного развития народностей Севера, выделил и проблему экологии. В той или иной степени вопросы охраны окружающей среды, сохранения этнических региональных территорий проживания коренного населения Севера затрагивались на всех съездах малочисленных народов Якутии.

Экологические проблемы в местах проживания народов Севера, связанные, прежде всего, с промышленным освоением регионов Сибири и Дальнего Востока, стали одной из основных причин низкого уровня жизни коренного населения. Ухудшение экологической ситуации на территориях их проживания и ведения традиционного хозяйства способствовало возникновению комплекса проблем, отрицательно влияющих на уровень жизни и ее продолжительность. Ситуация усугублялась еще и тем, что проблемы экологии тесно переплелись с социальными и экономическими проблемами [Винокурова, 2000, с. 163–188].

Здесь следует подчеркнуть и то, что в контексте проблем северных этносов вопросы экологии тесно связаны с экономической составляющей их развития. Техногенное воздействие промышленных предприятий на северную природу негативно повлияло на территории традиционного хозяйствования коренных народов Севера. Следствием этого стали уменьшение показателей традиционных видов их занятий – охоты и рыболовства, а также сокращение численности оленей.

В начале 1990-х гг. начали вести работу общественные движения по защите рр. Адыча и Колыма. В июне - сентябре 1990 г. состоялись встречи населения колымских районов с руководством ряда предприятий и сотрудниками природоохранных ведомств Якутии и Магаданской области, где был выражен протест против планирования строительства Усть-Среднеканской ГЭС на р. Колыма. Экологическими активистами отмечалось, что последствия её строительства и эксплуатации могли нанести большой урон природе, нарушить воспроизводство рыбных запасов. Кроме экологической угрозы новое строительство могло нанести и экономический ущерб. Существовали опасения, что новая ГЭС создаст мелководье, из-за которого в

период навигации речные суда не смогут доставлять продовольствие, промтовары и другой груз для местного населения [Государственный доклад... , 1992, с. 163].

В июле 1990 г. состоялось учредительное собрание представителей общественности колымских районов по созданию межрегионального комитета по защите бассейна Колымы. В мае 1991 г. в результате прошедших митингов в г. Среднеколымск, п. Зырянка, с. Нелемное комитетом было принято обращение к Совету Министров Якутской-Саха ССР, а также был проведен сбор подписей протеста против строительства новой ГЭС [Иванова, Боякова, 1992, с. 106].

Экологическая угроза и недовольство коренного населения вынудили Президента РС (Я) М.Е. Николаева в мае 1993 г. написать открытое письмо Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину и министру топлива и энергетики Ю.К. Шафраннику «О недопустимости строительства Усть-Среднеканской ГЭС на р. Колыме» с просьбой о приостановке строительства. Вскоре работы были свернуты. Но это лишь отчасти можно было назвать победой местного экологического движения. В условиях кризиса Правительство РФ уже не могло финансировать возведение каскада ГЭС на Колыме в должной мере, поэтому сохранение стабильной экологической ситуации в этом регионе было вызвано скорее экономическими факторами, хотя здесь также нужно признать роль общественных деятелей и экологов.

С середины 1990-х гг. наметилось снижение общественного интереса к вопросам экологической безопасности. Отсутствие новых явных угроз и стабилизация экологической обстановки сделали возможным переход природоохранных организаций к непротестным формам деятельности. Вместо этого стали предпочтительными пропагандистские и воспитательные акции, вследствие чего экологическое движение во второй половине 1990-х гг. уже не проявляло прежней активности. В Государственном докладе Министерства охраны природы РС (Я) отмечено, что в 1998 г. в республике было зарегистрировано 23 общественных объединения, занимавшихся вопросами охраны окружающей среды. В 1999 г. эти объединения и средства массовой информации привлекались ко многим природоохранным акциям, таким, как организа-

ция концертов, празднование Дня Земли, беседы, лекции, конкурсы [Государственный доклад... , 1999, с. 248–249].

На фоне снижения активности экологического движения «Общественный комитет по спасению реки Вилюй» сохранил свою активность. 12 января 1999 г. состоялось региональное совещание с участием представителей Министерства Российской Федерации по атомной энергии, АК «АЛРОСА» и Правительства РС (Я). Итогом совещания стало тройственное Соглашение по экологической реабилитации территорий проведения мирных подземных ядерных взрывов в Республике Саха (Якутия), подписанное Президентом М.Е. Николаевым, первым замминистра Минатома РФ В.Н. Михайловым и генеральным директором АК «АЛРОСА» В.П. Дюкаревым 13 января 1999 г. в г. Якутске [Степанов, 2000, с. 67].

Представители комитета, работая с депутатами Государственного собрания Ил Тумэн от вилюйской группы районов, добились проведения 26 марта 1999 г. парламентских слушаний по оздоровлению экологической обстановки в алмазной провинции. В рекомендации парламентских слушаний вошли предложения представителей экологических организаций и в частности комитета «Вилюй». Постановление Палаты представителей Госсобрания – Ил Тумэн обязывало Правительство РС (Я) принять соответствующие меры по выполнению рекомендаций. Парламент узаконил разработанную Министерством охраны природы РС (Я) региональную целевую программу «Оздоровление экологической обстановки алмазной провинции на 1999–2001 гг.». Принятые в 1999 г. соглашения, программы и рекомендации стали логическим завершением многолетней работы Комитета «Вилюй». Формируемое им общественное мнение в итоге смогло оказать влияние на принятие решений властными и финансовыми структурами.

Таким образом, экологические проблемы Якутии стали важным фактором консолидации общественной активности населения и привели к формированию первых общественно-экологических движений в конце XX в. Именно ухудшение экологической ситуации в республике, фокусирование внимания общественности на данной проблеме стали причиной усиления влияния общественного мнения на органы власти. Опыт экологического движения Якутии яв-

ляется наглядным примером того, что общественное мнение, формируемое им, играет большую роль и может оказывать существенное влияние на власть в её отношении к вопросам охраны природы.

Литература и источники

Боль и трагедия седого Вилюя. – Якутск: ООО «Сапи – Торг-Книга», 1997. – 92 с.

Винокурова Л.И. Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 163–188.

Винокурова Л.И., Романова Е.Н. Земля коренных народов Якутии: сакральная территория, право на землю и современное законодательство // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. – 2002. – № 28. – С. 121–132.

Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Республики Саха (Якутия). – Якутск: ООО «Литограф», 1992. – 190 с.

Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Республики Саха (Якутия). – Якутск: ООО «Литограф», 1999. – 272 с.

Иванова Т.С., Боякова С.И. Социально-экологические проблемы в бассейне реки Колымы в связи с гидростроительством // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992. – Ч. 2. – С. 105–108.

Маршинцев В.К., Тяптурьянов М.М. Изменения в природной среде и оценка экологической ситуации северо-востока Азии // Там же. – Ч. 1. – С. 47–54.

НА РС (Я) Ф. П-861. Оп. 8. Д. 118.

Петрова П.Г., Саввинов Д.Д., Тяптурьянов М.М. и др. Экология бассейна реки Вилюй: промышленное загрязнение – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 119 с.

Саввинов Д.Д., Саввинов Г.Н., Тяптурьянов М.М. и др. Экология верхней Амги. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 136 с.

Саввинов Д.Д., Саввинов Г.Н., Тяптурьянов М.М. и др. Экология средней Амги. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 81 с.

Саввинов Д.Д., Тяптурьянов М.М., Кривошапкин В.Г., Копылов Р.Н. Экология реки Вилюй: состояние природной среды и здоровья населения – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 240 с.

Саввинов Д.Д., Дегтярев В.Г., Тяптурьянов М.М. и др. Экология нижней Амги. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. – 112 с.

Степанов И. О работе общественного комитета «Вилюй» // Илин. – 2000. – №3. – С. 64–69.

Сулейманов А.А. Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия. – Якутск, 2012. – 166 с.

Федоров В.В., Моисеева Л.В. Роль общественно-экологического движения в защиту бассейна реки Амга. – Якутск: ДНиСПО МО РС(Я), 1998. – 136 с.

Фомин М.М. Беды красавицы Амги // Молодежь Якутии. – 1988. – 24 апр.

Яницкий О.Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 15–25.

S.A. Grigorev

Environmental Movement in Yakutia at the End of the XX century

The article is devoted to the history of the formation and development of the ecological movement in Yakutia at the end of the 20th century. By author considers the preconditions for the emergence of protest environmental organizations. The basic nature protection initiatives of the population in the specified period are shown. A special role of the indigenous peoples of the North in the ecological movement of Yakutia was noted. A special attention is paid to the interaction of public associations with authorities of various levels. It is noted that the ecological problems of Yakutia served as a catalyst for the public activity of the population and led to the formation of the first socio-ecological movements in the republic. It is the deterioration of the ecological situation in the republic, the focus of public attention on this issue, which has become the reason for strengthening the influence of public opinion on the authorities. As a result, it is noted that the experience of the first ecological associations in Yakutia is an example of the fact that public opinion, formed by them, can potentially play a significant role and exert a significant influence on the authorities.

Keywords: Public movement, environmentalism, Yakutia, indigenous peoples, environmental protection, river ecology, protest organizations, “Amga committee”, “Vilyuy committee”.

Н.И. Данилова, Н.И. Попова

DOI:10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.012

УДК 001-057.4(571.56)

Высокая школа любви к науке

В статье предпринята попытка осветить наиболее важные аспекты многогранной научной деятельности Петра Алексеевича Слепцова, доктора филологических наук, профессора – основателя известной за пределами республики школы якутских лексикографов, автора идеи создания и главного редактора многотомного Большого академического толкового словаря якутского языка.

П.А. Слепцов является автором-разработчиком теории развития литературных языков младописьменных народов – основополагающей для российской науки в этой области. Путь формирования научного мировоззрения ученого проанализирован здесь в тесной связи с развитием важнейших разделов якутского литературного языка – лексики, грамматики, стилистики, а также с процессом его нормализации с точки зрения новизны авторского видения исследуемых проблем. В статье П.А. Слепцов представлен не только как лексиколог, лексикограф и грамматист, но и как основоположник новых лингвистических направлений, активно развивающихся сегодня в якутском языкознании, а именно социолингвистики и лингвофольклористики.

Ключевые слова: якутский язык, литературный язык, норма, грамматика, лексика, лексикография, заимствования, кодификация, орфография.

В этом году научная общественность республики отмечает 90 лет со дня рождения и 58 лет научной и педагогической деятельности выдающегося исследователя якутского языка, основателя школы якутской лексикографии и направлений социолингвистики и лингвофольклористики профессора Петра Алексеевича Слепцова. В середине XX в., когда Петр Алексеевич начинал свой счастливый путь в науку, помимо достижений классической тюркологии, в копилке изучения якутского языка имелись эпохаль-

ные труды О.Н. Бётлингга, В.В. Радлова, Э.К. Пекарского, Е.И. Убрятовой, Л.Н. Харитонova и других, которые послужили фундаментальной платформой для формирования научно-теоретического мировоззрения будущего лидера якутского языкознания.

Судьбоносную для молодого ученого роль в определении магистрального пути в науке сыграл незабвенный Лука Никифорович Харитонов. Будучи научным руководителем, он предложил своему ученику сложную и, как оказа-

лось, весьма перспективную тему кандидатской диссертации «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)». Диссертация в виде монографии была опубликована в 1964 г. в г. Якутске. Объектом исследования явились русские лексические заимствования, освоенные носителями якутского языка до распространения массовой письменности. Они активно использовались в разговорной речи якутов и сыграли важную роль в становлении и формировании норм якутского литературного языка. К исследованию были привлечены все печатные издания на якутском языке, сохранившиеся к моменту работы над монографией: газеты, журналы, словари, специальная и художественная литература, вышедшие до 1938 г., а именно до перехода якутского алфавита на русскую основу. Также была использована вся научная литература как по языку, так и по истории и этнографии Якутии. К монографии был приложен обширный указатель наиболее употребительных заимствованных слов, составление которого потребовало от автора колоссального труда. В работе установлен общий объем заимствованных слов, дана их лексико-семантическая классификация, составлена фонетическая и морфологическая характеристика, рассмотрены основные пути их семантической эволюции.

Петр Алексеевич проделал титанический труд по сбору и скрупулезному анализу огромного фактического материала на основе колоссального объема как отечественной, так и зарубежной литературы. Даже краткое знакомство с работой дает представление о широте и глубине проблем, затронутых в первой авторской монографии исследователя. В ней, наряду с главной проблемой развития литературного языка, был поставлен ряд до сих пор до конца не решенных теоретических проблем – исторической, сопоставительной и прикладной лексикологии, семантической структуры отдельного слова и лексико-семантических групп, словообразования, культуры речи, стилистики, а также этнолингвистики и исторической лингвистики, компаративистики, истории якутского языка. П.А. Слепцову как исследователю были интересны приблизительные хронологические рамки, обстоятельства и причины заимствования некоторых наиболее важных терминов. В связи с этим в монографии отдельно про-

анализированы конкретные случаи семантического развития заимствованных слов: сужение и расширение значения, развитие новых значений, различные смещения. Большой научный интерес представляет глава данной работы, в которой подробно описаны фонетические изменения, произошедшие в процессе освоения иноязычных слов. В целом монография молодого ученого послужила началом серьезных исследований проблем становления и развития якутского литературного языка и заложила основы якутского исторического языкознания.

Работа имела продолжение – ее вторая часть в виде самостоятельного монографического исследования под названием «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)» была издана в 1975 г. в Москве в издательстве «Наука». На этот раз объектом исследования Петра Алексеевича выступили не только русские, но и интернациональные заимствования, попавшие в якутский язык через русский. По признанию самого автора эта работа была задумана, как принадлежащая «к серии исследований, посвященных истории становления и развития якутского литературного языка и роли русского языка в этом процессе» [Слепцов, 1975, с. 6].

Новизной исследования явилась впервые в науке предпринятая периодизация заимствований из русского языка, начиная с 20-х гг. XX в., когда массовая письменная литература была предназначена для малограмотного и вовсе неграмотного населения. В качестве следующего периода освоения заимствований установлены 30-е гг. XX в., когда неграмотность в основном была ликвидирована, введено всеобщее обязательное начальное образование. В этот период был осуществлен полный переход 5–7 классов якутской школы на якутский язык обучения; значительного развития достигли периодическая печать и культурно-просветительские учреждения, ведущие работу на якутском языке. Новейшим этапом заимствований и освоения русской лексики был определен период 1940–1970-х гг., который, прежде всего, характеризуется переходом якутской письменности на новый алфавит на основе кириллицы. Это обстоятельство способствовало свободному проникновению русской лексики в якутский литературный язык с правописанием по исходной ос-

нове, что впоследствии привело к возникновению необходимости разработки принципов якутской орфографии.

Все исследовательские проекты Петра Алексеевича с самого начала его творческого пути отличает острый проблемный характер – последовательная постановка конкретных вопросов и задач, адресованных его коллегам – якутским языковедам. Работа, о которой идет речь в данном случае, характеризуется тем, что в ней впервые в якутской языковедческой традиции автор поднял интересную проблему пополнения словарного состава языка словообразовательными средствами. Здесь же впервые была сформулирована серьезная проблема функционально-стилистической дифференциации якутского литературного языка. Также в этой работе были заложены теоретические основы якутской терминологии.

Наиболее значимым теоретическим итогом многолетних исследований проблем якутского литературного языка стала монография П.А. Слепцова «Якутский литературный язык», состоящая из двух частей. Первая часть монографии «Якутский литературный язык. Истоки, становление норм» вышла в издательстве «Наука» (Новосибирск) в 1986 г. Вторая часть монографии под названием «Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм» была опубликована тем же издательством в 1990 г.

В первой части исследования Петр Алексеевич впервые в лингвистике скрупулезно проследил весь процесс зарождения и становления норм якутского литературного языка. В качестве основных факторов, оказавших влияние на характер литературных норм языка, в исследовании называются язык фольклора, деятельность академических экспедиций, политическая, миссионерская деятельность Русской православной церкви. Исходя из мнения, что возникновение письменности – основа письменного литературного языка, автор начал исследование с обстоятельного анализа миссионерской и академической письменных традиций, языка «Воспоминаний Уваровского», языка академического издания текстов «Образцов народной литературы якутов», первых якутских газет и журнала «Голос якута». И пришел к выводу, что первые ростки письменности на якутском языке

появились в дореволюционное время. Но эта система письма со всеми ее особенностями должна восприниматься лишь как «начальный этап зарождающегося литературного языка».

Под нормой литературного языка П.А. Слепцов понимает «языковые средства, воплощенные и воплощаемые в лучших образцах письменной литературы, публичной речи» [Слепцов, 1986, с. 9]. Поэтому в работе специально лингвистическому анализу подвергся язык художественной литературы, прежде всего, язык классиков – А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, что позволило автору сделать вывод о том, что «в их произведениях была заложена фактически основа литературного языка донационального типа» [Там же, с. 232]. П.А. Слепцов считает язык произведений этих писателей основой художественного стиля якутского литературного языка, но выступает против того, чтобы считать его сложившимся общенациональным литературным.

Вторая часть исследования охватывает период конца 30-х – начала 40-х и до 90-х гг. двадцатого столетия. Становление и развитие национальных норм литературного языка П.А. Слепцов связывает с литературным творчеством П.А. Ойунского, А.А. Иванова-Кюндэ, Эрилик Эристина. Основная концепция автора сводится к тому, что процесс зарождения, становления, формирования и развития норм якутского литературного языка обусловлен «изменяющейся социальной, культурной и языковой ситуацией в республике и в конечном итоге – всем ходом общественного развития носителей языка» [Слепцов, 1990, с. 236]. Этой работой по сути была заложена теоретическая основа кодификации орфографических, лексических, грамматических, словоупотребительных норм.

П.А. Слепцов твердо убежден в том, что «все сколько-нибудь серьезные исследования по якутскому языку имеют свои нормативные и нормализационные аспекты» [Там же, с. 86]. Поэтому в данном исследовании имеющиеся грамматики якутского языка подвергнуты анализу в качестве работ, в которых освещены «все основные, насущные вопросы развития и нормализации литературного языка» [Там же, с. 83]. Как «первая и наиболее значимая работа, направленная на грамматическую нормализацию якутского литературного языка» [Там же, с.

82] здесь проанализирован труд Л.Н. Харитонова «Современный якутский язык. Фонетика и морфология», изданный в качестве вузовского учебного пособия в 1947 г. Отмечается, что в нем нашли принципиально новое осмысление многие вопросы в означенных разделах грамматики, а также разработана дальнейшая программа научного регулирования норм языка.

В свою очередь, как «первая академическая нормативная грамматика, обобщающая и систематизирующая все достижения грамматической мысли по фонетике и морфологии», была оценена Петром Алексеевичем «Грамматика современного якутского литературного языка», изданная в 1982 г. в Москве [Там же, с. 86]. Правда, как академическая, она «не имеет жесткой селективной нормализационной ориентации» и носит «регистрирующе-нормативный характер» [Там же].

Не останавливаясь подробно, отметим, что в качестве представляющих огромный интерес в аспекте нормы и нормализации литературного языка П.А. Слепцовым, с присущим ему педантизмом, подробно рассмотрены работы Е.И. Убрятовой, Н.Д. Дьячковского, Н.Е. Петрова и Е.И. Коркиной.

Несмотря на то, что изначально П.А. Слепцов состоялся как ученый-лексиколог, грамматическая школа и грамматическая среда, созданные его учителем – Лукой Никифоровичем Харитоновым, в которой он вращался, сформировали благодатную почву для проявления исследовательского таланта ученого в другом разделе языкознания – как грамматиста. Он принял участие в создании академической грамматики современного якутского литературного языка, изданной в 1982 г. В разработке общей теоретической концепции грамматики, ставшей заметной вехой в развитии грамматического учения о якутском языке, приняли участие Е.И. Убрятова, Л.Н. Харитонов, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов, Н.Е. Петров. Петр Алексеевич выступил автором раздела «Виды глагола». Общая концепция в определении семантики и морфологической структуры каждого вида сохранилась, об этом говорится в примечании: «Раздел написан на основе работы Л.Н. Харитонova “Формы глагольного вида в якутском языке”». Тем не менее, Петр Алексеевич внес заметные изменения в характеристику аналитических

форм глагола, некоторым образом пересмотрел состав аналитических форм глагола с видовым значением в рамках того или иного вида. Все выявленные ранее видообразующие глаголы объединены им в четыре группы в зависимости от степени их грамматического абстрагирования. Установлено, что проявление того или иного значения является контекстуально зависимым. В отдельную группу объединены аналитические формы, имеющие сравнительно ограниченное распространение, обладающие узким специфическим значением, подверженные влиянию контекста [Грамматика..., 1982, с. 280–289]. Вышеотмеченное представляет собой существенный вклад, уточняющий и дополняющий добытые ранее Л.Н. Харитоновым знания о видах глагола. Раздел, написанный Петром Алексеевичем, примечателен еще и тем, что в нем «впервые встречается термин “дистрибутивное значение”», обозначающий один из основных оттенков многократных глаголов в якутском языке. Приводятся конкретные условия его реализации у форм с многократным аффиксом» [Самсонова, 2017, с. 40].

В академической грамматике П.А. Слепцов также принадлежит авторство разделов «Звукоподражательные слова», «Образные слова» и «Междометия», где представлена подробная семантическая и структурная классификация названных единиц языка. Петр Алексеевич высказал новую идею о возникновении образного слова, которое совмещает три смысловых аспекта: движение, звук, внешняя форма [Грамматика..., 1982, с. 376]. В разделе о междометиях он обратил внимание «на разнообразие интонации и неустойчивость звукового состава», обусловленные их яркой эмоционально-экспрессивной природой [Там же, с. 387].

Вопросам синтаксиса П.А. Слепцов специального внимания, казалось бы, не уделял, однако при анализе особенностей языка якутских писателей, прежде всего Эрилик Эристиина, выдвинул и обосновал идею о системной организации синтаксического строя якутского языка, которая перекликается с общепризнанным положением Е.И. Убрятовой о тесной связи синтаксиса современного языка с «традициями и поэтикой устного народного творчества» [Убрятова, 1976, с. 353]. Согласно мнению Петра Алексеевича, структура предложений Эрилик

Эристиина, которая, на первый взгляд, выступает как весьма сложное синтаксическое построение, на самом деле имеет «в логико-смысловом отношении ... довольно простую и четкую бинарную структуру», берущую начало в языке фольклора [Слепцов, 1990, с. 171]. Особенностью синтаксиса текста олонхо, по мнению Петра Алексеевича, является наличие в нем так называемого «общего места», которое является «общеизвестной формулой, предваряющей остальные части пространного описания» [Там же].

Исследование проблемы становления и развития якутского литературного языка, подразумевающее его нормализацию, было продолжено и в лексикографических работах. Следует сказать, что лексикология и лексикография под руководством П.А. Слепцова утвердилась как самостоятельная научная школа с серьезными, признанными всеми результатами. Под его редакцией в 1972 г. в издательстве «Советская энциклопедия» в Москве вышел «Якутско-русский словарь», содержащий 25300 слов. Здесь был собран и показан лексический состав якутского языка с переводом его на русский язык.

Развитие якутской лексикографии, возглавляемой в настоящее время П.А. Слепцовым, закономерно привело к разработке проекта по созданию академического большого толкового словаря якутского языка. Работа началась в 1972 г. по личной инициативе и по настоянию Петра Алексеевича. При этом он придерживается оригинальной, до сих пор не освоенной на практике тюркской лексикографией идеи создать «национальный словарь нормативно-регистрирующего типа» [Слепцов, 2008, с. 533]. По его мнению, «непреходящее значение словаря подобного типа заключается в стремлении зарегистрировать и показать многовековое богатство якутского народа, как можно полнее охватить и представить лексику якутского языка» [Там же]. Первый том словаря увидел свет в 2004 г. и получил большой общественный резонанс и заслуженную оценку. В настоящее время составление и подготовка к печати 15-томного толкового словаря якутского языка, уникального по типу и принципам построения, завершается.

Все исследования Петра Алексеевича по проблемам развития литературного языка затрагивали такой важный его аспект, как установле-

ние и кодификация орфографических норм. В этом плане он является последовательным сторонником функционального подхода к правописанию, принятого в «Правилах якутской орфографии» 1962 г., разработанных Л.Н. Харитоновым. Принципиальное мнение П.А. Слепцова-нормализатора сводится к тому, что «никакие, самые совершенные и детальные орфографические правила не могут регламентировать правописание каждого отдельного слова. Правила должны давать надежный ориентир, общие принципы письма, основанные на глубоком изучении и учете узальных факторов и тенденций развития литературного языка» [Слепцов, 1975, с.141].

Много лет вынашиваемая идея о научно обоснованной кодификации норм литературного языка воплотилась в утверждении Правил якутской орфографии и в создании орфографического словаря якутского языка. Составители под руководством П.А. Слепцова постарались охватить весь лексический состав якутского языка, отраженный в картотеке толкового словаря, – он содержит более 40 тысяч слов с орфограммами. Словарь был выпущен и активно использовался с 2002 г. В дальнейшем, принимая во внимание роль кодификации орфографических норм в постоянном процессе нормализации литературного языка и учитывая современные принципы языковой политики и отношение носителей к родному языку, Правила якутской орфографии были переработаны и на их основе в 2015 г. был издан словарь, содержащий перечень слов в их нормативном написании.

К проблеме изучения фольклора в аспекте лингвофольклористики Петр Алексеевич имеет отношение как основоположник, создавший теоретическую основу и подготовивший целую плеяду молодых якутских ученых-исследователей. Это принципиальные исследования, в которых ставятся задачи изучения языка якутского фольклора, общие проблемы якутской фольклористики, а также проблема фольклорности и фольклоризма. Много устных выступлений и статей посвящено языку олонхо. В них дается не только характеристика языка эпического произведения, но и формируются задачи его дальнейшего изучения. В исследованиях в этом направлении П.А. Слепцов высказал важную в теоретическом отношении

мысль о том, что «язык фольклора как прямое продолжение и воплощение истока литературного языка исчерпывает себя, становится источником дальнейшего обогащения, развития, стилистической дифференциации литературного языка» [Слепцов, 2008, с. 233].

Приверженность принципу историзма языковых явлений, в русле которого была написана первая монография Петра Алексеевича, послужила ключом к созданию серии работ по истории якутского языка. Этому способствовало также чтение лекций в качестве профессора кафедры якутского языка Якутского государственного университета на протяжении нескольких лет по разработанной им авторской программе «История якутского языка». Специальные занятия этим вопросом вылились в издание учебного пособия в двух частях. Первая часть пособия была издана в 1983 г., в ней установлены источники и принципы исторического языкознания, излагаются история изучения якутского языка и история развития якутского вокализма и консонантизма. Вторая часть пособия, которая по примененной здесь методике научного исследования и изложения материала заслуженно названа нормативным учебником, вышла в 2007 г. Кроме периодизации истории изучения якутского языка, здесь изложена история становления лексического запаса, фонетической системы, морфологии и синтаксиса. В заключении Петр Алексеевич изложил предварительную периодизацию истории якутского языка, основанную на последних достижениях гуманитарных наук и тюркской компаративистики. Наиболее важный для методологии научных исследований по истории языка вывод – это вывод о зарождении тюркских языков на основе и в рамках единого праязыка. Здесь впервые в систематизированном виде приводятся факторы для периодизации развития якутского языка. Это позволяет считать П.А. Слепцова ярким последователем традиций классиков тюркологии, который углубил и поднял на новый научно-теоретический уровень историю якутского языка, его историографию.

Исследование проблем развития якутского литературного языка закономерно привело П.А. Слепцова к еще одному самостоятельному научному направлению, которое он заложил в якутском языкознании, – это социолингвистика

и социология языка. Еще в первой монографии о русских лексических заимствованиях он обосновал необходимость изучения языка в тесной связи с общественными процессами. На этом основании главной задачей языковой политики в республике он считает «создание оптимальных условий для развития и взаимодействия государственных и официальных языков РС (Я), законодательной защиты и гарантий социальных, экономических и юридических прав личности в использовании языков» [Там же, с. 377]. Петр Алексеевич выступает за то, чтобы языковая политика базировалась на научных основах социолингвистики. Убежден, что «созидательная языковая политика должна иметь научную базу». А для того, чтобы «вести научно обоснованное языковое строительство..., прежде всего необходимо развернуть в республике широкие социолингвистические исследования» [Там же, с. 392]. Сегодня мы видим, что направление социолингвистических исследований, созданное Петром Алексеевичем, и подготовленные им специалисты обеспечивают поступательное развитие языковой политики и языкового строительства в Республике Саха.

Восхищает уникальное умение Петра Алексеевича мастерски выбирать из весьма разнообразного и сложного спектра лингвистических задач якутского языкознания магистральную и предлагать оригинальное ее решение, которое четко отвечает системным особенностям и перспективам оптимального развития якутского языка. В этой связи хотелось бы отдельно отметить одно из последних изданий под названием «Ступени и проблемы якутского языкознания», представляющее собой сборник избранных статей Петра Алексеевича разных лет по всем означенным им направлениям якутского языкознания. Этот сборник примечателен тем, что в нем весьма тщательно, очень взвешенно сформулированы актуальные задачи, стоящие сегодня перед якутским языкознанием. Поэтому есть все основания считать, что это издание – комплексная программа для настоящих и будущих исследований якутского языка в самых разных аспектах.

П.А. Слепцов известен как неутомимый исследователь, утвердивший и давший мощный импульс основным направлениям современного якутского языкознания: лексикологии, лексико-

графии, истории изучения якутского языка, и внесший весомый вклад в изучение грамматики, в теорию русско-якутского и якутско-русского перевода. Если признавать наличие таких направлений в якутской филологии, как лингво-фольклористика и социолингвистика, то следует рассматривать Петра Алексеевича как их основоположника.

Вся многогранная научная деятельность Петра Алексеевича, признанного лидера современного якутского языкознания, – это, повторяя слова незабвенного Сергея Николаевича Иванова, сказанные об академике А.Н. Кононове, в той же мере относящиеся к нашему юбиляру, – «высокая школа любви к науке, заинтересованности во всех ее проявлениях, трудолюбия и преданности науке» [Иванов, 1986, с. 5]. Мы убеждаемся, что процесс научного познания для Петра Алексеевича – непрерывный процесс, продолжающийся до настоящего времени, вызывающий постоянное восхищение и преклонение коллег и учеников. Отрадно думать, что во многом благодаря великолепно выполненным исследованиям Петра Алексеевича Слепцова якутское языкознание имеет крепкие традиции и хорошие перспективы развития.

Литература

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука,

1982. – 496 с.

Иванов С.Н. Путь ученого // *Turcologica*. 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1986. – С. 3–6.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

Самсонова Е.М. Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности // *Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база*. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – С. 38–54.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск, 1964. – 195 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука 1986. – 263 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 273 с.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.

Слепцов П.А. Саха тылын историята. – Дьокуускай, 1983. – 115 с.

Слепцов П.А. Саха тылын историята. – Дьокуускай, 2007. – 288 с.

Убратова Е.И. Исследование по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. – Кн. 2. – Новосибирск: Наука, 1976. – 377 с.

N.I. Danilova, N.I. Popova

High School of Love for Science

The article is an attempt to highlight the most important aspects of the multifaceted scientific activity of Peter Alekseevich Sleptsov, Doctor of Philology, Professor – the founder of the well-known outside the Republic school of Yakut lexicographers, the author of the idea of creating and the editor of the multi-volume Great Academic Dictionary of the Yakut language.

P.A. Sleptsov is the author-developer of the theory of development of literary languages of young written people-fundamental for the Russian science in this field. The way of formation of the scientific worldview of the scientist is analyzed here in close connection with the development of the most important sections of the Yakut literary language – vocabulary, grammar, style, as well as with the process of its normalization from the point of view of the novelty of the author's vision of the studied problems. In the article, P.A. Sleptsov presents not only as a lexicologist, lexicographer and grammarian, but also as the founder of new linguistic directions, actively developing today in the Yakut linguistics, namely sociolinguistics and lingua-folklore studies.

Keywords: Yakut language, literary language, norm, grammar, vocabulary, lexicography, borrowings, codification, spelling.

Н.М. Васильева, Н.И. Иванова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.013

УДК 001-057.4(571.56)

С верою в родной язык

Статья раскрывает основные вехи научной деятельности доктора филологических наук, профессора, академика АН РС (Я) П.А. Слепцова в области социолингвистики, орфографии якутского языка, как зачинателя данных направлений в якутском языкознании, кропотливо и скрупулёзно исследовавшего историю становления и развития якутского литературного языка. Периодизация истории развития языковой политики и языковой ситуации в республике в XX в. и ее научное осмысление стали фундаментом для дальнейших социолингвистических разработок, анализирующих закономерности современных векторов активного софункционирования компонентов исторически сложившегося двуязычия в регионе. Важное место в статье занимают анализ его взглядов на историю развития языковой жизни и проблемы функционирования якутского языка, в т.ч. в сфере образования; вопросы прикладного характера, прежде всего, разработка и составление орфографического словаря. Научная концепция, систематика понятий, предложенные П.А. Слепцовым, оказывают значительное влияние на дальнейшее развитие и совершенствование исследований в данных областях якутского языкознания.

Ключевые слова: якутский литературный язык, социолингвистика, языковая политика, языковая ситуация, орфография, письменность.

Основоположителем теоретических разработок якутской социолингвистики П.А. Слепцовым широко рассматривались лингвистические аспекты языковых контактов: проблематика становления якутского литературного языка, теоретические основы социолингвистического изучения якутско-русского двуязычия, вопросы развития и соотношения общественных функций якутского и русского языков, а также влияние процесса общественных функций языка на его внутривидовое развитие. В разное время им поднимались актуальные проблемы законодательной защиты языков коренных народов республики.

Вопросы законодательной защиты якутского языка, стратегии развития его социальных функций представлены в трудах П.А. Слепцова [Слепцов, 2003б; 2006; 2007; 2008].

В рамках данной статьи попытаемся осветить периодизацию П.А. Слепцовым истории развития языковой политики и языковой ситуации в республике в XX в., которая не теряет актуальности в последующих исследованиях, в контексте современного осмысления языковой ситуации другими российскими и якутскими исследователями.

В истории развития языковой политики и языкового строительства в Якутской АССР – Республике Саха (Якутия) П.А. Слепцов [Слепцов, 2003б] несколько условно, как он сам отмечает, выделяет четыре периода: 1-й – с Февральской революции до второй половины 1930-х гг.; 2-й – со второй половины 1930-х до начала 1960-х гг.; 3-й – с начала 1960-х до конца 1980-х гг.; 4-й – с конца 1980-х гг. по настоящее время. «Первый период протекал в сложнейших условиях затянувшейся Гражданской войны, полной разрухи, невероятной отдаленности от культурных центров, бездорожья и разбросанности населения на огромной территории» [Там же, с. 52]. В этот период якутская интеллигенция, сформировавшаяся в начале XX в. и под влиянием революции 1905–1907 гг. активно включившаяся в общественно-политическую и культурную жизнь края, определила для себя основной задачей просвещение якутского народа, открытие школ на родном языке. «Это стремление якутского общества к образованию и усилению национального самосознания среди интеллигенции наиболее полно и ярко выразил С.А. Новгородов, будущий создатель якутской массовой гражданской письменности» [Там же, с. 53]. В 1913 г.

С.А. Новгородов, ученик проф. Е.Д. Поливанова, выдвигает смелое для того времени требование о создании якутской национальной школы с обучением детей на их родном языке, о субсидировании издания учебников на якутском языке. 4 сентября 1917 г. в г. Якутске тиражом в 4 тыс. экземпляров был издан букварь С.А. Новгородова «Сахалы сурук-бичик (Якутский букварь)», разработанный на основе нового якутского алфавита и положивший начало преподаванию языка саха в системе образования (школах, училищах, семинариях) республики.

Первый период автор связывает прежде всего с политикой коренизации и якутизации. В широком смысле под коренизацией понимался весь комплекс специальных государственных мероприятий, включающих введение языка местного населения в делопроизводство; подготовку кадров для работы в государственном аппарате; вовлечение его в деятельность трудящихся масс различных национальностей; обучение работников аппарата государственных учреждений и предприятий разговорной речи и письменности коренного населения; популяризацию законов и декретов советской власти путем их перевода на местные языки и издания на них. В узком смысле якутизация – это внедрение якутского языка в делопроизводство, в государственный аппарат всех уровней, а коренизация – внедрение языков местного населения в школьное образование как языков обучения по всем предметам и в специальных учебных заведениях как предмета преподавания. Проблеме коренизации в подобном понимании с самого начала образования автономной государственности и создания первых местных органов советской власти стали придавать первостепенное государственное значение как условию возрождения якутской нации и укрепления завоеваний советской власти. Автор, ссылаясь на первоисточники, отмечает, что к началу 1930-х гг. во всех наслегах, волостях и улусах советы вели делопроизводство на якутском языке и во многих республиканских органах было введено делопроизводство на двух языках [Гуляев, 1930; Федоров, 1968]; была ликвидирована неграмотность десятков тысяч взрослых саха [Пермяков, 1975].

С конца 1920-х гг. стали разрабатываться принципы орфографии и терминологии. После

перевода якутской письменности на унифицированный латинский алфавит работа эта приобрела широкий размах. Началось составление терминологических словарей, были разработаны первые правила орфографии. Данные мероприятия языкового строительства проходили в рамках деятельности ВЦНК (Всесоюзного центрального комитета новотюркского алфавита). «При поддержке и с благословения наркомпроса РСФСР был завершён переход к коренизации семилетней якутской школы в 1933/34 уч.г.» [Афанасьев, 1966].

Когда в наше время на форумах, конференциях озвучивают нескончаемые проблемы с учебниками, терминами, П.А. Слепцов часто апеллирует к тем непростым, в смысле материальной обеспеченности, временам, когда учебники по всем предметам были переведены на якутский язык, были созданы оригинальные пособия по якутскому языку и литературе, также отмечалось расширение издания периодической печати и разнообразной оригинальной и переводной литературы. Однако наряду с несомненными успехами в языковом и культурном строительстве даже с первой половины 1930-х гг. стали заметны признаки новой ориентации в языковой политике, связанной с началом репрессий якутской интеллигенции и усилением борьбы с так называемым «местным буржуазным национализмом» и «правым уклоном» [Слепцов, 2003а, с. 56].

Второй период автор статьи связывает с жесточайшей репрессией руководства республики и национальной интеллигенции по обвинению в буржуазном национализме, первые предпосылки которой стали заметны с 1928 г. на почве тенденциозных воззрений на учение марксизма. В тот же период вышло постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей с первого класса». «К этому времени общественное сознание созрело для понимания реальной практической выгоды знания русского языка для учащейся молодежи, и потому переход на кириллицу был встречен с большим одобрением, так как именно с этим алфавитом связывалась заманчивая перспектива скорейшего и прочного овладения русским языком» [Там же, с. 57]. Таким образом, во время Великой Отечественной войны

началась активная русификаторская политика, которую автор статьи обосновывает, прежде всего, массовым приездом в республику, особенно в северные районы, русскоязычных учителей. П.А. Слепцов указывает, что именно в этот период ввиду социальной востребованности русского языка, как языка образования, языка социальной мобильности, начинает распространяться среди саха нигилистический настрой по отношению к родному языку и культуре, отголоски которого существуют в сообществе саха и по сей день. «Русский алфавит, русское начертание основ заимствованных слов, снижение качества переводов стали причиной все большей засорённости якутского литературного языка. В этих условиях престиж и привлекательность “великого и могучего” возрастал в ещё большей степени и усиливал тягу родителей и самого молодого поколения к русским школам и классам» [Там же, с. 58]. Смена идеологии государства, а следовательно, языковой политики, направленной на русификацию народов СССР, позитивному восприятию которой, видимо, способствовала и ситуация Второй мировой войны, сплотившая и объединившая все народы в патриотическом порыве, отразилась на языке малочисленного народа саха дистанционностью от родного языка и культуры. Также за два описанных периода три раза сменился алфавит, что было продиктовано не культурно-историческими или лингвистическими факторами, а сменой политических ориентиров [Там же].

В стране начался период откровенно деструктивной языковой политики – с середины 1930-х гг. новые латинские алфавиты стали заменяться кириллическими, переход в основном завершился к 1941 г. Принятое в 1938 г. Постановление ЦК партии и Совета народных комиссаров «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» было направлено на всеобщее овладение русским языком, вслед за ним в 1939 г. было принято особое постановление об обязательном обучении в армии этому языку солдат нерусских национальностей. Данная мера стала подготовкой к мобилизации в преддверии войны с фашизмом. «Однако после принятия постановления в 1938 г. было закрыто значительное количество школ с обучением на малых языках, а при переводе языков на кириллицу не менее 12

народов потеряли введенную перед этим письменность на своем языке» [Алпатов, 2014, с.18].

В.М. Алпатов отмечает: «Основы национально-языковой политики в СССР с тех пор не менялись до 1980-х гг. Сохранялись прежние лозунги, в некоторых сферах (литература, издание книг и газет) развитие языков меньшинств имело государственную поддержку. Однако ведущим процессом было распространение русского языка в национальных республиках СССР и других национальных образованиях. Количество русских школ росло за счет обучения на других языках. Особенно быстро этот процесс шел в годы, когда СССР руководил Н.С. Хрущев, полагавший, что по мере перехода к коммунизму должны стираться различия между людьми, включая языковые. При этом формально русский язык в рамках всей страны не именовался государственным: помнили высказанную в иных исторических условиях точку зрения В.И. Ленина.

Однако нельзя считать, как это сейчас иногда происходит, что всё нерусское население страны не принимало такую политику и сопротивлялось ей. Знание русского языка, безусловно, было в жизни нужным и полезным. Показательно, что когда в 1958 г. в СССР родители получили право выбирать школу для своих детей, то сразу заметно увеличилось число учащихся в русских школах за счет национальных. Однако национально ориентированные интеллигенты могли быть недовольны форсированным распространением русского языка; где-то, особенно в Прибалтике и Западной Украине, это недовольство имело широкую базу. Противоречия между двумя потребностями загонялись вглубь, что содержало потенциальную опасность, тем более что советская языковая политика постепенно становилась менее последовательной и велась во многом по инерции. В 1980-е гг. противоречия вышли наружу» [Там же, с. 18–19].

Далее он пишет, что «в годы “перестройки” одной из целей национальных движений было вытеснение русского языка из обихода и замена его в тех или иных функциях иными языками. Эти движения существовали и в РСФСР, и в других союзных республиках. Меры, предпринимавшиеся властью, имели оборонительный характер. Одной из таких мер было объявление русского языка в 1990 г. государственным, эта запоздалая мера уже не могла дать результата» [Там же, с. 19].

В годы советской власти произошли мощные социокультурные процессы, сократившие для автономных и союзных республик разрыв в социальном развитии, способствовавшие росту образовательного и культурного потенциала, формированию общих культурных ценностей, приобретению интернационального опыта народами. Однако на другой чаше весов оказались этническая идентичность, родные языки, самобытность, то, что отличает народы друг от друга, и они оказались попранными идеологическим диктатом, целью которого была унификация, формирование единого «советского народа». Установка Сталина: «...никакого обязательного “государственного” языка ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков, как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [Сталин, 1951, с. 69], перестала соответствовать действительности. Количество национальных школ, часов преподавания на родных языках сокращалось, судопроизводство велось на русском языке. В Якутии, например, с 1963/64 учебного года по приказу Министерства просвещения ЯАССР был осуществлен перевод преподавания ряда предметов, начиная с 6-го класса, на русский язык. Этот документ положил начало динамичному внедрению в республике русского языка в сферу обучения, широкому распространению классов и школ с русским языком обучения. На основе решения директивных органов до 1990 г. обучение в старших классах средних школ на родном языке не разрешалось. Казалось бы, это должно было способствовать усвоению языка общесоюзного масштаба, но даже в период наибольшего внедрения русского языка в образование – в 1980-е гг., при 6–7-часовой недельной нагрузке с 1-го по 10-й классы, качество знания русского языка сельских школьников не изменилось [Аргунова, 1992]. «В то же время, по многочисленным свидетельствам очевидцев того времени, на родном языке запрещалось говорить в общественных местах, и тем, кто плохо владел русским языком, это доставляло массу неприятных моментов и трудностей» [Яковлева, 2010].

О ситуации в 1990-е гг. В.М. Алпатов пишет следующее: «В начале 90-х гг. национально ориентированные интеллигенты, например в Калмыкии, могли мечтать о ситуации, при которой они будут говорить только по-калмыцки между собой и по-английски при сношениях с внешним миром, не используя русский язык или оставляя за ним роль третьего языка. Но уже к середине 90-х гг. возобновился процесс наступления русского языка на малые языки. Правда, по сравнению с советским временем несколько возросло образование на языках меньшинств. Однако если в советское время использование этих языков поддерживалось (нередко искусственно) государством, то сейчас вступили в силу законы рынка, которые вообще, как правило, способствуют удовлетворению потребности взаимопонимания, уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков. Сейчас много говорят о процессах глобализации, несомненно, усиливающих потребность взаимопонимания. В целом многое, что ранее характеризовало языковую ситуацию и языковую политику внутри государств, переносится в связи с глобализацией на международный уровень. Растет значение мировых языков, особенно английского. Однако глобализация (по крайней мере, в том виде, в каком она существует сейчас) плохо удовлетворяет потребность идентичности для большинства людей (исключая, разумеется, тех, для кого английский язык материнский). Это может приводить к конфликтам и вообще ставить под сомнение эффективность глобализационных процессов. Но пока от прогнозов в этой области лучше воздержаться» [Алпатов, 2013, с. 21].

Пределы третьего периода П.А. Слепцов разграничивает с сентября 1963 г. по (приблизительно) 1988 г., характеризующийся усугублением интенсивного сужения «сферы употребления якутского языка как языка обучения и воспитания подрастающего поколения. И этот процесс приобрёл особо интенсивный характер в застойные годы» [Слепцов, 2003б, с. 59].

Предшествовало этому процессу, кроме постановления ЦК ВКП (б) и СНК от 13.03.1938 г. об «Обязательном изучении русского языка в национальных республиках и областях», и принятие в 1958 г. Закона об «Укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования», который, по мне-

нию В.М. Алпатова, предоставил родителям право выбора школы для своих детей, включая право выбора между национальной и русской школой [Алпатов, 2000]. «Поскольку в национальных школах не было обеспечено хорошее преподавание родного языка, родители посылали детей в русские школы, создавая им базу для социального роста», – комментирует Т.Б. Крючкова [Крючкова, 2005, с. 21].

«На самом деле языковой нигилизм возник достаточно давно. И в основе его лежали не столько злонамеренные действия политиков, сколько именно гораздо более высокий престиж русского языка по сравнению с другими языками страны в сознании ее населения. Причем такая оценка русского языка формировалась в первую очередь не под влиянием речей и статей о том, что русский язык – язык международного общения, один из самых развитых языков мира, язык одной из величайших мировых культур (что, впрочем, соответствует действительности), а под давлением совершенно прагматических соображений. Русский язык давал возможность получить хорошее образование по любой специальности, что открывало перспективы дальнейшего социального роста; зная русский язык, можно было жить и работать в любом регионе страны, общаться с представителями разных народов и т.д.» [Там же, с. 28]. С данной позицией можно было бы согласиться, если бы не массовые репрессии и преследование представителей национальной интеллигенции в 1930-е гг., повлекшие невосполнимую утрату для якутского народа, а также продолжающаяся эскалация русского языка по всем каналам поступления информации: образование, СМИ, новые электронные устройства – действительно, законы рынка поставили в неравное положение мажоритарные и миноритарные языки. Т.И. Петрова о ситуации в сфере образования и о её влиянии на состояние якутского литературного языка пишет так: «С 1963 года в якутских школах республики в 6–7 классах было введено преподавание математики, физики, химии на русском языке “для повышения уровня владения русским языком”. И с тех пор под тем или иным предлогом из года в год усиливается тенденция перехода якутских школ на русский язык обучения: это так называемые “экспериментальные классы” с русским языком обучения; с 90-х гг.

классы “с повышенным уровнем трудности” – гимназии, лицеи; в последние годы – начальные классы, занимающиеся по методике “развивающего обучения”; в настоящее время по желанию родителей “для успешной сдачи ЕГЭ”. В качестве сильнейшего стимула для этого выступает цель – получение высшего образования. В таких условиях в последнее время мы становимся свидетелями активно развивающихся процессов, которые оказывают негативное, чтобы не сказать деструктивное, влияние на состояние якутского национального литературного языка» [Петрова, 2005, с. 122].

В сентябре 1963 г. бюро Якутского обкома КПСС обсудило вопрос «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в якутской школе». Ссылаясь на желание родителей, предложения многих учителей, а также на опыт школ других автономных республик Российской Федерации, П.А. Слепцов о негативном явлении в языковой ситуации в республике пишет следующее: «В эти годы получает распространение ставшее господствующим ложное, превратное представление о том, что родные языки якобы препятствуют овладению русским языком, который один является жизненно необходимым для дальнейшего развития личности. В лучшем случае считалось, что изучение родных языков – не проблема и нет необходимости тратить на них время и силы, следует форсировать лишь изучение русского языка. Таким образом, объективно возникший приоритет русского языка во всех общественных сферах жизни при подобном превратном понимании роли и места двуязычия привел не только к формированному сужению среды и сфер применения родных языков, но и к резкому падению их престижа среди носителей, особенно среди родителей и молодого поколения, с вытекающими отсюда негативными последствиями <...>» [Слепцов, 2003б, с. 60]. Таким образом, данный период вследствие падения престижа родного языка, отсутствия социального заказа на него характеризуется тотальным сворачиванием всякого языкового строительства, утратой позиций, завоеванных в 1930-е гг.

Далее П.А. Слепцов констатирует сокращение функций национального языка во всех сферах в общей сложности примерно в два раза; 26,2% детей республики не изучали родной

язык в школе, 30% детей дошкольного возраста воспитывались на русском языке; отмечалась крайне низкая культура якутской и русской речи населения, особенно молодого поколения; не развивались стилистическая, лексическая системы, терминология. «В результате подобной пагубной политики и других причин (к последним относятся, напр., нехватка кадров, школ, учебных пособий) к сер. 80-х гг. сфера применения и престиж якутского языка упали настолько, что он оказался в предкризисном состоянии» [Там же, с. 61]. Масштабы дистанцированности саха и в целом коренного населения республики того периода от этнокультурных ценностей описаны в работах Т.В. Аргуновой «Языковое взаимодействие в формировании современной языковой ситуации» [Аргунова, 1995, с. 21–27], И.Е. Спиридоновой «Современные этнокультурные процессы в Якутии (по материалам республиканского социологического исследования)» [Спиридонова, 1995, с. 28–35].

В 1970-е гг. в среде передовой якутской интеллигенции назревают протестные настроения против пассивно-декларативной политики государства, приведшей к свертыванию общественных функций языка, особенно в сфере образования. В обществе постепенно зарождается четко направленная ориентация на изменение существующей ситуации, отстаивание этнокультурных ценностей.

Четвертый период связан с развертыванием конструктивной языковой политики в республике, начавшимися в 1988–1990-е гг. дискуссиями о государственном статусе языка саха, концепции национальной школы, основах, содержании закона о языках и основных направлениях государственной программы по возрождению, сохранению и развитию языков коренных народов Якутии. Были разработаны важнейшие нормативно-правовые, юридические основы новой языковой политики: 27 сентября 1990 г. принята Декларация о государственном суверенитете республики, в которой был провозглашён государственный статус якутского и русского языков и официальный статус языков коренных малочисленных народов Севера. В мае 1991 г. Правительством Республики Саха (Якутия) были приняты Концепция и Программа обновления и развития национальных школ. 4 апреля 1992 г. в Конституции Республики Саха (Якутия)

были закреплены государственный статус русского и якутского и официальный – языков коренных малочисленных народов Севера. В октябре 1992 г. принят Закон «О языках народов Республики Саха (Якутия)». С принятием данных основополагающих документов в республике развернулась массовая деятельность по возрождению языков коренных народов республики, в первую очередь в сфере образования, в сфере массовой информации, периодической печати. «Расширение общественных, культурных функций родных языков, и прежде всего, языка саха, потребовало интенсификации работы в области терминологии, создания нового поколения оригинальных и переводных учебников <...> в эти годы ведётся интенсивная работа по нормализации литературного языка, разработке его функциональных стилей, по культуре литературной речи и особенно – по обработке его терминологической системы» [Слепцов, 2003б, с. 64–65].

П.А. Слепцов, акцентируя внимание на наличии объективных и субъективных факторов по дальнейшему развитию языкового строительства и языковой политики в республике, отмечает: «<...> Закон о языках должен восприниматься, прежде всего, как имеющий двуединое целевое назначение, рассчитанное на долговременную перспективу: во-первых, как государственная поддержка, реальный стимул и опора для сохранения, возрождения и развития языков как самобытных идиом на основе коренных, типических свойств и закономерностей. Во-вторых, закон должен способствовать оптимизации взаимодействий языков и их носителей. Закон этот мягкий, не терпящий никаких жестких императивов, никакого нажима и диктата, никакого навязывания одного языка носителям других языков. Поэтому вся практическая созидательная работа по внедрению в жизнь Закона о языках, по языковому строительству должна вестись постепенно, шаг за шагом, продуманно. Все должно происходить как бы само собой, естественно, по мере создания или появления реальных и благоприятных условий. Попытка какого-либо искусственного и тем более силового форсирования может только повредить делу. В этом отношении закон требует дальнейшей доработки, серьёзных корректив и максимального учета изменяющейся языковой и социальной ситуации в РС (Я)» [Там же, с. 66].

Далее он подчеркивает, что «созидательная языковая политика и языковое строительство эффективно внедрялись в жизнь в относительно короткие сроки только тогда, когда эту работу возглавляла поддержанная широкой общественностью сама государственная власть в лице ее лидеров» [Там же, с. 66]. Автор, отмечая успешную языковую политику первого этапа языкового строительства (1917 – конец 1930-х гг.), которая реализовалась благодаря решительности и воле выдающегося писателя, филолога и крупного государственного деятеля П.А. Ойунского, основным субъектом языковой политики видит государственную власть, что, по мнению автора, недооценивается сегодня руководством Республики Саха (Якутия).

Важнейшую проблему языковой политики П.А. Слепцов видит в развитии двуязычной (многоязычной) ситуации в республике, экстенсивных и, главным образом, интенсивных характеристик якутского языка. Будущее языковой ситуации в республике он связывает с паритетным, т.е. двусторонним, типом двуязычия в повседневном общении народов республики, что создаст условия для гармоничного развития всех языков.

Аргументируя имеющимися ресурсами литературного якутского языка, он отмечает условия, обеспечивающие относительно паритетное якутско-русское двуязычие в том понимании, какое вкладывают в это понятие Быстрова, Шанский (1990), т.е. такое двуязычие, где оба его компонента работают достаточно эффективно во всех общественно важных сферах жизни, обеспечивая выживание и дальнейшее развитие миноритарного языка саха [Слепцов, 2008б, с. 477].

Надо сказать, что данной позиции Петр Алексеевич, как кодификатор якутского литературного языка, придерживается и по сей день, глубоко веруя в силы и мощь якутского языка*. Верит в якутский народ, верит в национальную интеллигенцию, способную творчески распорядиться наследием предков и создать все условия для его воспроизводства последующими поколениями саха.

Важной частью научной деятельности П.А. Слепцова являются разработка проектов

нормативных правовых актов по развитию якутского языка как государственного языка республики; составление концепции и программы обучения якутскому языку; изучение языка писателей. Большое внимание он уделяет разработке и становлению прикладных направлений якутского языкознания, включая вопросы официальной кодификации принципов орфографии, свода орфографических правил, дальнейшего повышения качества учебников по якутскому языку.

В научных исследованиях, посвященных проблемам и перспективным направлениям развития языкознания, он ставит актуальные задачи укрепления и совершенствования орфографических норм якутского языка, отмечает непрерывность процесса кодификации норм литературного языка, наличие потребности в унификации написания заимствованных слов, устранении вариантности и облегчении применения правил написания слов [Слепцов, 2008б, с. 198, 226–231].

Особо следует отметить, что теоретические обоснования П.А. Слепцовым процесса возникновения и развития якутского литературного языка стали научной основой разработки и принятия Закона «О языках в РС (Я)», концепции Государственной программы по возрождению, сохранению и развитию языков коренных народов РС (Я), реализации языковой политики в РС (Я).

Принятие Декларации о государственном суверенитете республики и Конституции РС (Я) с провозглашением государственного статуса якутского языка наряду с русским, Концепции обновления и развития национальных школ Якутии, объявление Дня родного языка и письменности, создание Совета по языковой политике при Президенте РС (Я) происходили при самом активном участии Петра Алексеевича. Они обеспечили нормативную базу функционального развития региональных языков, создали благоприятные условия для широкого функционального развития якутского языка, поднятия его престижа как языка воспитания и обучения, активизации научной орфографической деятельности, направленной на упорядочение якутской орфографии.

* В проведенном нами экспертном интервью о проблемах развития языковой ситуации в республике в 2016 г. на вопрос об обратимости/необратимости явления смешанной якутско-русской речи Петр Алексеевич оказался единственным экспертом, давшим ответ об обратимости данного явления.

В 1999 г. Петра Алексеевича выбирают главным редактором специальной редакционной орфографической комиссии, созданной при Институте гуманитарных исследований Академии наук РС (Я). В ходе подготовки словаря комиссия провела широкую деятельность по вопросам орфографии; инициировала широкомащтабную работу по реформе якутской орфографии, в том числе по разработке орфографических правил несколькими группами, комиссиями; провела ряд обсуждений в профессиональных и научно-педагогических сообществах. В результате комиссия приняла к печати большой «Орфографический словарь якутского языка», содержащий новую редакцию действующих правил якутской орфографии.

Под руководством П.А. Слепцова в соответствии с его научной позицией об учёте процесса переоценки ценностей и установок в области орфографии в новом проекте словаря орфографические правила основаны на коренных, узуальных признаках и закономерностях родного языка; включают «фонетизированное написание основной массы заимствованных слов взамен цитатного принципа, ориентированное на более распространённые словоформы вместо существовавшего несколько условного написания “по принципу экономии”» [Слепцов, 1996, с. 17].

В результате работы комиссии Правительством Республики Саха (Якутия) в 2001 г. утверждены новые правила якутской орфографии, на основе которых в 2002 г. был издан большой орфографический словарь якутского языка «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта», содержащий около 41500 слов и словоформ [2002]. Этот экспериментальный словарь охватил практически все слова, словоформы, имеющие те или иные орфограммы. Таким образом, был сделан решительный шаг по очистке якутского литературного языка от неоправданного, излишнего использования русизмов и вкраплений-цитатий.

После выхода нового орфографического словаря П.А. Слепцов в одной из публикаций подробно изложил новые подходы к разработке якутской орфографии; затронул проблемы фонетизации заимствованных слов, необходимость усиления единого орфографического режима и обозначил конкретные пути их решения [Слепцов, 2012]. В том числе обосновывал потребность в издании не только нового (усовер-

шенствованного) орфографического словаря якутского языка, но и школьного орфографического словаря, а также методического справочника по орфографии для учителей якутского языка. Кроме того, он отметил необходимость разработки справочника по фонетизации заимствованных слов с приложением списка фонетизированных широкоупотребительных заимствованных слов для широкой информационной и пропагандистской работы по использованию новых правил, в том числе через СМИ. Для решения поставленных задач в 2012 г. по его инициативе была создана правительственная орфографическая комиссия, в состав которой вошли не только учёные-языковеды, но и редакторы издательств, республиканских газет и журналов, преподаватели вузов, учителя.

Благодаря деятельности комиссии были выработаны общие принципы правописания заимствованных слов, пересмотрены правила пунктуации якутского языка. Был проведен тщательный отбор фактологического материала, сокращено количество изобразительных, вариантных и диалектных слов, исключены экспериментальные, пробные нововведения, обусловленные особенностями «переходного периода» (1990-х гг.). Всё это нашло отражение в новой редакции Правил орфографии и пунктуации, утверждённой Правительством РС (Я) в 2015 г., новом издании орфографического словаря, воспринятого обществом, без всякого преувеличения, как знаменательное событие в культурной жизни республики.

Наряду с лингвистическими исследованиями Петр Алексеевич увлеченно и плодотворно изучает историю якутской письменности и организационные вопросы языкового строительства в 1920–1930-х гг. XX в., проблемы якутского алфавита, системы письма как основы всей письменной культуры и литературного якутского языка, терминологии, придавая им большое культурно-национальное значение. Огромный интерес не только для профессионалов-филологов, но и широкой читательской аудитории представляют его работы, освещающие жизнь и деятельность выдающихся представителей якутского народа, сыгравших огромную роль в развитии якутского литературного языка, – А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского, С.А. Новгородова, А.А. Иванова-Кюндэ, Г.В. Баишева-Алтан

Сарына, К.Г. Осипова, Г.У. Эргиса и др. [Слепцов, 1980; 1999; 2003а; 2008; 2017]. П.А. Слепцов убедительно раскрыл их основополагающую идею о том, что язык – это основа национальной культуры, национальной самоидентификации. С изменением языковой политики и началом качественно нового этапа языкового строительства эта идея не теряет своей актуальности, более того, многие принципы и правила современной якутской орфографии унаследованы именно из исследований наших знаменитых земляков. Тем досаднее для П.А. Слепцова то, что идея ведущего деятеля языкового строительства П.А. Ойунского, касающаяся прежде всего орфографии, а именно о необходимости «укрепить основы письменного языка и тем самым сделать литературный язык стабильным, нормативным и таким образом вскрыть его внутренние возможности так, чтоб литературный язык смог успешно выполнить все наши потребности», до сих пор не полностью внедрена в теорию и практику якутского литературного языка [Слепцов, 2013, с. 10].

Также особого внимания заслуживают аналитические работы П.А. Слепцова об орфографической деятельности якутских ученых Н.Д. Дьячковского, Л.Н. Харитоновой, Н.С. Григорьевой, Н.Е. Петрова и др. Так, П.А. Слепцов считает, что проф. Л.Н. Харитонов является целенаправленным нормализатором литературного языка, не покладая рук трудившимся над прикладными вопросами якутского языка, прежде всего, орфографии и лексикографии [Слепцов, 2008б, с. 131]. Он отмечал выдающийся вклад в якутское языкознание и тюркологию проф. Н.Д. Дьячковского, его фундаментальные исследования звуковой системы якутского языка, которые также могут быть рассмотрены как научное обоснование при упорядочении орфографических и орфоэпических норм якутского литературного языка [Там же, с. 155]. П.А. Слепцов признает Н.С. Григорьевой ярким представителем плеяды якутских ученых, имеющих свое особое научное видение, талантливо совмещавшим изучение литературного языка и вопросов орфографии, высоко оценил его стремление внедрить в грамматику правила правописания 1930-х гг. XX столетия применительно к частям речи [Там же, с. 121]. П.А. Слепцов отмечает особую значимость для развития литературного языка, культуры языка всех научных трудов проф. Н.Е. Петрова,

связанных с изучением языкового материала с позиции их истории, употребления, литературных норм [Слепцов, 2010, с. 37].

Таким образом, Петр Алексеевич, благодаря своей неиссякаемой энергии, огромной лингвистической эрудиции и широкому культурно-историческому кругозору, заложил прочные основы для дальнейшего изучения социолингвистических проблем якутского языка, которые ныне привлекает к себе внимание многих языковедов. Его научные труды всегда отличаются новизной идеей, глубиной теоретических и методологических разработок, аргументированностью и обоснованностью выводов и обобщений, которые основываются на скрупулезном анализе огромного фактического материала.

Литература

Аллатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. – М., 2000. – 223 с.

Аллатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11–24.

Аллатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. – 2013. – №2. – 21 с. (<https://cyberleninka.ru/>) (дата обращения: 02.05.2018).

Аргунова Т.В. Языковое взаимодействие в формировании современной языковой ситуации // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность: сб. науч. тр. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. – С. 21–27.

Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие: социолингвистический аспект. – Якутск, 1992. – 88 с.

Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966. – 344 с.

Ахтыгылар. Олоххо үтүө өйдөбүлү хаалларбыта (В.И. Лиханов туһунан). – Дьокуускай, 2004. – 90 с.

Гуляев В. О якутизации госорганов // Кыһыл Ылык. – 1930. – № 1. – С. 57–63.

Крючкова Т.Б. Статус и функции русского языка в Российской Федерации // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров. – М., 2005. – С. 9–29.

Пермяков Д.В. Ликвидация неграмотности в Якутской АССР. – Якутск, 1975. – 80 с.

Петрова Т.И. Двуязычие и перевод (к вопросу о лингвистических основах русско-якутского перевода) // Вестник Якутского государственного университета. – Якутск, 2005. – Т. 2, № 2. – С. 118–124.

Сахалыы таба суруйуу тылдьыта. – Якутск: Саха-полиграфиздат, 2002. – 543 с.

Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии: сб. науч. тр. – Якутск, 1980. – С. 83–92.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 1990а. – 273 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык (историю, нормы словоупотребления): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990б. – 56 с.

Слепцов П.А. Саха тылын чинчийи саҥа кэрдиис кэмэ // Саха тылын наукатын туру үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 8–42.

Слепцов П.А. У истоков современного литературного языка (участие К.О. Гаврилова в языковом строительстве) // Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. – Якутск, 1999. – С. 157–161.

Слепцов П.А. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время. – М., 2003а. – С. 366–407.

Слепцов П.А. Языковая политика и языковое строительство в Якутской АССР – Республике Саха (Якутия) // Республика Саха (Якутия): от автономии к современной государственности. – Якутск: Бичик, 2003б. – С. 51–69.

Слепцов П.А. Проблемы Закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» и языковая политика // Законодательная (представительная) власть: история и современность: матер. респ. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Гос. Думы России (г. Якутск, 20 апр. 2006 г.). – Якутск, 2006. – С. 70–82.

Слепцов П.А. Саха тылын туттулуутун сокуонунан безергетер туьунан // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – С. 17–23.

Слепцов П.А. Об Указе Президента РС (Я) «О языковой политике Республики Саха (Якутия)» и его социолингвистических основах // Ступени развития якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ-ИПМНС СО РАН, 2008а. – С. 376–379.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2008б. – 544 с.

Слепцов П.А. Таба суруйуу тылдьытын туһунан // Кыым. – 2012. – Бэс ыйын 7 күнэ.

Слепцов П.А. Разработка П.А. Ойунским научно-теоретических основ якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 2 (7). – С. 5–10.

Слепцов П.А. С.А. Новгородов – создатель массовой якутской письменности, первый ученый-лингвист // Там же. – 2017. – № 1 (18). – С. 65–70.

Спиридонова И.Е. Современные этнокультурные процессы в Якутии (по материалам республиканского социологического исследования) // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность: сб. науч. тр. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. – С. 28–35.

Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 4. – 487 с.

Федоров М.М. Развитие советской государственности в Якутии (1918–1937 гг.). – Якутск: Кн. изд-во, 1968. – С. 215–241.

Яковлева Н.Н. Об этноязыковой политике в Якутии в советский и постсоветский периоды // Власть. – 2010. – № 3. – С. 34–36.

N.M. Vasilieva, N.I. Ivanova

With Faith in Native Language

The article reveals the scientific activity of Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences (Ya) P.A. Sleptsov in the field of sociolinguistics, spelling of the Yakut language as the pioneer of these directions of Yakut linguistics, painstakingly and scrupulously exploring the history of the formation and development of the Yakut literary language. An important place in the article is the analysis of his views on the social orientation and wide functioning of the Yakut language, applied questions, above all, on the development of spelling and vocabulary work of the Yakut language.

Keywords: Yakut literary language, sociolinguistics, spelling, lexicography.

А.Г. Нелунов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.014

УДК 811.212.157'373-057.4

Создатель якутской лексикографической школы

П.А. Слепцов, как крупный ученый широкого профиля, внёс существенный вклад почти во все разделы якутского языкознания: лексикологию, лексикографию, языковую норму, грамматику, историю языка, социолингвистику, лингвофольклористику. В данной статье освещаются научные результаты П.А. Слепцова по теории якутской лексикографии, а также личный вклад его в практическую лексикографию, особенно в составление якутско-русского и большого толкового словаря якутского языка. Подчеркивается его роль в воспитании лексикографических кадров, возникновении якутской лексикографической школы.

Под руководством П.А. Слепцова впервые создана академическая картотека, состоящая из трех миллионов карточек-цитат, которая является абсолютно надежным фундаментальным материалом не только для Большого академического толкового словаря якутского языка, но и для других филологических работ. Его статьи, посвященные различным вопросам составления Толкового словаря, стали основой теории лексикографии якутского языка.

Ключевые слова: теория якутской лексикографии, академическая картотека, якутская лексикографическая школа, первый нормативный словарь, большой академический толковый словарь якутского языка.

Как лексикограф Петр Алексеевич стал широко известен после выхода в свет **«Якутско-русского словаря»** в Москве, в издательстве «Советская энциклопедия» в 1972 г. Это был словарь среднего объема (25300 слов) и наряду с «Русско-якутским словарем» под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитоновой (1968 г.) явился первым национально-русским словарем в якутском языке, где последовательно придерживался принцип нормативности.

Тогда еще не было такой картотечной базы, как сейчас. Составление словника основывалось главным образом на базе «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского. Но поскольку новый словарь должен был быть словарем якутского литературного языка, предстояло очень много работы по составлению словника. Как известно, словарь Э.К. Пекарского отражал дореволюционное состояние якутского языка. Поэтому в нём не было слов, заимствованных из русского языка с середины 20-х до конца 60-х гг. XX в. Отсутствовало и много оригинальных терминов и слов, созданных из ресурсов самого якутского языка в данный период. Вообще после издания Словаря Э.К. Пекарского до начала работ над «Якутско-русским словарем» (до 60-х гг. XX в.) произошли очень сильные изменения во всей лексико-семантической системе языка

сахы. Выпало из активного фонда большое количество слов, обозначающих предметы и понятия, связанные с дореволюционным бытом, зато появились новые слова и сочетания слов на базе своего родного языка, а также заимствованные через русский язык международные (интернациональные) термины. Э.К. Пекарский стремился зафиксировать все услышанные слова в их различных фонетических, морфологических и лексических вариантах. В его Словарь включены и диалектные слова узкого распространения, и редчайшие слова с не очень четкими значениями, правда, с вопросительным знаком в скобках. Всё это надо было учитывать составителям и редактору «Якутско-русского словаря» 1972 г. Они в процессе работы встретили большие проблемы не только при составлении словника нормативного словаря, но и объективные трудности в связи с молодостью якутского литературного языка, в котором ещё не установились твёрдые грамматические, стилистические и орфографические нормы. Авторы и редактор в основном справились с данной непростой задачей. Хотя, как первый нормативный якутско-русский словарь, данный труд, естественно, не лишен некоторых недостатков с точки зрения принципа нормативности, о чем в свое время писал один из крупных якутских словаристов

П.С. Афанасьев [1976, с. 30–31; 1996, с. 142–143]. Но в целом Словарь получился удачным; составлен на высоком лексикографическом уровне. Особенно отличалась переводческая часть своей лаконичностью, ясным литературным языком, точностью раскрытия значения якутских слов.

Этому способствовало и то немаловажное обстоятельство, что руководителем коллектива составителей был назначен П.А. Слепцов, как занимающийся теорией литературного языка, потому хорошо знающий научно-теоретические основы нормативности, и как исследователь, постоянно нацеленный на языковую практику, всегда стремившийся использовать свои теоретические воззрения в повседневной жизни.

Совершенно прав был д.ф.н., профессор, действительный член Чувашской национальной академии Н.П. Петров, когда писал, что «П.А. Слепцов счастливо сочетает в одном лице как теоретика литературного языка, впервые разработавшего научно-теоретические основы его нормативности, пути и методы его дальнейшей нормализации, так и признанного нормализатора и кодификатора норм якутского литературного языка, о чем и свидетельствует и первый нормативный академический словарь, созданный под его руководством и редакцией» [Петров, 1996, с. 111–112].

Поэтому Словарь сразу же стал пользоваться большим спросом. Он служил не только справочным пособием, но и образцом употребления якутского литературного языка того времени. «Якутско-русский словарь» 1972 г. поистине стал настольной книгой учителей, студентов, работников редакций, научных сотрудников.

В свое время словарь совершенно заслуженно отмечен премией Сибирского отделения АН СССР как одна из его лучших работ.

В целом составительская и редакторская работа над «Якутско-русским словарем», организаторская деятельность в специфической лексикографической работе, руководство небольшим коллективом составителей дали Петру Алексеичу бесценный опыт в области словарной работы и уверенность в своих силах, в еще более дерзновенных помыслах.

Краткий толковый словарь якутского языка (Якутск, 1994). Идея и инициатива создания данного словаря принадлежала известному

лексикографу П.С. Афанасьеву. К этому времени была заложена основа академической картотеки, состоящая из более одного миллиона карточек-цитат, достаточная для начала работ по созданию любого типа словарей. И Петр Саввич выступил с идеей составления небольшого, компактного, жестко-нормативного Толкового словаря якутского языка, предназначенного для широкого круга читателей. Эту идею горячо поддержал Петр Алексеич Слепцов, и, как заведующий сектором, он из составителей Большого толкового словаря создал вместе с П.С. Афанасьевым мобильную, небольшую, но работоспособную группу в составе: П.С. Афанасьев – руководитель группы, П.А. Слепцов, А.С. Луковцев, Г.В. Попов, А.Г. Нелунов, В.И. Лиханов, Н.С. Попова, Н.Н. Васильева.

Словарь вышел из печати в 1994 г. и сразу получил широкое признание в республике. В нем представлена наиболее содержательная, но малоупотребительная литературная лексика, которую читатель либо не знает, либо знает в недостаточной степени. В словарь не были включены широкоупотребительные, общеизвестные слова. Зато в него вошли наиболее употребительные звукоподражательные и образные слова, что является его главной особенностью.

По многочисленным просьбам учителей, студентов и широкого круга читателей (преимущественно молодежи!) данный словарь был переиздан в 2008 г. под руководством П.А. Слепцова уже как учебник для школьников. Сохраняя основное направление первого издания, были исправлены опечатки, новые иллюстративные материалы в большинстве случаев извлекались из современных источников, поэтому отражают живые процессы в развитии лексики якутского языка. В правописании заимствованных слов были сделаны поправки в соответствии с правилами, утвержденными Правительством РС (Я) от 14 февраля 2001 г. В итоге получился строго нормативный словарь современного якутского литературного языка, правда, небольшого объема, но вполне соответствующий своему назначению.

Как раз в год выхода «Якутско-русского словаря» в 1972 г. в Институте языка, литературы и истории во многом по инициативе тогда молодого, энергичного ученого П.А. Слепцова и настойчивости тогдашнего директора Е.И. Корки-

ной был образован новый сектор – сектор лексикологии и лексикографии. Естественно, ведущим был назначен уже известный лексиколог и лексикограф к.ф.н. П.А. Слепцов. Петр Алексеевич принимает грандиозный план (или, как ныне говорят, проект) составления многотомного академического «Толкового словаря якутского языка». Известно что основатель нашего Института П.А. Ойунский одной из первоочередных приоритетных задач Института считал «создание нового современного полного словаря якутского языка» [Ойунский, 1993, с. 120–121]. Однако эта задача не была выполнена из-за репрессии, кровавая рука которой обошла и П.А. Ойунского. За осуществление этой заветной мечты основателя нашего Института взялся Петр Алексеевич Слепцов, хотя отчетливо представлял себе те большие трудности, с которыми придется столкнуться в связи с неразработанностью теории лексикографии в якутском языке, отсутствием картотечной базы и нехваткой опытных кадров.

Якутской практической лексикографии очень повезло в том смысле, что у ее истоков стояли такие корифеи науки, как О.Н. Бётлингк и Э.К. Пекарский. Но парадокс заключался в том, что, имея такие замечательные словари, как «Якутско-немецкий словарь» О.Н. Бётлингка и особенно «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского, якутская лексикография не располагала хорошо разработанной теорией. В якутском языке теория лексикографии всегда отставала от практической лексикографии. И одна из неоспоримых заслуг П.А. Слепцова заключается в том, что, взявшись за многотомный академический толковый словарь якутского языка, он прежде всего решил восполнить этот пробел.

Отсутствие теории лишает лексикографическую практику ясных перспектив и, главное, сильно сказывается на качестве создаваемых словарей. Сознвая это, Петр Алексеевич, как наиболее подготовленный в теоретическом отношении человек и как научный руководитель коллектива, опубликовал ряд теоретических работ в центральных и местных научных изданиях. Среди них такие, как «К проблеме двуязычного толкового словаря» [Слепцов, 1998, с. 172–174], «О новом типе толкового словаря якутского языка» [Слепцов, Нелунов, Монастырев, 2011], «Ближайшие задачи якутской лексиколо-

гии и лексикографии» по нормализации литературного языка, «Об академической картотеке якутского языка» [Слепцов, 1974], «Тылдьыты оноруу – дьоһуннаах сорук» [Слепцов 1981] и др., где были поставлены не только задачи, проблемы но и разработаны многие теоретические вопросы якутской лексикографии. Обычно в понятие «теория лексикографии» включают типологию словарей и учение о структуре и элементах словаря. Поэтому, задумывая составление Большой толковый словарь якутского языка [БТСЯЯ], Петр Алексеевич должен был **теоретически обосновать тип будущего Словаря**. По замыслу Словарь должен был охватить и зарегистрировать как можно полнее лексический и фразеологический (в самом широком смысле) состав якутского языка, представить, таким образом, многовековое богатство языка народа саха. Такой словарь по пестроте, широте и разнообразию охватываемого материала (лексические единицы, собранные из неоднородных источников, слова, образованные посредством разных производящих средств, редко употребляемые слова или вышедшие из употребления в современном разговорном языке и художественной литературе, но встречающиеся в различных источниках, устаревшая лексика, народная терминология, наиболее перспективные и достаточно распространенные диалектные слова, а также различные типы устойчивых словесных комплексов (УСК): фразеологизмы, модальные словосочетания, сложные и составные слова с терминологическим значением, постоянные эпитеты и т.д.) объективно не может быть жестко-нормативным (как например, специально составленный однотомный толковый словарь). Но это отнюдь не означало, что Словарь не нормативный, наоборот, нормативность его обусловлена целью «широко демонстрировать, укреплять, обрабатывать и распространять объективную норму национального языка» [Слепцов, 2008, с. 108]. Нормативный характер создаваемого Словаря, таким образом, заключался во всестороннем раскрытии семантической структуры слова и фразеологии, в иллюстрации разнообразия их живого употребления на примерах из произведений классиков и мастеров слова, лучших образцов устного народного творчества. С другой стороны, нормативность словаря обеспечивалась стилистически-

ми, функциональными, грамматическими характеристиками слов и УСК, указывающими сложившуюся или складывающуюся в якутском литературном языке систему норм. Вторую часть теории он кроме статей разработал в виде кратких и больших вариантов инструкций. Таким образом, несбалансированность теоретических и практических основ словарного дела в якутском языке была в известной мере выравнена, а тип словаря был определен как национальный словарь **нормативно-регистрирующего** типа [Там же, с. 533].

Такой тип словаря означает, по мнению профессора Л.П. Ступина, «закономерный качественный переход в развитии национальной лексикографии, отражающий, в частности, стремление лексикографов к более научному и объективному рассмотрению языка как социального явления» [Ступин, 1979, с. 154].

Петр Алексеевич в каждую свою работу вносит что-то новое, оригинальное. В данном случае это касается толкования значений слов, которые даются на двух языках – якутском и русском, что, несомненно, повысит уровень и доступность составляемого Словаря. Двухязычный толковый словарь – нечто новое в создании толковых словарей, своеобразный оригинальный новый тип толкового словаря, рожденный велением времени – общей языковой ситуацией младописьменных языков.

Двухязычность, по мнению П.А. Слепцова, имеет следующие преимущества перед обычными толковыми словарями.

Как известно, якутский язык, рано отделившись от других тюркских языков, прошел долгий путь развития, вступая в длительные контакты с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. В результате в силу огромных изменений на всех уровнях якутский язык стал практически недоступным даже тюркологам, не говоря о специалистах по другим языкам. Поэтому **через русский язык обеспечивается выход богатейшего материала Словаря в широкую научную сферу.**

Таким образом, ввод через русский язык в научный оборот своеобразного лексического и фразеологического материала языка саха может стать **незаменимым источником для сравнительных, сравнительно-исторических штудий, а также типологических исследований** различных языковых семей.

В условиях массового двуязычия якутского населения **русская часть толкования будет способствовать точному и более полному пониманию** потребителями Словаря **семантической структуры** большого пласта **пассивной лексики и фразеологии** якутского языка.

В младописьменных языках словарный мета-язык и дефинитивные определения слабо развиты, не имеют устойчивой традиции употребления. В таких условиях **русские дефиниции призваны служить надежной опорой для лексико-семантической обработки, шлифовки последних**, подтягивать их до уровня подлинных словарных дефиниций [Слепцов, 2008, с. 537].

Такой большой труд, как составление Большого многотомного толкового словаря якутского языка, не мог осуществиться без фундаментальной картотечной базы. И заслуга Петра Алексеевича заключается в том, что, понимая это, он с первых дней создания нового сектора остро поставил вопрос об источниках словарей, формах и методах накопления и хранения первичных словарных материалов, подчеркивая, что от его решения во многом зависит успех любой словарной работы.

Определение корпуса источников планируемого словаря; характер и особенности использования других словарей в качестве источника; виды и методика расписывания общелитературных и специальных произведений; характер и длина текстового отрезка, из состава которого извлекается и в котором хранится соответствующая языковая единица; количество текстовых отрезков, иллюстрирующих употребление одной и той же языковой единицы; виды словарных карточек и методика их ведения; инструкция для выборщиков; возможности использования компьютера в картотечном деле – вот далеко неполный перечень относящихся к этому аспекту проблем, которые пришлось решить Петру Алексеевичу Слепцову.

Руководя реализацией грандиозного лексикографического проекта, каковым является составление Большого академического многотомного толкового словаря, Петр Алексеевич должен был выступить и как чистый администратор. Это касается прежде всего организации академической картотечной базы: от нахождения картотечных ящиков, шкафов, заказов специальных карточек в типографии до отыскания

подходящего помещения для надежного хранения непрерывно пополняемой картотечной базы. В первое время очень остро стоял вопрос об **интенсивном пополнении** создаваемой академической картотечной базы – основы основ Большого толкового словаря якутского языка, без которой немислимо было приступить к серьезной разработке семантики (значений, оттенков, нюансов) слов и УСК на настоящем, академическом уровне.

Для начала работы непосредственно по разработке словарных статей необходимо было выписать не менее одного миллиона цитат-карточек. Сделать это на пустом месте в обозримо доступное время силами небольшого, только что образованного сектора невозможно было чисто физически, несмотря на мобилизацию на это дело «всех сотрудников-языковедов института от лаборантов до профессора, директора как дополнительную нагрузку к своим основным работам» [Слепцов, 2008, с. 528]. В связи с этим Петру Алексеевичу приходилось ходить «по всему миру» в поисках пенсионеров – бывших учителей якутского языка и литературы, журналистов, работников редакций, а также любителей и специалистов родного языка, студентов-добровольцев для выписки примеров из художественной литературы, начиная от основателей якутской художественной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, П.А. Ойунского до современных молодых, талантливых писателей.

Это удалось благодаря огромной поддержке директора Института, д.ф.н., профессора Евдокии Иннокентьевны Коркиной и тогдашнего председателя Президиума Якутского филиала СО АН СССР академика Николая Васильевича Черского, сумевших найти общий язык с директорами крупных институтов ЯФ СО АН технического, геологического, горного, космического профилей, у которых обычно в конце года оставались неосвоенные деньги, которые можно было перечислить в Институт языка, литературы и истории. На них нанимались временные работники для выписки примеров из художественной литературы [об этом см.: Нелунов, Монастырёв, 2017, с. 112]. Для ускорения их

работ решено было силами научных сотрудников сектора якутского языка и литературы в дополнение к своей непосредственной работе заниматься аннотацией художественной литературы (т.е. подчеркиванием тех слов и предложений, которые надо было обязательно выписывать для пополнения картотеки).

Воспитание лексикографических кадров.

В ходе работ над «Якутско-русским словарём» (1972), вторым изданием «Краткого толкового словаря якутского языка» и особенно «Большим академическим толковым словарем якутского языка» Петр Алексеевич работал с несколькими поколениями научных работников – составителей словарей. Сначала это были специалисты якутского языка и литературы, выпускники педагогического института, достаточно пожилые для научной работы, успевшие поработать учителями, редакторами издательства, журналистами. Их несомненным преимуществом перед приходившей им на смену молодой порослью был не только жизненный опыт, но и хорошее знание родного языка, особенно не до конца забытых, сохранившихся в их памяти редких и устаревающих слов. Отличались они и глубоким освоением русского языка. Таковы были, например, участвовавшие в составлении и редакции «Якутско-русского словаря» (1972) сотрудники: Е.И. Коркина, П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев, Г.А. Никифоров, С.П. Кылатчанов, Н.В. Скрыбыкин и некоторые другие. Основным недостатком их было отсутствие лексикографического опыта*. Большое позитивное влияние на них оказывал аксакал якутского языкознания, их научный руководитель по лексикологии, диалектологии, грамматике, единственный тогда в Институте доктор филологических наук, профессор Лука Никифорович Харитонов. Но это было в очень короткое время в конце его научной деятельности. Несмотря на это все сотрудники группы составления «Якутско-русского словаря», в том числе и его руководитель Петр Алексеевич, благодаря личному примеру и советам Л.Н. Харитонова за это короткое время успели приобрести некоторый опыт составления национально-русского словаря и после вы-

* За исключением, пожалуй, П.С. Афанасьева, который имел опыт редактирования «Русско-якутского словаря» (1968) совместно со своим учителем Л.Н. Харитоновым.

хода на пенсию и скорой смерти Л.Н. Харитонova сумели довести словарь до кондиции.

Но те кадры, которые работали вместе с Петром Алексеевичем над «Якутско-русским словарем», после его издания были разбросаны по своим темам или перешли в Якутский государственный университет (П.С. Афанасьев), а некоторые вскоре умерли (Н.Н. Неустроев, Г.А. Никифоров, Д.Т. Михайлов).

По-настоящему новые кадры по лексикографии появились только после создания специального сектора лексикологии и лексикографии, призванного «к созданию нового современного полного словаря якутского языка» (П.А. Ойунский). В новый сектор из группы составителей «Якутско-русского словаря» перешли только инициатор создания нового сектора П.А. Слепцов и Е.И. Оконешников. Из другого сектора Института был привлечен имеющий опыт редактирования, бывший работник издательства, тонкий знаток родного языка Афанасий Степанович Луковцев. В год создания сектора лексикологии и лексикографии поступили на работу А.Г. Нелунов, Г.В. Попов, С. Андросова, чуть позже Н.С. Попова. Это был первый костяк нового сектора, которому посчастливилось начинать работу над созданием «Большого толкового словаря якутского языка». Постепенно сектор пополнялся все новыми молодыми сотрудниками, которые под руководством Петра Алексеевича проходили хорошую лексикографическую школу. Е.И. Оконешников стал доктором филологических наук, А.Г. Нелунов, Г.В. Попов, В.И. Лиханов, Н.Н. Васильева, В.Д. Монастырев, Е.В. Семенова, Н.М. Васильева – кандидатами филологических наук. В 1980-х гг. П.С. Афанасьев вернулся из Якутского университета в родной Институт собственно для того, чтобы работать над составлением БТСЯЯ. Именно этот состав сектора лексикологии и лексикографии нёс основную нагрузку по составлению, редактированию, подготовке для печати БТСЯЯ и, пройдя под руководством Петра Алексеевича строгую выучку, приобретя огромный практический опыт, образовал ту группу кадровых словаристов, которую теперь

с гордостью называют лексикографической школой П.А. Слепцова.

Таким образом, заслуга П.А. Слепцова перед якутским языкознанием в лексикографическом аспекте заключается в том, что:

- во-первых, он создал **основы теории лексикографии** в якутском языке;

- во-вторых, под его руководством **впервые создана солидная академическая картотека**, состоящая из 3 млн. карточек-цитат, которая уже служит и будет служить не только для создания любого типа словарей, но и для научной разработки различных вопросов якутского языкознания;

- в-третьих, под его научным руководством и редакцией вышли «Якутско-русский словарь» (1972 г.), а также второе исправленное, дополненное издание «Краткого толкового словаря якутского языка» (2008 г.) – **первые нормативные словари**, сыгравшие большую роль в кодификации якутского литературного языка;

- в-четвертых, Петр Алексеевич вырастил способные перспективные молодые кадры для словарной работы. На ниве якутского языкознания появилась новая научная школа – **лексикографическая школа Петра Алексеевича Слепцова**.

И, наконец, детище Петра Алексеевича – «**Большой толковый словарь якутского языка**», последний, 15-й том которого должен увидеть свет в конце текущего года. Данный Словарь – «это новый тип толкового словаря в подлинном смысле слова в тюркской лексикографии» [Слепцов, 2008, с. 536], ставший частью нашей национальной культуры, гордостью якутского языкознания.

Петру Алексеевичу присущи качества идеального лексикографа: он совмещает в себе, с одной стороны, способность к теоретическому осмыслению, а с другой – склонность к монотонной и скрупулезной филологической работе, не угасающий интерес к слову с его загадками и тайнами.

Можно утверждать, что именно в процессе работы над многотомным академическим толковым словарем якутского языка в полной мере раскрылись научный потенциал, эрудиция, организаторские способности, П.А. Слепцова.

Литература

- Афанасьев П.С.* Саха билинни тыла. Лексикология. – Дьокуускай, 1996. – 192 с.
- Афанасьев П.С.* Саха лексикографията // Саха тылын салаатыгар спецкурса аабыллыбыт лекциялар. – Якутской, 1976. – 64 с.
- Большой толковый словарь якутского языка (I–III тома именовались как «Толковый словарь якутского языка»). Т. IV / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.; Т. V. 2008. – 616 с. Т. VI. 2009. – 519 с.; Т. VII. 2010. – 519 с.; Т. VIII. 2011. – 572 с.; Т. IX. 2012. – 630 с.; Т. X. 2013. – 575 с.; Т. XI. 2014. – 528 с.; Т. XII. 2015. – 598 с.; Т. XIII. 2016. – 639 с.; Т. XIV. 2017. – 592 с.
- Нелунов А.Г.* Признанный лидер якутских языковедов // Вестник Академии духовности Республики Саха (Якутия). – Якутск, 1999. – № 2 (9). – С. 35–41.
- Нелунов А.Г., Монастырев В.Д.* Евдокия Иннокентьевна Коркина и «Большой академический толковый словарь якутского языка» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 110–116.
- Ойуунускай Платон.* Талыллыбыт айымнылар: 3 т. – Дьокуускай: Бичик, 1993. – 448 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. [б.м.]. Напечатано фотомеханическим способом с 1-го издания. – 1958–1959.
- Петров Н.П.* Выдающаяся работа // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 109–112.
- Русско-якутский словарь / под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитоновой – М.: Сов. энцикл., 1968. – 720 с.
- Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдыта // П.С. Афанасьев эрдээксийэтинэн. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 264 с.
- Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдыта. Оскуолаҕа көмө тылдыт // Эппиэттээх эрдээктэрдэр: П.А. Слепцов, А.Г. Нелунов, Н.Н. Васильева – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 680 с.
- Слепцов П.А.* Ближайшие задачи якутской лексикологии и лексикографии по нормализации литературного языка / Об основных тенденциях развития лексики современного якутского литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии: сб. науч. тр. – Якутск, 1980. – С. 3–17.
- Слепцов П.А.* К проблеме двуязычного толкового словаря // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. – М., 1988. – С. 172–174.
- Слепцов П.А.* Об академической картотеке якутского языка // Вопросы истории, литературы и языка: бюллетень науч.-техн. информации. – Якутск, 1974. – С. 32–33.
- Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск, 2008. – 544 с.
- Слепцов П.А.* Тылдыты оноруу – дьохуннаах сорук (Создание словаря – важная задача) // Кыым. – 1981. – Балабан ыйын 6 күнэ. – С. 4.
- Слепцов П.А., Нелунов А.Г., Монастырëв В.Д.* О новом типе толкового словаря якутского языка // Наука и техника в Якутии. – 2011. – № 2 (21). – С. 10–15.
- Ступин А.П.* Проблемы нормативности английской лексикографии (XV–XX вв.). – Л.: АГУ, 1979. – 154 с.
- Толковый словарь якутского языка. Т. I / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.; Т. II. 2005. – 912 с.; Т. III. 2006. – 844 с.
- Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

A.G. Nelunov

The creator of the Yakut lexicographic school

P.A. Sleptsov as a prominent scientist of a wide profile made a significant contribution to almost all sections of the Yakut linguistics: lexicology, lexicography, language norm, grammar, language history, sociolinguistics, lingua-folklore studies. This article highlights the scientific results of P.A. Sleptsov on the theory of Yakut lexicography, as well as his personal contribution to the practical lexicography, especially in the preparation of the Yakut-Russian and Great Explanatory Dictionary of the Yakut language. Highlighted by its role in the education of lexicographic personnel, the occurrence of lexicographic Yakut school.

Under the leadership of P.A. Sleptsov, for the first time an academic card file was created, consisting of three million cards – quotations, which is absolutely reliable fundamental material not only for a Great Academic Dictionary of the Yakut language, but also for other philological works. His articles devoted to various issues of compiling an Explanatory dictionary became the basis of the theory of lexicography of the Yakut language.

Keywords: theory of Yakut lexicography, academic card index, Yakut lexicographical school, the first normative dictionary, the Great Academic Dictionary of the Yakut language.

П.А. Слепцов – основатель семасиологических направлений якутской лексикологии

Статья посвящена научной деятельности доктора филологических наук, профессора, академика АН РС (Я) П.А. Слепцова как зачинателя семасиологических направлений, кропотливо и основательно исследовавшего процесс разработки и внедрения норм во всех аспектах якутского языкознания, в том числе в лексическом фонде якутского языка. Статья построена так, чтобы наиболее всесторонне показать результаты, полученные профессором П.А. Слепцовым в работе с лексическим составом якутского языка, опираясь на его теоретические обобщения. Особое внимание приковано к рассмотрению процесса и характера влияния заимствованной русской лексики на якутский язык, качественных изменений, происходящих в семантической структуре лексических единиц якутского языка, в частности, употреблению ярких, выразительных средств в якутском литературном языке. Научные исследования выдающегося учёного, профессора П.А. Слепцова по якутской семасиологии содержат множество идей, послуживших стимулом для дальнейших научных исследований и не исчерпанных до сих пор.

Ключевые слова: якутский литературный язык, процесс изменения норм, лексикология, лексикография, заимствование, семасиология, словообразование, экспрессивность.

Доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР Петр Алексеевич Слепцов – лингвист необычайно широкого диапазона. Трудно перечислить те области якутского языкознания, в которых он не участвовал. Его фундаментальные научные труды имеют непреходящую ценность и широко известны в тюркологическом мире. Среди них основополагающее значение имеют работы по изучению лексического богатства якутского языка.

Первая монографическая работа П.А. Слепцова, за которую ему присуждена ученая степень кандидата филологических наук – «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» была посвящена одному из важнейших разделов лексикологии – лексическому заимствованию в якутском языке. В ней освещены особенности лексико-семантического освоения русских и интернациональных слов в якутском языке до 1917 г. XX столетия, установлен общий объем заимствованных слов, дана классификация по основным лексико-семантическим группам иноязычных слов, которые дали ясное представление о глубоком и разностороннем влиянии русской материальной и духовной культуры на все сто-

роны жизни народа саха до начала XX в. Обратимся еще раз к этой работе.

По степени употребительности заимствованных слов того времени в якутском языке Петр Алексеевич выделил три группы:

1. Слова, выпавшие из словарного состава якутского языка. К ним относятся в основном лексические заимствования из русского языка, которые были распространены ограниченно в дореволюционном якутском языке и семантически не были понятны современным носителям якутского языка без специальных справок. К этой группе относятся слова типа: *убаадал* ‘обыватель’, которое в сочетании со словом *дьаам* обозначало междудворную станцию, *уутунньук* ‘ученик’ – оспопрививатель, фельдшер, *ары-маанка* ‘ремарка’ – отметка на особом лоскутке бумаги о наделении кого-либо земель, приложенном к земельной ведомости, и мн. др. По данным Петра Алексеевича, такие слова составляли 15% всей дореволюционной заимствованной лексики [Слепцов, 1964, с. 64].

2. Слова, входящие в пассивный словарь современного якутского языка. Это группа заимствований, активно функционировавших в дореволюционном якутском разговорном языке, но в настоящее время перешедших в пассивный словарь вследствие вытеснения и архаизации обо-

значаемых ими предметов и понятий. К примеру: *бирикээссик* ‘приказчик’, *судаарыскай* ‘политссылный’, *оспуоччук* ‘извозчик’. Слова, входящие в эту группу, составляли около 35% всех дореволюционных заимствований [Там же].

3. Слова, входящие в активную лексику современного якутского языка. К этой группе относятся такие заимствованные слова, как *норуот* ‘народ’, *дьыала* ‘дело’, *куорат* ‘город’, *сокуон* ‘закон’, *доруобай* ‘здоровый’ и т.д. Они составляют почти 50% дореволюционных заимствований.

Петр Алексеевич уделял большое внимание фонетико-морфологической характеристике русизмов в якутском языке. Ему удалось выяснить закономерности фонетического освоения русизмов в соответствии с требованием фонетической системы якутского языка. А что касается заимствованной лексики в плане морфологической характеристики, то при вхождении в грамматическую систему языка-реципиента она приобретает те же грамматические категории, которые свойственны лексике исконного фонда.

Что касается семантических изменений русизмов того времени, то интересными являются глагольные образования *дьыалайдаа* (от *делай*) ‘обращать внимание’ (употребляется чаще в отрицательной речи): *маннай үөрэнэ иликпинэ утуйбат этим, аанньа дьыалайдаабат буолтум* ‘сначала с непривычки я не спал [во время езды по железной дороге], а потом перестал обращать внимание’ [Пек., 723, 724]; обращать внимание, считать что-либо делом: *мань дьыалайдаабата, уччугуй уол* ‘на это не обратил никакого внимания младший парень’ [Пек., 877]. Имена существительные, наиболее многочисленная часть заимствованных слов, обычно восприняты в форме единственного числа именительного падежа. Кроме того, в качестве имени употребляются и другие лексико-грамматические категории: имена прилагательные, глаголы, местоимения, числительные. Так, например существительные, восходящие к русским прилагательным: *бааһынай* (от пашенный крестьянин) ‘русский крестьянин-земледелец в Якутии’; *сэлиэһинэй* ‘пшеница (от *пшеничный* (хлеб))’; *судаарыскай* ‘политссылный’ (государский), *арсаанай* ‘ржаной хлеб’; *торгуобай* ‘купец, русский торговый (человек)’; *быыпсай* ‘лицо, бывшее в выборной должности царской администрации (от причастной формы в значе-

нии прилагательного *бывший*) [Пек., стб. 620]; *быыбарнай* ‘выборное лицо, член инородной управы’ [Пек., стб. 602] и т.п.

Глаголов, воспринятых в качестве существительных, сравнительно много. Например: *торгууй* ‘продажа’ (от *торгуй*) [Пек., стб. 2738], *толкуй* ‘толк, понимание’ [Пек., стб. 2713]; *куулэй* ‘гуляние, отдых, соседская помощь’ (от *гуляй*) [Пек., стб. 1284]. Определительное местоимение *сээкэй* ‘всякий’ воспринято в качестве существительного со значением «всякая мелочь, всякая всячина», которое широко употребляется до настоящего времени.

В качестве имен прилагательных заимствованы большей частью различные качественные прилагательные типа *боростуой* ‘простой’, *киһтэрэй* ‘хитрый’, *чизэһинэй* ‘честный’, *дьиһкэй* ‘дикий’, *куруубай* ‘грубый’, *кырасыабай* ‘красивый’, *сиэдэрэй* ‘щедрый’ и др. А относительные прилагательные *буолускай* ‘польский’, *аагылыскай* ‘английский’ (от *аглицкий*) [Пек., стб. 26]; *москуоскай* ‘московский’, *солотубуой* ‘золотой’ (от *золотной*), которые характеризуют предметы особого качества, восприняты также как качественные, а не по их отношению к английскому, польскому или московскому производству и «даже не из золота, а красивый» [Пек., стб. 2272]. Те относительные прилагательные, которые зафиксированы в дореволюционных источниках (в основном в газетах и журнале), имели книжные происхождения или были восприняты через образованные слои, знавшие русский язык. Например: *сокуонай* ‘законный’, *окрууснай* (*суут*) ‘окружной’, *хаһыанай* ‘казенный’ и т.д.

Из других частей речи заимствованы наречия: *нэһилэ* ‘насилу’, *чизэрэс* ‘через’, *оруобуна* ‘ровно’ и др. Некоторые прилагательные употребляются в качестве наречий: *бостуой* (пустой) ‘зря, напрасно’; *үлүбүөй* (любой) ‘как угодно, беспорядочно’. Некоторые наречия принимают дополнительные аффиксы и образуют различные варианты: *нэһилэ*, *нэһиһччэ*, *нэһилчэ* ‘насилу’, *куруук*, *куруутун* ‘постоянно’ (от *круг*), местоимения: *саамай* ‘самый’, *сээкэй* ‘всякий’, *сээк* ‘всяк’.

Служебные и модальные слова, восходящие: а) к русским частицам: *дааса* ‘даже’, *чуочуна* ‘точно’, *оруобуна*, *оруопчук* ‘ровно’ и нек. др.; б) к союзам: *арааһа* ‘разве’ [Пек., стб. 136], *даарым* ‘даром’ [Пек., стб. 679], *дьиэсли* ‘если’, *на-*

акка ‘однако’ и др.; в) междометиям: *бахыыба* ‘спасибо’, *бырастыы* ‘прости’, *дорообо* ‘здоровствуй, здорово’, *истиньии* ‘извини’, издавна употребляются повсеместно, постоянно. Кроме того употребляются, особенно у женщин в Колымском округе, такие междометия, как *боччубуой* (от *бог с тобой*), *уоспадьы!* (господи!), *Чоор тубуой* (от *черт с тобой*), *сылаа буох* (от *слава богу*) и некоторые др.

Также в якутском языке имеются слова, у которых значение смещено или приобрело иное значение, на первый взгляд, мало похожее на значение прототипа. Например: *мэндизмэн* ‘этаж (от *фундамент*)’; *торуой* ‘1) второй (сорт, земельный класс)’ // *торуой истиэпэн* ‘вторая степень (словесной расправы)’; *торуой Үөдэй нэһилиэгэ* ‘второй Одейский наслег’; *Торуой ыырай (ыраай)* ‘второй рай (о местности)’; 2) таксовая плата за вскрытие новой колоды игорных карт, карточный оброк (*хаарты торуойа*); 3) определенная плата хозяину за угощение водкой с выигрыша участниками игры, по-местному – *кряк*; *торуойдаа* – отдавать карты в пользование за известную плату (от *второй*) [Пек., стб. 2746]. Некоторые заимствованные слова приобрели значения, мало похожие на значения своих этимонов. Например: *аччаайнай* (от *отчаянный*) ‘причудливый’ – *дьишбэлээх*; *аччаайнай киһи* – ‘причудливый человек’, *аһыыпка* (от *ошибка*); *аһыыпкалаа* – ‘не выполнить обещания или обязательства’: *аһыыпкалаатахпына сокуон истэбилигэр турабын* – ‘в случае невыполнения мною обязательства, я подвергаюсь законному взысканию’ [Пек., стб. 181]. *Дьишбэлээх* (от *диво*) в значении ‘проказник, на костник, позволяющий себе вредные шутки’ [Пек., стб. 825].

Некоторые варианты заимствованных слов приобрели новые оттенки значения. Например: вариант *тиэрэс* (от *через*) употребляется в сочетаниях: *Тиэрэс үчүгэй!* ‘Крайне хорошо!’ *Тиэрэс эрэ үчүгэй!* ‘Уж очень хорошо!’ [Пек., стб. 2655]. А вариант *чиэрэс* (от *через*) имеет более широкое употребление: 1) через, поперек, насквозь; напрямиком, прямой дорогой. *Сэмэбин чиэрэс кын!* ‘Проступок мой извини (в строку не ставь!)’; 2) чрезвычайный, необыкновенный. *Чинчилиэхтэн чиэрэс* ‘необыкновеннее, чем это можно осязать (красота девушки)’, *дэриэтинньик чиэрэһэ* ‘самый необыкновенный из еретиков (злых духов)’ [Пек., стб. 3615] и др.

Слова, имеющие новые значения по ассоциации с якутскими словами сходного значения. Например: *чиэрбэ* ‘(от *червь*) червяк, червь (насекомое), червь дождевой; хитрость, хитрости’, *сирдойду дьишкэй чиэрбэ дьибилгэттээбэ* ‘обладающий гнусными червячными хитростями всей земли’, отсюда – *чиэрбэлээх* ‘лукавый, хитрый’, *сэттэ уон чиэрбэлээх Сэлэнгэдэй удаҕан* ‘имеющая 70 разных червей (хитростей) шаманка Сэлэнгэдэй’. В данном случае значение заимствованного слова *чиэрбэ* и его производного *чиэрбэлээх*, очевидно ассоциировалось с якутскими *үөн*, *үөннээх* ‘насекомое, гадина, которые имеют также переносное значение: притворщик, плутоватый, лукавый, хитрый’ [Пек., стб. 3143–3145].

Производные слова иногда приобретают другое значение, нежели смысл производящей основы, например: *улукса* (от *улица*) отсюда *улуксалаа: тобус уолан киһи улуксалаан* ‘девять молодых людей рядом, шеренгой стоят (как бы улицей)’ [Пек., стб. 3007].

Таким образом, в этой работе автор обобщил сведения о дореволюционной заимствованной лексике из русского языка и сделал вывод о том, что «русские слова стали проникать в якутский язык со времени вхождения Якутии в состав Московского государства, со времени первого соприкосновения с представителями русского народа, то есть с середины XVII века» [Слепцов, 1964, с. 175]. В конце монографии приводятся полный перечень заимствованных слов с указанием их русского прототипа и различные варианты произношения одного и того же слова (*арсыын*, *ассыын* ‘аршин’, *сибиниэс*, *симиниэс*, *симилиэс* ‘свинец’).

Петру Алексеичу было интересно проследить процесс и характер влияния русского языка на якутский и выявить лингвистические и экстралингвистические причины, обуславливающие особенности функционирования и освоения заимствованной лексики в разные периоды развития якутского языка. Вслед за первой работой в 1975 г. вышла его вторая солидная монография «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)», содержащая глубокий анализ русизмов с точки зрения объема, характера, особенностей функционирования и их вхождения в лексическую систему якутского языка. В результате последовательного анализа семан-

тических, структурных и фонетико-морфологических особенностей русизмов ему удалось определить два основных экстралингвистических фактора заимствования, а именно: развитие якутско-русского двуязычия среди якутского населения и становление, развитие современного якутского литературного языка. Петр Алексеевич предложил весьма обоснованную периодизацию русских заимствований, которая тесно связана с этапами развития якутского литературного языка, и конкретно показал поэтапно коренные изменения, произошедшие до конца 70-х гг. XX столетия под влиянием русского языка во всей лексико-семантической системе якутского языка. Однако основным результатом влияния русского языка на якутский язык, по его мнению, являются обогащение стилистических средств и функционально-стилистическая дифференциация якутского литературного языка [Слепцов, 1975].

Трудно переоценить результаты работы проф. П.А. Слепцова в области якутской лексикографии, прежде всего, его семасиологические разработки по составлению разных типов словарей и справочников. При этом он всегда это связывал с нормализацией и развитием якутского литературного языка, в частности, его лексико-семантической системы. В 1972 г. в издательстве «Советская энциклопедия» увидел свет «Якутско-русский словарь» под его редакцией, содержащий более 25 тысяч единиц современного якутского языка. Это был первый опыт составления двуязычного словаря, который призван содействовать развитию и установлению норм современного якутского литературного языка. Он содержит основной фонд общеупотребительной лексики и фразеологии якутского языка, неологизмы советского периода. В нем более детально разработаны словарные статьи, довольно широко представлены устойчивые словосочетания и идиоматические выражения, а также устаревшие и диалектные слова. В настоящее время данный словарь стал незаменимым настольным пособием для всех тех, кто вплотную сталкивается с якутским и русским языками.

Углубляясь все более и более в проблемы лексикологии якутского языка, Петр Алексеевич обратил внимание на такую совершенно еще не разработанную тогда область лексикографии, как создание Большого академического

толкового двуязычного словаря якутского языка. В настоящее время подготовлен к изданию последний 15 том Большого толкового словаря якутского языка, основная цель которого заключается в стремлении показать и всесторонне охватить многовековой лексический и фразеологический фонд родного языка со всеми его семантическими особенностями и оттенками. Такой фундаментальный словарь дает не только пользователем, но и специалистам филологического профиля богатый достоверный фактический материал на двух государственных языках Республики Саха с этимологией лексических единиц, притом в таком систематизированном, сконцентрированном виде, в каком он не представлен ни в одном другом лексикографическом источнике в тюркских языках. Благодаря заслугам Петра Алексеевича со времени создания научного подразделения по лексикологии и лексикографии собран исходный картотечный академический фонд лексикона якутского языка, который насчитывает более трех миллионов цитатных карточек из лучших произведений классиков якутской литературы, народных писателей Якутии, писателей старшего, среднего и молодого поколения и из различных источников на якутском языке. Академическая картотека якутского языка, безусловно, служит не только основой для составления словарей разного типа, но и надежным источником для проведения широкого круга разнообразных научных исследований в области якутской филологии и создания национального корпуса якутского языка.

Исключительно огромное значение для развития якутской лингвистической науки имеют труды Петра Алексеевича, посвященные становлению, развитию общенациональных норм якутского литературного языка (далее – ЯЛЯ). Петром Алексеевичем в двух монографиях исследованы такие важные проблемы, как язык дореволюционной письменности и зачинателей якутской художественной литературы, становление норм современного литературного языка в 20–30-е гг. XX в., и наконец, процесс разработки и внедрения грамматических, фонетических, орфографических норм и изменения норм словоупотребления на богатом материале учебной, художественной и общественно-политической литературы [Слепцов, 1986; 1990a]. В них также рассматриваются дискуссионные вопросы взаи-

моотношения младописьменного литературного языка на различных этапах его развития с языком художественной литературы и устного народного творчества. Изучив язык и стиль основателей якутской литературы, а также письменную культуру периодических изданий и учебных пособий до и конца XX столетия в аспекте становления и развития норм якутского литературного языка, он предлагает следующую периодизацию: I этап дореволюционный – период формирования истоков современного якутского литературного языка; затем II этап – послереволюционный, в который включены четыре этапа, объективно характеризующих ситуации XX в. Это – «распространение письменности С.А. Новгородова, проведение целенаправленной работы по разработке и внедрению единых, общеобязательных норм (I этап – 1917–1924 гг.); распространение новотюркской унифицированной письменности, дальнейшее расширение и укрепление общественных функций якутского языка, целеустремлённая работа деятелей культурного, языкового строительства по нормализации ЯЛЯ (II этап – 1930–1940 гг.); переход якутской письменности на новый алфавит на основе кириллицы и в связи с этим детальная разработка и кодификации фонетико-орфографических, грамматических и лексических норм ЯЛЯ, появление первых крупных эпических произведений якутских писателей, а также лучших переводов классиков русской литературы, общее усиление роли всей письменной литературы в связи с повышением уровня образования населения. В связи с кодификацией норм ЯЛЯ приобретает подлинные черты национального ЛЯ (III этап – 1940–1960 гг.); нормализация ЛЯ поднимается на новую, качественную ступень: ускорение и усиление объективно-стихийного процесса литературной нормализации в связи с возмужанием всей якутской письменной литературы и возвращением народу творческого наследия писателей и деятелей языкового строительства 20–30-х гг. П.А. Ойунского, подготовлены, изданы первые академические нормативные словари, отраслевые терминологические словари, нормализация грамматических и лексических явлений, укрепление научной базы для нормализационной деятельности (IV этап – с 1960 по настоящее время)» [Слепцов, 1990б, с. 49–50].

Во второй главе монографии «Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм» [1990а] Петр Алексеевич впервые подробно описал изменения, происходящие в нормах словоупотребления якутского литературного языка в новейший период его развития. Он наметил следующие общие тенденции: 1) функциональное расслоение и функциональная дифференциация словарного состава якутского языка. Это такие семасиологические изменения в семантическом составе лексики, как: а) актуализация некоторых семантических групп и пластов, выдвижение их в основной словарный состав литературного языка, б) архаизация целых лексико-семантических групп лексики, связанных со старым укладом жизни, бытом и реалиями дореволюционного периода, в) функционально стилистическая дифференциация лексики якутского литературного языка; 2) возрастание всестороннего влияния русского языка на развитие лексики якутского литературного языка; 3) увеличение продуктивности словообразовательных средств, образующих дериваты с абстрактным значением; 4) расширение сферы и объёма семантических инноваций, направленных на повышение коммуникативных и выразительных возможностей языка; 5) активизация фразеологического фонда в связи с интенсивным его вовлечением в орбиту литературного языка [Слепцов 1990б, с. 102]. Интерес для нас представляет его подробное описание одного из характерных явлений в развитии лексики якутского языка во второй половине XX столетия – это вытеснение из терминологической сферы исконных образований русизмами. Составные образования, терминологические словосочетания, народно-разговорные, традиционные формы, появившиеся в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., подверглись вытеснению заимствованными словами. Например, *итэбэл сурук – дэбиэринэс* ‘доверенность’, *өрө туруу – бастаанньа* ‘восстание’, *хонуу куйаар – истиэп* ‘степь’, *тымыр тэбиитэ* ‘пульс’, *иллэн миэстэ* ‘вакансия’, *сиргэ ситимнээһин (тилийиш)* ‘заземление’, *от охсор массыына* ‘косилка’, *хаарбах тимир* ‘металлолом’, *саҕаны айааччы* ‘новатор’, *хаһаайыстыбаннай ахсаан* ‘хозрасчёт’ и др. А также русизмам уступают свое место однословные якутские термины. Например: *курдааһын* ‘пояс’, *мэктиэ* ‘гарантия’,

сүһүөх, кэрдиис ‘степень’, *сигили (майгы)* ‘характер’, *үрүңэс* ‘белок’, *абырах* ‘ремонт, сирэй’ ‘страница’ и др. Основной причиной этого явления П.А. Слепцов считает прогрессирующее двуязычие якутского населения, а также стремление языка к смысловой точности, относительному изоморфизму значений слов и выражаемых ими понятий [Слепцов, 1990б, с. 112]. Однако многие термины, появившиеся в первой половине XX столетия из собственных ресурсов якутского языка, активно функционируют в настоящее время. По статистическим данным Петра Алексеевича, в сфере общественно-политической лексики активно употребляются свыше 700 оригинальных терминов и терминологических сочетаний. Среди них имеются относительно недавно появившиеся термины типа: *абырымнааһын* ‘спад’, *анаарыы* ‘взгляд’, *батарыы* ‘спад’, *динг кырдьык* ‘правда’, *идэтитии* ‘специализация’, *олох уйгута* ‘благополучие’, *симэлийи* ‘отмирание’, *дьаһалта* ‘администрация’, *төрүттээчи* ‘основоположник’ и др. Петр Алексеевич выявил с достаточной полнотой причины вытеснения исконных терминов заимствованными словами. Причина кроется в их многочисленных связях и отношениях в лексико-семантической системе языка, которые не смогли порвать и ослабить относительно нечасто специализированное терминологическое употребление. Помимо этого П.А. Слепцову удалось описать динамику изменения соотношения исконной лексики и русизмов в различные периоды развития якутского литературного языка на материале газеты «Кыым», показать процесс образования неологизмов, созданных по продуктивным и универсальным словообразовательным моделям из комбинаций активных корневых слов и аффиксальных морфем, а также аналитическим путём; раскрыть качественные изменения, происходящие в семантической структуре лексических единиц якутского языка, в том числе в употреблении диалектных слов, также ярких, выразительных, идиоматических средств в якутском литературном языке.

Значительное место в научной деятельности Петра Алексеевича занимает проблематика, связанная со сравнительно-историческим изучением словарного состава якутского языка. В его «Истории якутского языка» имеется специальная глава, освещающая вклад разных языков,

прежде всего тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, в формирование и развитие лексики якутского языка. Петр Алексеевич не только не ограничивает себя сравнительно-историческим описанием слов, но и скрупулезно прослеживает происходившие изменения в фонетическом, морфологическом, синтаксическом аспектах якутского языка. В книге большое внимание уделено вопросам историографии, в том числе современным взглядам на происхождение якутского народа и его языка. Хотя «История якутского языка» предназначена для студентов в качестве учебного пособия, но богатство и разнообразие фактического материала, детальность, скрупулезность научного анализа и в то же время умение делать широкие обобщения имеют большое научное значение.

Помимо монографических исследований, Петру Алексеевичу принадлежит ряд статей, в которых выдвинуты методические и методологические принципы составления Большого толкового словаря якутского языка, а также рассмотрены некоторые узловые конкретные проблемы семасиологии и лексикографии якутского языка, которые отражены в его последующих публикациях. Достаточно перечислить некоторые из них: «Творчество П.А. Ойунского и якутский литературный язык» (1986), «Вариантность слова в якутском языке как нормализационная проблема» (1987), «О новом типе толкового словаря тюркских языков» (1988), «Якутская терминология» (2000), «Некоторые проблемы языка периодической печати» (2008) и др.

Много внимания уделял Петр Алексеевич и такому важному и слабо разработанному разделу лексикологии, как семасиология. В его неопубликованной работе «Лексика современного якутского языка» (в качестве отчета, утвержденного ученым Советом института от 12.11.1976), хранящейся в архиве Института, автор убедительно раскрывает качественные и количественные изменения в семантической структуре исконной лексики якутского литературного языка. Выявляя закономерности развития семантической структуры слов и определяя изменения узуальных значений многозначных слов, Петр Алексеевич установил, что в данном процессе решающими являются активизация лексических синонимов некоторых

значений многозначных слов и постепенное вытеснение омонимов под воздействием заимствованной лексики из русского языка. При этом терминологическое употребление подобных заимствованных слов приводит к тому, что они наряду с исконно якутскими словами производят «передел» значений полисемантических слов. Это один из источников обогащения лексики якутского литературного языка. Помимо этого Петр Алексеевич совершенно верно указал на такие изменения в семантике слов, как абстрагизация, сужение, расширение конкретных значений полисемантического слова; специализация более общих значений, которые также являются источниками обогащения лексического состава языка. Это очень важный процесс дальнейшего качественного развития и совершенствования лексико-семантической системы якутского языка.

Петр Алексеевич Слепцов является одним из тех исследователей, который впервые в якутском языкознании обратил внимание на такую важную категорию языка и речи, как экспрессивность. Под его научным руководством была успешно защищена и в 1994 г. вышла в виде монографии кандидатская диссертация В.И. Лиханова «Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке» (1994). П.А. Слепцов всегда отмечает, что якутский литературный язык наделен богатыми экспрессивными ресурсами, особенно язык художественной литературы и разговорный язык. В серии монографий о якутском литературном языке [Слепцов, 1986; 1990а] П.А. Слепцов особо выделяет выразительность и красочность якутской речи. Так, Петром Алексеевичем сделан подробный анализ языка произведений зачинателей якутской художественной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, основоположника якутской советской литературы П.А. Ойунского, писателей-классиков А.А. Иванова-Күндэ и С.С. Яковлева-Эрилик Эристиина. При этом большое внимание уделяется своеобразному стилю писателей, употреблению ими народных выразительных средств, образных слов, формульных элементов, афоризмов и т.п., что придает произведению особую экспрессивность. Обобщая наблюдения над языком произведений А.Е. Кулаковского, П.А. Слепцов пишет, что значение его творче-

ства с точки зрения развития норм литературного языка состоит в том, что он «демонстрировал своеобразную красоту, богатство народного языка, отшлифованные многовековым развитием фольклора, и дал ему более совершенную форму в духе устной народной традиции. С точки зрения нормы особый интерес представляет его бережное отношение к традиционным средствам языка, стремление выявить все оттенки и нюансы живого слова, использовать все наиболее яркое, семантико-стилистически выразительное в народном языке» [Слепцов, 1986, с. 85].

В произведениях А.И. Софронова экспрессивность передается также при помощи традиционных выразительных средств. Однако, как выявил П.А. Слепцов, будучи взыскательным художником, он искал новые формы, средства художественно-языкового выражения действительности. Фольклорные выражения, формулы, метафоры в поэзии Софронова встречаются в виде прямых цитаций все реже. Они обычно присутствуют в виде тонких поэтических реминисценций. Произведения А.И. Софронова полны своеобразными эпитетами, афоризмами. «Основным признаком и наиболее сильной стороной поэтического слова Софронова является необычность, необыденность словосочетаний, которые делают слово очень выразительным, емким, впечатляющим» [Там же, с. 94].

П.А. Слепцов рассмотрел особенности языка поэзии А.И. Софронова в основном на уровне лексических единиц. Особо отметил стихотворения «К родному краю», «Костер у шалаша», «Полярная ночь», «Утренняя звезда» и др., которые «отличаются богатством эмоционально-экспрессивной лексики, точностью и яркостью эпитетов, свежими поэтизмами» [Там же, с. 95]. Выделено обильное употребление парных и удвоенных слов, что также создает необычную экспрессивность: «Многие эмоционально-экспрессивные парные наречные образования (*бадаба-майгыта, кэтэбэ-кэмэ, суолтата-суобаһа, ахсаана-арда* и т.п.) не имеют самостоятельного значения и образуют с глагольными словами неразрывное семантическое единство. Они обладают сильным эмоционально-экспрессивным зарядом» [Там же, с. 98].

Анализируя язык творчества П.А. Ойунского, П.А. Слепцов также отметил «многообразие изобразительных средств народного языка: об-

разные слова с различными эмоционально-экспрессивными оттенками, разнообразие звукоподражаний»: «В громадном большинстве своих произведений Ойунский прибегает к изобразительной лексике, связанной с положительной экспрессией, порождающей чувства радости, восхищения, яркого света», и пишет, что «вопрос этот требует специального рассмотрения» [Там же, с. 178].

О языке произведений Эрилик Эристиина отмечено то, что он в совершенстве владел народным разговорным языком и языком фольклора. Анализируя основные особенности языка рассказов и повестей Эрилик Эристиина, П.А. Слепцов выделяет именно экспрессивную сторону языка писателя. В качестве примера он приводит слово «баҕаттан» из рассказа «Хачыгыр»: «Тааһы иккиһин куруппаланнат баҕаттан. 'Чтобы не дать камню молот во второй раз'. Слово "баҕаттан" в принципе можно было заменить синонимами "наадаттан", "наадатыгар" или послелогом "иһин". Однако последние придали бы фразе книжно-письменный налет. Вариант же писателя является более традиционным, изображающим невыносимую жизнь сироты-батрачка. При этом более важным является то, что лексема "баҕаттан" обладает в общем контексте большой экспрессивной силой» [Слепцов, 1990а, с. 167]. В том, что язык Эристиина обладает «огромной эмоционально-экспрессивной выразительностью», П.А. Слепцов видит два важных истока:

1. Писатель привержен первичной, лингвистической экспрессивности якутского языка. Здесь П.А. Слепцов выделяет многочисленные синтаксические конструкции и изобразительные слова: «Широко развитые в якутском языке так называемые изобразительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Эрилик Эристиин мастерски пользуется этой первичной лингвистической экспрессивностью якутского разговорного языка»

2. Тесная связь с родным фольклором. «Огромное влияние языка фольклора несет на себе повествовательный язык самого писателя» [Там же, с. 174].

В конце анализа языка произведений Эрилик Эристиина П.А. Слепцов делает заключение, что «в произведениях Эрилик Эристиина можно проследить процесс превращения первичной –

языковой – экспрессивности во вторичную – художественную (в узком смысле – художественную тропичность)» [Там же, с. 178].

Якутский народный язык – это, прежде всего язык фольклора и разговорная речь народа. По заключению фольклористов и лингвистов, язык фольклора являлся устным литературным языком якутского народа. Они оказали огромное влияние на развитие и формирование современного якутского литературного языка. «Язык фольклора, особенно олонхо, пропитан особой лексикой, несущей в себе все краски, оттенки человеческих чувств. И это качество языка фольклора оказало огромное влияние на разговорный язык народа. Такие красочные слова, образно выражающие наши чувства, мысли, являются самой яркой стороной лексики», – отмечает П.А. Слепцов [Ахтылар..., 2004, с. 22–23]. В монографии П.А. Слепцова исследованию языка фольклора, его отношения к литературному языку посвящена отдельная глава, где он пишет, что «литературный язык – это освоенная письменной литературой сокровищница национальной духовной культуры народа. Кладовая экспрессивности якутской речи – это фольклор, исконная, самобытная речь якутов» [Слепцов, 1990а, с. 152].

Именно любовь к красноречию является фактором зарождения такого богатого якутского фольклора, который сыграл огромную роль в формировании и развитии якутского литературного языка.

Уникальный материал для исследования экспрессивности якутского языка представляют собой изобразительные слова. В состав изобразительных слов якутского языка входят образные и звукоподражательные слова. Они рассматриваются исследователями как «особый пласт экспрессивной лексики якутского языка» (П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, В.И. Лиханов и др.). Говоря об изобразительной лексике, П.А. Слепцов отмечает, что этот пласт лексики является особенностью живой разговорной речи, но берет свое начало из языка фольклора: «Язык фольклора оказал огромное влияние на разговорный язык народа, формирование своеобразия его норм. Оно состоит в совершенно свободном употреблении большого количества вариантных средств языка, в том числе сильно развитой синонимии, афористических, фор-

мульных элементов, ставших достоянием общего разговорного языка. Особенность разговорного языка – его насыщенность эмоционально-экспрессивной лексикой, особенно образительными словами, усиленное влияние фольклора» [Слепцов, 1986, с. 11].

Относительно образительных слов П.А. Слепцов высказал важный тезис о том, что их основное значение – именно экспрессивность: «Широко развитые в якутском языке, так называемые образительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Вернее было бы сказать, что в образительных словах экспрессивность является настолько доминирующей, что она фактически представляет собой основное значение этих слов, формирующееся в основном на уровне представлений» [Слепцов, 1990а, с. 174]. Итак, П.А. Слепцовым обоснованы важные теоретические моменты экспрессивности, им был заложен мощный фундамент для дальнейшего исследования в якутском языке этого яркого и своеобразного явления языка и речи.

Таким образом, Петр Алексеевич, благодаря огромной лингвистической эрудиции и широкому культурно-историческому кругозору, заложил прочные основы для дальнейшего изучения лексико-семантической системы якутского языка в диахронном и синхронном аспектах, которые ныне привлекает к себе внимание многих языковедов. Его научные труды всегда отличаются новизной идей, глубиной теоретических и методологических разработок, аргументированностью и обоснованностью выводов и обобщений, которые основываются на скрупулезном анализе огромного фактического материала. По пути, проложенному проф. П.А. Слепцовым в области лексикологии, лексикографии якутского языкознания, идёт целая школа его учеников, которые

продолжают и развивают идеи и положения своего учителя, выдающегося деятеля науки РФ и РС (Я), прекрасного руководителя, отзывчивого, доброго человека.

Литература

Ахтыгылар. Олоххо үтүө өйдөбүлү хаалларбыта (В.И. Лиханов туһунан) – Дьокуускай, 2004. – 90 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск, 1964. – 196 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 182 с.

Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии: сб. науч. тр. – Якутск, 1980. – С. 83–92.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 1990а. – 273 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык (историю, нормы словоупотребления): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990б. – 56 с.

Слепцов П.А. Саха тылын чинчийии сана кэрдиис кэмэ // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – С. 8–42.

Слепцов П.А. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время. – М., 2003. – С. 366–407.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.

Сокращение

Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд., фотомеханическое. – СПб., 1958–1959.

F.N. Dyachkovskiy, A.M. Nikolaeva

Sleptsov – the Founder of Semasiological Directions of the Yakut Lexicology

The paper is devoted to scientific activities of Doctor of Philology, Professor, Member of the Academy of Sciences of Sakha Republic (Yakutia) Petr Alekseevich Sleptsov in the lexicology of the Yakut language as a pioneer of the field who meticulously and thoroughly researched into the process of standard development and introduction in all aspects of the Yakut linguistics, including the vocabulary of the Yakut language. The paper provides a close look at the results on the Yakut vocabulary obtained by Professor Petr Sleptsov based on his theoretical conclusions. A special attention is

paid to the process and influence of Russian loanwords on the Yakut language, qualitative changes in the semantic structure of Yakut lexical units, in particular, the use of colorful, figurative means in the Yakut literary language. The research of an outstanding scientist Professor Petr Sleptsov on lexicology and lexicography contain a great number of ideas that have inspired further studies.

Keywords: Yakut literary language, the process of standard change, lexicology, lexicography, borrowing, word formation, expressivity.

С.Н. Курилова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.016

УДК 811.554

Проблемы становления общенациональных норм юкагирского литературного языка

Статья посвящена вопросам становления юкагирского литературного языка и определению направлений его дальнейшего развития. Особое внимание уделено причинам, препятствующим выработке литературных норм. Основная причина кроется в значительном расхождении систем двух сохранившихся до наших дней юкагирских диалектов, что обусловлено, с одной стороны, спецификой исторических условий формирования юкагирского языка, а с другой – иноязычным влиянием. Фонетические и лексические различия между тундренным и лесным диалектами, обозначенные за последние десятилетия исследователями, подвели к вопросу о пересмотрении таксонов юкагирских идиомов и переводе их в статус самостоятельных близкородственных языков. Как следствие, выработанные графика и орфографические нормы, рассчитанные на юкагирские идиомы в статусе диалектов, на практике стали достоянием тундренных юкагиров и не получили должного распространения у лесных юкагиров. С учетом этого, по мнению зачинателя юкагирской письменности и орфографии Г.Н. Курилова, необходимо предпринять кодификацию имеющихся расхождений и доработать существующие нормы и правила юкагирского правописания. Предлагаемая им реформа литературного языка также предусматривает модернизацию языка с привлечением материала не только двух сохранившихся, но и зафиксированных в различных источниках исчезнувших юкагирских языков, т.е. за счет собственных словообразовательных ресурсов. Общепринятая форма языка позволит расширить сферы и формы его общественно-речевой практики.

Ключевые слова: тундренные юкагиры, лесные юкагиры, юкагирский язык, идиом, диалект, литературный язык, письменность, норма, совершенствование, словообразование, заимствование, аффикс.

Начало 90-х гг. XX в. принято считать началом становления литературного юкагирского языка (далее – ЮЛЯ), заделом для которого явились разработанная в 1969 г. письменность и кодифицированный в 1987 г. алфавит. В узком понимании, литературный язык – это обработанная и нормированная форма национального языка, противопоставляемая территориальным диалектам и принимаемая диалектоносителями за образцовую. Поскольку мы уже располагаем конкретной датой возникновения ЮЛЯ (по источникам это 1993 г.), то в данной статье мы попытаемся выяснить, на каком этапе развития он находится и насколько целесообразно применение понятия «литературный язык» по отношению к современному юкагирскому языку.

Юкагирский язык в настоящее время представлен двумя сохранившимися идиомами – тундренным (северным) и лесным (южным). Тундренный идиом характерен для юкагиров Нижней Колымы (самоназвание – вадул), лесной – для юкагиров Верхней Колымы (самоназвание – одул). Статус диалектов эти два идиома юкагирского языка получили в исследованиях В.И. Иохельсона, первым открывшим их миру. Он писал: «...Оказалось, что не только язык еще сохранился в Верхнеколымских юкагирских родах, но что выработался отдельный тундренный диалект» [Иохельсон, 1900, с. 158]. Позднее, имея уже достаточно языкового материала, Иохельсон с уверенностью констатировал наличие двух диалектов юкагирского языка:

© С.Н. Курилова, 2018

«... Мои исследования точно доказывают существование двух независимых диалектов – колымского и тундренного» [Иохельсон, 2005, с. 89]. При этом ученый подмечал фонетические и лексические расхождения между ними на основании географического положения (территориально-изолированные диалекты) и языковых контактов (влияние языков соседствующих народов – чукчей, тунгусов, якутов, русских). Вопрос о таксономическом статусе юкагирских идиом также был затронут Е.А. Крейновичем в статье 1968 г. «Юкагирский язык». Ученый отмечал существенные диалектные различия на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях, предполагая, что дальнейшие исследования могут подтвердить гипотезу о самостоятельности юкагирских языков [Крейнович, 1968, с. 452]. Позднее его выводы были поддержаны другими исследователями. Г.Н. Курилов отмечает: «Различия в их языках настолько существенны, что их носители не могут общаться между собой без посредства русского или якутского языков» [Курилов, 2003, с. 9]. При описании идиома лесных юкагири Е.С. Маслова указывает его уже в статусе языка: «Kolyma Yukaghir is one of the existing Yukaghir languages (which used to be referred to as dialects of Yukaghir in the literature)*» [Maslova, 2003, p. 1]. И.А. Николаева придерживается той же позиции: «Значительные расхождения между отдельными диалектами юкагирского языка, особенно в сфере лексики, позволяют рассматривать юкагирский язык как целую семью близкородственных языков, иногда именуемую юкагирско-чуванской» [Николаева, Хелимский, 1996, с. 155]. Действительно, прежде всего явные расхождения в тундренном диалекте (далее – ТЮ) и лесном диалекте (далее – ЛЮ) наблюдаются на лексическом и фонетическом уровне и менее явно – на грамматическом, например:

а) в лексике: ТЮ *пуриэ* – ЛЮ *лэбэйдии* ‘ягода’; ТЮ *ньингомизэй* – ЛЮ *мусин* ‘разный’; ТЮ *маархуонь* – ЛЮ *иркиэй* ‘один’; ТЮ *ньидьэрпэй* – ЛЮ *илльуой* ‘новый’; ТЮ *чабадьэй* – ЛЮ *уйсь* ‘работает=он’; ТЮ *мотинэн* – ЛЮ *чуо* ‘уже’ и др.;

б) в фонетике: в ТЮ есть звук *w*, но нет в ЛЮ; в ЛЮ есть звуки *ж* и *ш*, но нет в ТЮ; ака-

ющее и окающее произнесение: ТЮ *wанар*, ЛЮ *онор* ‘язык’; ТЮ *амдуй*, ЛЮ *омдуй* ‘спешит’ и др.; секающее и шекающее произнесение: ТЮ *саал*, ЛЮ *шаал* ‘дерево’; ТЮ *сэгуи*, ЛЮ *шөги* ‘вошел’ и др.; замена или опущение звуков в словах: ТЮ *нимэ*, ЛЮ *нумэ ~ нумо ~ нумө* ‘дом’; ТЮ *тиwэ*, ЛЮ *тибо* ‘дождь’; ТЮ *чамуонь*, ЛЮ *чамуой* ‘большой=он’; ТЮ *маам*, ЛЮ *миэй* ‘ждет=он’; ТЮ *waай*, ЛЮ *аай* ‘опять’ и др.;

в) в грамматике: наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у показателей творительного падежа: ТЮ *-лэк*, ЛЮ *-лэ*; наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у показателей логического выделения имени существительного: ТЮ *-лэнг*, ЛЮ *-лэ*; наличие в ТЮ и отсутствие в ЛЮ ауслатного звука у личного окончания глагола 1-го лица единственного числа: ТЮ *-йэнг*, *-мэнг*, ЛЮ *-йэ*, *-мэ*) [Крейнович, 1968, с. 451; Курилов, 2003, с. 9–11].

Помимо этого, непонимание между диалектоносителями подтверждается в живом общении между ними. В.И. Иохельсон описывал ситуацию, когда при встрече колымский юкагир, которым был его переводчик, и тундренные юкагиры «не понимали друг друга, настолько отличаются их диалекты, и они были вынуждены общаться на якутском и тунгусском языках, которыми обе стороны хорошо владели» [Иохельсон, 2005, с. 90]. В другом случае, во время первого съезда юкагири в 1992 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района РС (Я) делегаты в лице тундренных и лесных юкагири также прибегали к помощи русского и якутского языка, поскольку не понимали друг друга на своих «родных» языках [Курилов, 2005, с. 270].

Для измерения степени взаимопонятности диалектов и соответственно вычисления лингвистического расстояния между языками наиболее удобным и универсальным материалом является лексика. В этом отношении показательны выводы М.А. Живлова, составившего юкагирские стословники на ТЮ и ЛЮ, где процентное совпадение составляет 47,1 [по: Немировский, 2017, с. 65]. Если за пороговое значение брать усредненный показатель менее 90% (время распада более 1100 лет назад, по формуле Сводеша-Старостина) для 100-словного списка, то

* Колымский юкагирский язык – один из существующих юкагирских языков (именуемый юкагирским диалектом в литературных источниках). – *Перевод наш.*

ТЮ и ЛЮ действительно можно считать отдельными языками кластера, т.н. юкагирской языковой семьи, в которую входили также языки омоков и чуванцев. Сравнение слов более ранних источников также подтверждает наименьший процент совпадений. Г.Н. Курилов проанализировал словарь Ф. Матюшкина («Собрание слов чуванского и омоковского языков», 1841) и обнаружил, что количество общих для ТЮ и ЛЮ лексем составляет ок. 35% [Курилов, 2003, с. 36]. Эти слова схожи по значению, а их фонетико-графический облик совпадает либо полностью (ТЮ-ЛЮ *мэт* ‘я’, *ханьин* ‘когда’, *көнмэ* ‘напарник’, *читнэй* ‘длинный=есть=он’, *анньэй* ‘говорит=он’, *йахтэнги* ‘поют=они’, эл ‘не’), либо частично (ТЮ *сугудьэ*, ЛЮ *шубэдьэ* ‘сердце’; ТЮ *гуниль*, ЛЮ *куниль* ‘десять’, ТЮ *паралиш*, ЛЮ *пажилышим* ‘щекочет=он’).

Возникает вопрос: в какое время и по каким причинам начался процесс дивергенции? По мнению исследователей, в кон. II тыс. до н.э. – нач. I тыс. до н.э. на довольно обширной территории современной Якутии уже существовали два праюкагирских ареала – североюкагирский и южноюкагирский, на что указывают совпадающие глоттохронологические (1350 г. до н.э.) и археологические датировки (1300 г. до н.э.). Эти ареалы были достаточно географически удалены друг от друга, чем на это указывают источники XVII–XIX вв., следовательно, занимаемая праюкагирами территория в конце III тыс. до н.э. была намного значительней и соотносится с носителями «вафельного» ымыяхтаха. С третьей четверти II тыс. до н.э. (ок. 1300 г. до н.э.) на территории Якутии начинается распространение усть-мильской культуры (возможно, мигранты из Прибайкалья), поглотившей южных ымыяхтахцев, ставших предками носителей южноюкагирских языков, но не затронувшей северных ымыяхтахцев, предков носителей североюкагирских языков. Это время явилось началом, а усть-мильская культура – причиной распада общеюкагирского ареала, обособления и разделения культур, в первую очередь, по языку [Немировский, 2017, с. 64–65, 67]. Позднее обособившиеся юкагирские ареалы начали менять свои границы и удаляться друг от друга под влиянием как постоянно соседствующих культур – коряков и чукчей, так и пришлых – тунгусов (с XII в.), якутов (с XVI в.) и русских (с

XVII в.). Контакты между юкагирскими племенами ослабевали.

Между тем изолированное нахождение в окружении других народов со временем привело к нарастанию языковых различий. С одной стороны, одним из факторов этого стало распространенное издавна на Севере многоязычие. «Группа говорила на собственном языке, на языке соседней группы и на некотором третьем языке, который служил языком-посредником при общении с теми, кто не знал первых двух языков» [Вахтин, 2016, с. 15]. Юкагиры могли говорить не только на собственном, родном языке, но и на чукотском, эвенском, якутском и русском, при этом якутский обычно выступал языком-посредником. Следствием многоязычия явились заимствования и языковой сдвиг. Исследователи отмечают в ЛЮ выраженное проявление русской лексики, начиная от заимствований и кончая подменной и утратой исконных слов (напр., рус. *тобоко* вместо ЛЮ *пубэл* ‘собака’), явлений русской грамматики (напр., замена исконных грамматических категорий соответствующими русскими эквивалентами: рус. *надо* вместо долженст. *-можши/-мииби*), а также случаи переключения, смешения и склеивания кодов (напр., *красный лиса надонгоол дуу?* ‘красная лиса нужна ли?’) [Иохельсон, 1900, с. 158; 1934, с. 150; Крейнович, 1958, с. 245–254; 1968, с. 451; Курилов, 2003, с. 229, 234; Туголуков, 1979, с. 131; Бурыкин, 2002а, с. 297; 2003, с. 2006; Курилова, 2017, с. 354; Fortescue, 1998, р. 164–165; Maslova, 2003, р. 25–27; Matič, 2008]. В этом отношении ТЮ оказался менее подвергнут иноязычному влиянию, ограничившись культурными заимствованиями [Иохельсон, 1934, с. 150; Крейнович, 1958, с. 248; Курилов, 2003, с. 213]. Принято считать, что этнические меньшинства начали прогрессивно утрачивать свои языки в 70-х гг. XX в. Однако в случае с юкагирами процессы языкового сдвига имели место еще в начале XX в., о чем свидетельствовал В.И. Иохельсон, отмечавший распространенный полиглотизм среди юкагиров и случаи утраты некоторыми группами юкагиров своего языка и перехода на якутский или русский [Иохельсон, 2005, с. 90–91]. По состоянию на 2010 г., процент людей, указавших юкагирский язык родным, составляет

менее половины (44%). При этом почти 100% опрошенных указали на знание русского языка и почти 50% – якутского.

Наименьшее влияние со стороны иноязычного окружения стало одной из причин, по которой Г.Н. Курилов предложил заложить ТЮ в основу литературного языка юкагиров. При этом учитывались и другие факторы – численность носителей, распространенность, преподавание и письменность.

Так, в конце 80-х гг. XX в., когда началась деятельность по выработке ЮЛЯ, 356 человек указали юкагирский язык родным (перепись 1989 г.), из которых в РС (Я) ТЮ владели ок. 150 чел., а ЛЮ – ок. 50 чел., 20% и 10% соответственно от 60 лет и старше [Вахтин, 2001, с. 178; Nikolaeva, 2008]. На сегодня, при общей численности владеющих в 311 человек (перепись 2010 г.), ТЮ владеют 275 чел., а ЛЮ – 36 чел. Однако, согласно статистике полевых исследователей, заявлять можно лишь о менее 50 носителях ТЮ и менее пяти носителях ЛЮ в возрастном диапазоне от 60 и старше [Шадрин, 2014, с. 11–12; Оде, 2016, с. 500; Прокопьева, 2016, с. 616]. И в период создания ЮЛЯ, и в настоящее время сохраняется преобладание юкагирского населения, владеющего ТЮ. Выраженная противоречивость официальных и неофициальных данных связана с нечеткостью понятия «родной язык» (либо это язык, усвоенный в детстве, либо – язык, омонимичный этнониму) и потребностью в этнической самоидентификации [Вахтин, 2016, с. 9, 38, 41].

В плане территориального распространения ареал ТЮ проходит по нижнему течению р. Колыма, главным образом в сс. Андрюшкино и Колымское, а также в отдельных оленеводческих стойбищах в тундре. Единичные носители ЛЮ есть в с. Угольное и п. Зырянка Верхнеколымского района РС (Я), в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Использование юкагирского языка в целом ограничивается исключительно рамками семейно-бытового и производственного общения. Среди более молодого поколения наблюдается рецептивное знание родного языка [Бурькин, 2002а, с. 297; Харитонов, 2016, с. 13].

В истории преподавания юкагирского языка хронологическим началом является 1980 г. с введением преподавания ТЮ в школе с. Ан-

дрюшкино как предмета. Позднее, в 1986 г. в учебную программу школы с. Нелемное было введено преподавание ЛЮ сначала на факультативной основе, а с 1990 г. – как предмета в начальных классах. С недавнего времени ТЮ начали преподавать и как предмет, и факультативно в школах п. Черский и с. Колымское Нижнеколымского района, а также в с. Казачье Усть-Янского района [Горохова, 2017, с. 11]. Юкагирский язык преподается в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова (Якутск) и Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). С 2016 г. года началось обучение юкагирскому языку на общественных началах с помощью whatsapp-приложения. Однако именно через детские сады и школы, по убеждению Г.Н. Курилова, «должна начаться судьбоносная работа по распространению литературного языка и постепенному переходу юкагиров на единый язык» [Курилов, 2003, с. 15].

Юкагирский язык принято относить к т.н. младописьменным (новописьменным) языкам советского периода. В то же время, по мнению исследователей культуры юкагиров, ранней формой юкагирской письменности необходимо считать идеографическое (пиктографическое) письмо на бересте, называемое *шангар-шорилэ* (букв. ‘письмо на коже дерева’) или *тос* (от як. туос ‘береста’). Эта система письма, используемая как средство общения между кочевниками для передачи информации, возникла не позже XVII в. и просуществовала до конца XIX в. [Иванова-Унарова, 2017, с. 44]. Впервые она была обнаружена у лесных юкагиров С.М. Шаргородским в 1892 г. и позднее дополнена В.И. Иохельсоном в 1896 г. Письмена представляли собой условные знаки, нанесенные линиями или пунктирными точками с помощью костяного шила или кончика ножа на очищенную внутреннюю сторону бересты [Иохельсон, 2005, с. 610; Вахтин, 2016, с. 27]. Пиктографическое письмо юкагиров принято делить в хронологическом аспекте на ранние пиктографические рисунки с символическими знаками и поздние сюжетные графические рисунки, по типу – на женские и мужские. Женские письма использовались в качестве любовных писем, адресованных мужчине. Условные знаки в таких письменах в совокупном прочтении передают состояние души

человека, его мысли и душевные переживания, симпатию и любовь по отношению к другому человеку. Мужские (или маршрутные) письма более реалистичны и разнообразны по сюжету. Они могли содержать и передавать довольно объемную информацию о том, что, кто и где находится и чем занимается, какие события произошли, и даже эмоциональные взаимоотношения людей через серию сцен, изображенных на одной бересте. У тундренных юкагиров подобные письма не обнаружены, что связано, по мнению исследователей, либо с их утратой, либо с отсутствием бересты в местах их проживания [Иохельсон, 1898, с. 287–289; Туголуков, 1979, с. 107; Иванова-Унарова, 2014, с. 65; 2017, с. 40–43]. С появлением бумаги и буквенного письма необходимость в «берестяной почте» и пиктограммах отпала, что не позволило идеографической письменности юкагиров выйти на более сложный уровень.

Официально юкагирская письменность на основе кириллицы с использованием диакритических знаков появилась в 1969 г. с изданием первого произведения на ТЮ – поэмы-сказки Г.Н. Курилова «Человек и Красный Зверь». Диакритические знаки, типичные для латиницы, усложняли письмо, затрудняя чтение и понимание текста, в чем признавался сам автор, что и сподвигло его на оптимизацию юкагирской графической системы, поиск графем, которые были бы более удобны, а главное «экономичны» в написании и для восприятия. Беря во внимание факт знания юкагирами якутского языка, поэт и ученый Г.Н. Курилов принимается за разработку правил орфографии юкагирского языка. В частности, была уточнена графическая система, как, например, замена диакритиков с апострофом графемой с мягким знаком ($\partial' > \partial\text{ь}$, $л' > л\text{ь}$, $н' > н\text{ь}$, кроме $т' > ч$), замена диакритиков $к$ и $х$ графемой фонемы $х$, замена диакритиков со знаком долготы графемой долгого монофтонга ($а: > аа$, $и: > ии$, $о: > оо$, $э: > ээ$), замена графемы фонемы w графемой фонемы $в$. В последнем случае у графемы щелевой фонемы w долгая и непростая история. Фонема w есть только в ТЮ (*вальбэ* 'друг', *хонмарав* 'карус'), в ЛЮ ее нет. В связи с отсутствием в 1970-х гг. XX в. литеры с буквой w в гарнитуре типографии Якутского книжного издательства Г.Н. Курилов заменил ее на y (*уальбэ*, *хонмараву*). В таком

звуковом раскладе исследователь-лингвист Е.А. Крейнович усмотрел дифтонгизацию двух сопряженных гласных i , со своей стороны, предложил использовать графему $в$ с двойным апострофом (*в''альбэ*, *хонмэрав''*). Сознательно избегая загруженности диакритиками, Курилов остановил свой выбор на графеме $в$ без каких-либо знаков (*вальбэ*, *хонмэрав*) [Курилов, 2011, с. 68–69]. В 2017 г. Гаврил Николаевич все же инициировал введение графемы w вместо $в$, считая, что она более адекватно и полно передает звучание юкагирских слов.

Эти и другие нормы графики и орфографии были изложены Г.Н. Куриловым в «Правилах орфографии юкагирского языка» (1987), разработанных с целью обеспечения единообразия передачи слов и грамматических форм речи на письме, а также для облегчения усвоения письменной формы родного языка. Если у тундренных юкагиров на основе выработанной регламентации в языке велось преподавание в школах, издавались учебные пособия и книги для детей, то в отношении ЛЮ эти нормы не совсем прижились ввиду существенных различий лексики и недостаточной изученности фонетики обоих диалектов. Таким образом, ЮЛЯ отличается от традиционного понятия литературного языка, предполагающего наддиалектность и единообразие. Наддиалектность соотносится с обработанностью, направленной на достижение общенародного употребления и нормативности. Обособление ЮЛЯ от одного диалекта Г.Н. Курилов видит в объединении черт ТЮ и ЛЮ через использование диалектного материала не только этих двух сохранившихся диалектов, но и других несохранившихся, но зафиксированных в различных документах юкагирских диалектов. Например, слово *йэнгилэ* 'огонь' из словаря П. Палласа Г.Н. Курилов предлагает использовать для обозначения понятия 'костер' (ср. ТЮ *лачил*, ЛЮ *лосыл* 'огонь'), или же другие слова, как *суута* 'город', *аачель* 'судно', *маньэ* 'собака определенной породы' и др. Если же материал не позволяет решить проблему лакунарности, то, по его мнению, можно обратиться к генетически родственным языкам [Курилов, 2003, с. 39; см.: Nikolaeva, 2006, p. 20].

Другим аспектом становления литературного языка является модернизация языка, а именно развитие словаря, что могло бы способство-

вать решению задачи престижа и расширения сфер использования языка. Пути модернизации словаря Г.Н. Курилов видит в использовании различных способов совершенствования лексики, таких, как:

а) образование сложных слов через простое сложение (напр., ТЮ *өнидьэ* ‘песок’ + *лэгүл* ‘еда’ > *өнидьэлэгүл* ‘мука’) и через соединительные компоненты (напр., ТЮ *йуодии* ‘глаз’ + *-д- + аавиши* ‘одеяло’ > *йуодидаавиши* ‘очки’, *кэрэвэ* ‘корова’ + *-н- + нимэ* ‘дом’ > *кэрэвэннимэ* ‘хлев’) [Курилов, 2003, с. 66, 189, 194, 204];

б) аффиксальное образование слов с использованием словообразовательных возможностей языка (напр., ТЮ *лободьэ* = ‘мыться’ > *лободьяанубэ* ‘умывальник; баня’, *ураа* = ‘учиться’ + *-нубэ* ‘место, где что-л. делается’ > *ураанубэ* ‘школа’) [Курилов, 2001, с. 207; 2003, с. 67, 161, 168];

в) безаффиксальное образование слов путем субстантивации причастий (напр., ТЮ *аууол* = ‘быть свежим’ > *аууодьэ* ‘свежий’ > *аууодьэ* ‘свежесть’) [Курилов, 2001, с. 22];

г) безаффиксальное словообразование посредством конверсии (напр., ТЮ *аавэ* = ‘спать’ > *аавэ* ‘сон’, *худуол* = ‘лежать’ > *худуол* ‘лежание’) [Курилов, 2003, с. 173–174];

д) расширение значения имеющихся слов (напр., ТЮ *йуору* = ‘царапать; чесать’ + ‘говорить колкости’, *чонгичэ* ‘защитник’ + ‘адвокат’) [Там же, с. 187];

е) семантическая дифференциация диалектных слов (напр., ТЮ *көдэ* ‘человек’, ЛЮ *шоромо* ‘человек’ > *шоромо* ‘важный человек’) [Там же, с. 182–183].

В последнем способе Г.Н. Курилов видит возможности для перспективной унификации ЮЛЯ и сохранения языкового своеобразия обоих находящихся под угрозой исчезновения диалектов. Такой способ модернизации, предложенный ученым, предполагает включение в общеюкагирский язык слов, расхожих по звучанию, но тождественных по семантике с противопоставлением их значений по смысловым оттенкам (ТЮ *хомоньэ* =, ЛЮ *ньонуо* = ‘быть голубым, быть зеленым’ > ЮЛЯ *хомоньэ* = ‘быть голубым, синим’, *ньонуо* = ‘быть зеленым, изумрудным’), стилевой принадлежности (ТЮ *йуодии*, ЛЮ *андьэ* ‘глаза’ > ЮЛЯ *йуодии* ‘глаза’, *андьэ* ‘очи’), экспрессивной наполненности

(ТЮ *эндэ* =, ЛЮ *тиэдуо* = ‘зажечь’ > ЮЛЯ *эндэ* = ‘зажечь’, *тиэдуо* = ‘пылать, гореть, ярко освещая и грея’) и др. [Курилов, 2003, с. 183, 185]. Качественное изменение лексической системы общеюкагирского языка в свою очередь, по мнению Г.Н. Курилова, способствовало бы развитию функционально-стилевой системы ЮЛЯ (напр., ТЮ *абучиэ* ‘бабушка’ > ‘акушерка’, *вэрвэ* ‘сила’ + ‘мощность’, *чонгичэ* ‘защитник’ + ‘адвокат’, *чугуол* ‘быстрота’ + ‘скорость’ и др.) [Там же, с. 187]. Словопроизводство возможно и за счет гибридизации диалектных материалов, которая уже имела место в юкагирском языке (напр., *ньанмэйэйэ* ‘верша’ < ТЮ *ньанмэ* ‘тальник’ + ЛЮ *йоуйо* ‘сеть’, *ньяачэхайр* ‘шкура с морды животного’ < ТЮ *ньяачэ* ‘лицо; морда’ + ЛЮ *хаар* ‘шкура’ и др.).

На наш взгляд, способ модернизации языка для выработки общенародного языка через дифференциацию значений диалектных слов положителен в том плане, что совершенствование идет на условиях родного языка. Вместе с тем данный вопрос требует дополнительного обсуждения. Не станет ли этот способ своего рода искусственным смешением/сближением диалектов, переплетение признаков которых в естественных условиях обычно приводит к образованию переходного диалекта? Не приведет ли это к ассимиляции одного диалекта другим, к истиранию границ между ними?

С другой стороны, мы считаем, что не менее важен при выработки ЮЛЯ принцип «взаимопомощи», при котором диалект, утративший один из исконных элементов, содействует другому через внесение своего материала на место утраченного в другом диалекте (напр., ТЮ *вэрвэ* ‘сила’ для ЛЮ *сиилэ* < рус. сила, ТЮ *маачэ* ‘аркан’ для ЛЮ *маамут* от эв. маавут ‘аркан’ и др.).

Основные тенденции развития и вместе с тем изменения любого языка связаны с взаимодействиями, проникающими в язык-реципиент из языка-донора по различным внутриязыковым и внеязыковым причинам. В истории юкагирского языка исследователи выделяют пять контактных периодов – XVII–XVIII вв., XVIII–XIX вв., вторая пол. XIX в. – 30-е гг. XX в., 30–50-е гг. XX в., нач. 60-х гг. XX в. – настоящее время. Для каждого периода характерны своя степень регулярности с одним из контактных

языков (чукотско-корякские, тунгусские, якутский, русский), ступени и формы билингвизма носителей языка-реципиента (активный/пассивный, односторонний/двусторонний, в зависимости от интеграционных процессов в стране в результате создания государства и миграций, чистый/смешанный и др.), типы трансфера (заимствования закрепленные и условные, вкрапления, гибридные образования) и их ассимилятивные особенности, изменения на различных уровнях языка (фонетика, лексика, морфосинтаксис) [Крейнович, 1958, с. 246–251; Курилов, 2003, с. 237, 242; Бурыкин, 2003; Matič, 2008; см. также: Курилова, 2015; 2016; Kurilova, 2017]. С одной стороны, способ обогащения лексического фонда языка через заимствования продуктивен по отношению к ЮЛЯ в плане, во-первых, обогащения языка, что сделало бы его более емким и выразительным, и, во-вторых, дифференциации и детализации заимствованного материала для расширения сфер и форм общественно-речевой практики. С другой стороны, существует опасность «засилия» юкагирского языка иноязычными словами, которые с 30-х гг. XX в. порой не подвергались никаким ассимилятивным процессам, являя собой варваризмы, время от времени вкрапляемые в речь. Главным образом, речь идет о прямых и опосредованных через якутский язык русизмах, принесших с собой в юкагирский язык фонетические и грамматические явления и нормы как языка-донора, так и языка-посредника. По мнению Г.Н. Курилова, подобные иноязычные слова и сопутствующие им явления, не свойственные языку-реципиенту, могут привести к ломке языка и его систем и, более того, препятствовать развитию его литературного стандарта [Курилов, 2003, с. 251, 272]. Во избежание подобной неблагоприятной перспективы Г.Н. Курилов предлагает целенаправленную адаптацию «чуждых» переносов через замену исконными словами (напр., ТЮ *пугулэндьэ* ‘обогреватель; дизельная станция’ < *пугулэр* = ‘согреть’ + субст. -*дьэ*) [Курилов, 2001, с. 390], создание новых слов (напр., ТЮ *пэлтэлданньэ* ‘то, что достигаемо’ или *виэйуолморав* ‘то, что должно быть сделано’ вместо як. *былаан* < рус. *план*) [Курилов, 2003, с. 265] или расширение значения исконных слов (напр., ТЮ *кэриэ* = ‘упасть, свалиться’ + ‘сняться (в кино); сфотографироваться’) [Курилов, 2001, с. 181].

Таким образом, мы можем видеть, что ЮЛЯ лишь проходит этап частичной апробации с конца XX в. Это совсем небольшой срок с учетом того, что выработка единых для определенного социума норм литературного языка и, в особенности, его устной формы – длительный и сложный процесс. Насколько это целесообразно в отношении юкагирского языка, для которого характерны младописьменность, ограниченное число носителей, расхождение диалектов по языковым системам и, как следствие, сложности с выработкой орфографических норм и путей совершенствования лексики общеюкагирского языка как основы ЮЛЯ со всеми его признаками общности и многофункциональности? По мнению А.А. Бурыкина, к понятию литературный язык применительно к языкам народов Севера необходимо подходить, исходя из тождества литературного языка и письменного языка, заключающегося не в официальных формах устного языка, а в их исключительно письменной форме [Бурыкин, 2002б]. С его точки зрения, письменные тексты, имеющие выраженные диалектные черты, не благоприятствуют скорому появлению литературного языка в традиционном его понимании, с учетом того, что сферы функционирования языков народов Севера, притом в письменной форме, существенно и неуклонно сужаются [Бурыкин, 2001]. Многие другие языковеды считают, что имеющиеся письменные памятники народов, их устная эпическая поэзия, формульные элементы в языке обряда и устного права обладают в своей совокупности теми же признаками наддиалектности и обработанности, которые характерны для литературного языка, поскольку прослеживается преемственность между обработанными формами языка дописьменного периода и языком более поздних жанров. В этом плане принципы формирования литературного языка для младописьменного языка имеют принципиально иную форму в связи с проблемой выбора «опорного» языка и исторически отличных условий, нежели у языков с длительной письменной традицией [Литературный язык, 1970, с. 39–41]. Тем не менее зачинатель и реформист юкагирской графики и письменности Г.Н. Курилов уверен, что благодаря верно выбранному направлению языковой политики государства и сознательному участию самих юкагиrow, разрабаты-

ваемый ЮЛЯ вберет в себя богатство фонетических, лексических и грамматических систем юкагирских диалектов и станет всеобщим достоянием юкагирского народа в разных сферах жизни [Курилов, 2003, с. 6, 12, 16, 67, 182, 186–187, 211–212, 269–273].

Литература

Бурыкин А.А. Лингвистические взгляды С.М. Широкогорова и общие проблемы литературных языков малочисленных народов Севера России в 30–90-е годы XX века // Широкогородские чтения. Проблемы антропологии и этнологии. – 2001. – С. 12–17. [Электронный ресурс]. URL: http://altaica.ru/LIBRARY/burykin/burykin_shorokogorof.pdf (дата обращения: 26.05.2018).

Бурыкин А.А. Юкагирский язык // Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002а. – С. 294–301.

Бурыкин А.А. О соотношении понятий «литературный язык» и «письменный язык» применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ: матер. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения члена-корр. РАН А.Н. Десницкой. – СПб., 2002б. – С. 33–40. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistic1/burykin-02.htm> (дата обращения: 21.05.2018).

Бурыкин А.А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагигов // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2003. – С. 169–180. (рукопись)

Бурыкин А.А. Переключение кодов, смешение кодов, кодовая парадигматика и проблемы идентификации смешанных форм речи: матер. XXXV Междунар. филол. конф. // Уралистика. – 2006. – Вып. 16, ч. 1. – С. 32–38 (рукопись)

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.

Вахтин Н.Б. Языки Сибири и Севера: матер. к учебнику. – СПб.: Нестор-история, 2016. – 48 с.

Горохова Р.Н. Йанугайл – центр возрождения этнокультурных традиций юкагигов // Илкэн. – 2017. – № 4. – С. 11.

Иванова-Унарлова З.И. Наследие древней культуры юкагигов и инуитов в современном искусстве Арктики // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. Искусство. Искусствоведение. – 2014. – № 2(3). – С. 63–68.

Иванова-Унарлова З.И. Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагигов // Фольклор палео-

азиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 36–45.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Известия ИРГО. – СПб., 1898. – Т. XXXIV, вып. 3. – С. 255–290.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. – 1900. – Вып. 1–4. – 654 с.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера / под ред. Е.А. Крейновича; под общ. ред. Я.П. Алькора. – Ч. 3. – М., Л.: ГУПИ, 1934. – С. 149–180.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: монография. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. – Л., 1968. – Т. 5. – С. 435–452.

Курилов Г.Н. Правила орфографии юкагирского языка. – Якутск: ЛОП ЯГУ, 1987. – 32 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Новый взгляд на статус юкагирских диалектов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества: матер. науч.-практич. конф., посвящ. десятилетию коренных народов мира (г. Якутск, 15 декабря 2004 г.). – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 270–271.

Курилов Г.Н. К вопросу о литературном языке юкагигов // Проблемы изучения и сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): матер. регион. науч.-практич. конф. (г. Якутск, 9 сентября 2011 г.). – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2011. – С. 68–70.

Курилова С.Н. Общая характеристика особенностей фонетической ассимиляции иноязычных лексических единиц в языке тундровых юкагигов // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: СамНЦ РАН, 2015. – Т. 17, №1(5). – С. 1162–1166.

Курилова С.Н. Специфика семантического освоения как разновидности заимствования в языке тундровых юкагигов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 1(43), ч. 4. – С. 66–69.

Курилова С.Н. Инолексика в фольклоре тундровых юкагигов как отражение историко-культурных

особенностей контактных ситуаций // Фольклор палеоазиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 353–363.

Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – 597 с.

Немировский А.А. Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотношения (пра)юкагиров // Фольклор палеоазиатских народов: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 59–70.

Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1996. – С. 155–168.

Оде С. Тундренный юкагирский язык // Язык и общество: энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 500–502.

Прокопьева П.Е. Язык лесных юкагиров // Там же. – С. 614–618.

Тугодуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.

Харитонов В.С. Юкагирские языки сегодня: социолингвистическая ситуация // Малые языки. – 2016. – № 2. – С. 9–21.

Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности юкагиров в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 9–19.

Fortescue M. Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence. – London / New York: Cassel, 1998. – 307 p.

Kurilova S.N. Foreign accessory morphemes in Yukaghir: Yakut word-building affix *-laa* // Proceedings of the 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts – SGEM–2017. – Book 3, Vol. 2. – P. 721–728.

Maslova E. Grammar of Kolyma Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. – 610 p.

Matić D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax // Sprachkontakt, synchron und diachron. In A. Casaretto, S. Kutscher (eds.). – Aachen: Shaker, 2008. – P. 93–124. (manuscript)

Nikolaeva I.A. A historical dictionary of Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 500 p.

Nikolaeva I.A. About the Yukaghirs // Finno-Ugrian Society. – 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sgr.fi/yukaghir/intro/yukaghirs.html> (дата обращения: 16.03.2018).

Сокращения

Долженст. – аффикс долженствовательного наклонения

ЛЮ – лесной диалект

Рус. – русский язык

Субст. – субстантиватор

ТЮ – тундренный диалект

Эв. – эвенский язык

ЮЛЯ – юкагирский литературный язык

Як. – якутский язык

S.N. Kurilova

Problems of Formation of the National Yukaghir Standard Literary Language

The article considers the issues on formation of the Yukaghir literary language and definition of its development priorities. The causes preventing the development of the literary norms have received special attention. The main cause is a large difference between the systems of two Yukaghir dialects survived to the present day. The difference has to do with, first, historical circumstances of the Yukaghir language formation, and second, foreign language influence. The phonetic and lexical differences between Tundra and Forest dialects suggest revising their status as separate, but closely related languages. As consequence, the alphabet and orthographical norms developed for the Yukaghir in general actually became property of Tundra Yukaghir speakers, but not fully of Forest ones. Therefore, an initiator of the Yukaghir writing and orthography G.N. Kurilov suggests to make efforts to codify their differences and finalize the existing norms and rules of the Yukaghir orthography. The orthographical reform proposed by him implies the modernization involving both survived Yukaghir languages, and vanished, but documented ones, i.e. using Yukaghir own word-building resources. The Yukaghir national language would enable to broaden the spheres and forms of its application.

Keywords: Tundra Yukaghirs, Forest Yukaghirs, Yukaghir language, idiom, dialect, literary language, written language, norm, modernization, word-building, borrowing, affix.

Система вербализации в эвенском языке (на материале нижнеколымского говора)

В статье рассматривается система глагольного словообразования в нижнеколымском говоре эвенского языка. Нижнеколымский говор, относящийся к западному наречию, обладает рядом отличительных черт на всех уровнях языка.

В ходе исследования выявлены пять структурных групп синкретических форм типа имя/глагол по их семантическому наполнению; определен инвентарь отыменных вербализаторов, характерных для нижнеколымского говора; описаны словообразовательные модели второобразных глагольных основ – использование в нижнеколымском говоре суффиксов залога, вида. В рассматриваемом говоре выявляется отсутствие совместной формы залога (социатива). Отмечаются следующие особенности в образовании и употреблении разрядов категории вида и способов глагольного действия: вид имитации действия образуется посредством особенной аналитической конструкции, отличающейся от восточных говоров; в говоре употребительны не отмеченные ранее в грамматических описаниях четыре формы глагольного вида: интенсивного однократного действия, постоянного действия, многократного ослабленного действия и замедленного действия с модальной оценкой жалости.

Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы автора, собранные во время полевых экспедиций в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2013–2015 гг.

Ключевые слова: эвенский язык; нижнеколымский говор, словообразование глаголов, отыменное словообразование, отглагольное словообразование.

Глагол занимает центральное место в грамматической системе эвенского языка благодаря не только значительному лексическому составу, но и богатому разнообразию грамматических категорий. Для образования эвенского глагола характерны два способа: суффиксальный и конверсия. Основным способом пополнения глагольной лексики в эвенском языке является суффиксальное образование новых глагольных основ. Глагольное словообразование рассматривается почти во всех диалектологических и грамматических работах по эвенскому языку, где представляется состав вербализаторов – глаголообразующих суффиксов, и, судя ним, принципы вербализации во всех эвенских говорах и диалектах в основном одинаковые [Sharina, 2017].

В эвенском языке глагольные основы членятся на непроизводные (корневые) и производные. В нижнеколымском говоре отмечается много непроизводных глагольных основ, которые не имеют словообразовательных элемен-

тов, и в настоящее время их сложно определить. В большинстве своем они совпадают с глагольными основами других говоров и диалектов, т.е. являются общеэвенскими. К ним можно отнести следующие глаголы: *бйдэй* 'быть', *бдай* 'стать', *н'эктэй* 'делать', *гāдай* 'взять', *бактай* 'найти', *тэвдэй* 'сесть', *тик-тэй* 'упасть', *ундэй* 'идти'. Данные основы отличаются лишь фонетическими особенностями нижнеколымского говора, например: *бүдэй* 'дать' (в вост. наречии *бөдэй*), *гүндэй* 'говорить' (в вост. наречии *гөндэй*).

Производные основы подразделяются на три вида: отыменные бессуффиксальные, отыменные суффиксальные, отглагольные суффиксальные.

Отыменные бессуффиксальные глагольные основы представляют собой синкретические формы типа имя/глагол. Они образуются от основ имен с помощью суффиксов времени и наклонения. Данные глаголы в соответствии с принципами семантической классификации,

разработанными С.Л. Чарековым [Чареков, 2004], можно сгруппировать на следующие типы синкретических форм.

Действие при помощи предмета, обозначенного исходной синкретической основой: *чэуэт* `удочка/ловить рыбу удочкой`, *гид* `копье/пронзить копьем`.

Действие, направленное на предмет, обозначенной исходной синкретической основой: *хэд`э* `эвенский танец / танцевать эвенский танец`, *талак* `строганина / строгать мороженое мясо или рыбу`.

Действие самого предмета: *гиавун* `рассвет / рассветать`, *хилэһ* `роса / падать росе`, *авди* `гром / греметь (о громе)`, *хунуэ* `ветер / дуть (о ветре)`.

Действие, обозначающее производство предмета или реализацию понятия: *гэрбэ* `имя / называть, именовать`, *хокан* `хвастовство, зазнайство, кичливость / хвастаться, зазнаваться, важничать`, *бэргэ* `жирный, толстый / жиреть, толстеть`.

Действие в сфере предмета или состояние предмета: *удь след* / идти по следу, *нулгэ* `кочевье / кочевать`.

Приведенные типы действий, представляющие собой синкретические формы типа имя / глагол, в нижнеколымском говоре являются менее продуктивной группой, чем глагольные основы, образующиеся при помощи суффиксов.

Отыменные суффиксальные глагольные основы образуются от именных основ с помощью специальных суффиксов. Для нижнеколымского говора характерны следующие из них:

-да/-дэ, -та/-тэ образуют от имен существительных глаголы со значением действия с помощью предмета, использования предмета, например: *тэдэнтэдэй* `пользоваться подстилкой из оленьей шкуры` (от *тэдэн* `подстилка, шкура оленя, используемая в качестве подстилки`), *лохогайдадай* `танцевать юкагирский танец` (от *лохоганули* `юкагирский танец`), *чалмидадай* `кушать кишки оленя, лося` (от *чалми* `кишки`);

-р/-ра/-рэ, -ла/-лэ, являющиеся вариантами суффикса **-да/-дэ**, образуют глаголы от основ имен существительных и прилагательных со значением действия с помощью данного предмета, использования предмета, и со значением приобретения данного признака, например:

алклайдай `запрягать в лямки` от *алк* `упряжь, лямка`, *убурдай* `поднять, приподнять` от *убук* `верхний`, *хунэрудэй* `поправить` от *хун* `прямой`;

-лба /-лбэ от имен существительных и прилагательных образует глаголы со значением приобретения данного предмета или признака, например: *кутл`элбукэндэй* `уменьшить в размере` от *кутл`эн* `маленький`, *улбэдэй* `состариться` от *утэрэп* `древний, вековой`;

-г /-ги от имен существительных образует глаголы со значением изготовления или употребления предметов, например: *харандай* `устраивать место для полога в юрте` от *харан* `место для полога в юрте`, *алтадай* `снимать со шкуры мездру` от *алтá* `мездра, пленка`, *ивэдэй* `щепать лучину` от *ивэллэ* `лучина`;

-т/-та от основ существительных образует глаголы со значением обладания: *тэтуттэй* `иметь, носить одежду` от *тэти* `одежда`;

-ти от имен существительных образует глаголы со значением употребления данного предмета, например: *үмтидай* `кушать костный мозг` от *үман* `костный мозг`, *хактидай* `есть печень животного` от *хакан* `печень`;

-ла/-лэ от некоторых неодушевленных существительных образует глаголы со значением отправления за предметом: *ондйладай* `пойти за водой` от *ондй* `вода`, *голладай* `пойти за дровами` от *гол* `дрова`;

-ли от некоторых существительных образует глаголы со значением сбора предметов, указанных основой: *ондйлидай* `носить воду` от *ондй* `вода`, *голлидай* `заготавливать дрова` от *гол* `дрова`;

-л от основ имен существительных и прилагательных образует глаголы со значением наступления состояния, например: *хэрилдэй* `светать` от *хэрин* `свет`, *хатярлдай* `темнеть, наступать темноте` от *хатяр* `темнота, темный`;

-у от имен существительных образует глаголы с различным значением, например: *алудай* `запрягать` от *ал* `упряжь, лямка`, *инудэй* `навьючить` от *ин* `вьюк`.

Отглагольные суффиксальные основы образуются при помощи специальных суффиксов различных категориальных форм глагола. Новые глагольные основы от глаголов – второбразные глагольные основы – образуют суффиксы залога, вида.

В описаниях эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков принято называть залоговыми формами несколько категорий, способных изменять актантную структуру глагольной словоформы. Обычно на основе морфологических критериев в эвенском языке выделяются формы действительного, страдательного, средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов. При ином подходе к описанию грамматики эвенского языка те же формы рассматриваются как особые категории глагольного формообразования в рамках функционально-семантической категории залоговости [Роббек, 2007].

В нижнеколымском говоре, впрочем, как и в других говорах и диалектах эвенского языка, наиболее распространенной формой употребления глаголов в речи является **действительный залог**, который охватывает практически всю глагольную лексику и является исходной для образования других залоговых форм. Он не имеет специального морфологического показателя. Примеры: *Д'албу эрэгэр орандула ховнодиттан*. 'Родители мои всегда в оленеводстве работали'. *Гуд'эйэ-ке, ноһартан унтот тонэчин манүд'ин гумми сентябрыла иһтала тачйин бивэткэрэчэл ач унтолач*. 'Бедные, они, чтобы сохранить унты, до сентября ходили босиком'. *Тадук би туннан хутэлкэн биһэм, кутл'эн н'арикакаму туннан классла таттһан*. 'Так что я имею пятерых детей, младший сыночек в пятом классе учится'.

Форма страдательного залога (пассив) в эвенском языке образуется от переходных и от непереходных глаголов, единственным условием преобразования активной конструкции в пассивную является наличие субъекта и объекта, выраженных существительными или местоимениями, принадлежащими к классу активных имен (чаще всего это обозначения людей, изредка животных). Формы страдательного залога в нижнеколымском говоре образуются при помощи суффикса -в/-ав-/-эв-/-ив-/-м-: *мāvдай* 'быть убитым', *бакавдай* 'быть найденным', *дебэвдэй* 'быть съеденным', *д'айивдай* 'быть спрятым', *һэпкэмдэй* 'быть пойманным'.

Конструкции с переходными глаголами, имеющими инактивное дополнение, не преобразуются в страдательные. Для непереходных глаголов условием перехода исходной активной кон-

струкции в пассивную является наличие в группе субъекта притяжательных словосочетаний. Одной из особенностей преобразования активных конструкций в пассивные в эвенском языке является возможность смещений в позицию субъекта пассивной конструкции любого члена притяжательного словосочетания в субъектных и объектных группах.

Различий в плане образования пассивных форм глагола и правил преобразования активных конструкций в пассивные в нижнеколымском говоре не наблюдается. В речи информантов пассивные обороты употребляются редко, например: *Алыс бадич ичулчэ биһим, ол иһин мину гэрбуврэтэн илкэдит* «Бад'и». 'Рано утром на свет появилась, поэтому по-эвенски я называюсь «Бади».'

гэрбу-в-рэ-тэн
имя-PASS-PRS-3Pl

Тур ймандат даһавран. 'Земля снегом покрыта'.

дах-ав-ра-н
покрыть- PASS-PRS-3Sg

Средневозвратный залог (рефлексив) обозначает действие, которое исходит от объекта и направлено на него же или как бы происходит само по себе. Форма средневозвратного залога в эвенском языке образуется от относительно ограниченного числа глаголов, в основном каузативных по семантике: основное значение данной формы является декаузативным. Формы средневозвратного залога образуются от основ глаголов посредством присоединения суффикса -б/-п, например: *бактай* 'найти' – *бакаптай* 'найтись', *эмэндэй* 'оставить' – *эмэптэй* 'остаться'.

Насколько можно судить по материалам, в нижнеколымском говоре формы средневозвратного залога употребляются весьма активно, нежели аналогичные формы в восточных диалектах, при этом формы средневозвратного залога представлены не только в личных формах глаголов, но и в причастных и деепричастных формах, например: *һаһананча* 'сшитый', *бэрипчэ* 'потерянный', *эмэпникэн* 'оставаясь'. Примеры: *Мэнкэһэл д'омкачилда, эрдин стада миан умэн стада ойдун тала бэкэчэн илэ-тала нодуракат, йак һулабдин*. 'Сами подумайте, эти одиннадцать стад, если разбросаем повсюду, то, что останется'.

Гула-б-ди-н

остаться-RFL-FUT-1Sg

Мут ачча оракат турэнти бэрибд'ин. 'Когда нас не станет, язык (наш) исчезнет'.

бэри-б-д'и-н

потеряться-RFL-FUT-1Sg

Чакыпча абдув туйэлэ нэн. 'Собранные вещи в суму положила'.

чак-ап-ча

собрать-RFL-PART.PRF

Побудительный залог (каузатив) указывает на субъект, который побуждает, заставляет другое лицо совершить действие. Формы побудительного залога образуются в эвенском языке от неограниченного круга глаголов посредством присоединения к основе суффикса -вкан-/-вкэн-/-укан-/-укэн-/-мкан-/-мкэн-. Различий в образовании форм побудительного залога в говоре не наблюдается. Формы побудительного залога в говоре активно употребляются и в причастных, и в деепричастных формах, например: *эрэлукэн-чэ* 'огибал', *уэлукэтникэн* 'пугая', *д'эбукэниди* 'покормив'.

Примеры: *Өлөрэ турэн бэжэчэн бэйч биһин, тур ховнаримдас урэчин биһин, илэ нэнд'инди тала бэйил, илэ исчинди, тала бэжэчэн стада илаттан, орандари бэй туһуканд'иддин ичувэрэн, «Буранат» кун'авканд'иггарар эргидэлэ, илувэт-тэ нэнэддэжэһин уин гоганни иһэнгэрэн.* 'Раньше в Олеринской тундре везде были люди, как будто земля шевелилась, куда ни пойдешь, везде люди, куда ни посмотришь, там везде стадо стоит, на оленях люди как едут видно, здесь на «Буранах» мчатся, а там слышно, как собаки лают'.

кун'а-вкан-д'и-ггара-р

мчатся-CAUS-PROC-ITR1-3PI

Д'эбукэнд'ип болла хурэлбур. 'Детей же своих покормим'.

д'эб-укэн-д'и-н

кушать- CAUS-PROC-FUT-1PI

Взаимная форма залога (реципрок) показывает взаимодействие двух или нескольких субъектов одновременно друг с другом. Формы взаимного залога образуются обычно от переходных глаголов (от непереходных глаголов они имеют значение совместности) посредством суффикса -мат/-мэт, -мач/-мэч: *тидэй* 'отнять', – *тисчимэттэй* 'отнимать друг у друга', *укчэн-дэй* 'говорить' – *укчэнмэттэй* 'беседовать друг с другом (владеть каким-то языком)'. Реципрок

представлен в говоре не только в личных формах глаголов, но и в причастных, и деепричастных, например: *иһчимэчэддил* 'соревнующиеся', *куниматникан* 'покрикивая друг на друга, аукаясь'.

Примеры употребления форм взаимного залога: *Ичэһмэткэрэрэн, муһэмгэрэрэн мэнкэхэл букатын ат турэнэ.* 'Друг на друга посматриваем и улыбаемся друг другу без слов'.

ичэ-һ-мэт-кэрэ-рэ-п

смотреть-HAB2-REC-ITR1-PRS-1PI

Би н'ан ноһартун'ун умэтту укчэнмэткэрэрэм. 'Я тоже с ними вместе разговариваю'.

укчэн-мэт-кэрэ-рэ-м

разговаривать- REC-ITR1-PRS-1PI

Совместная форма залога (социатив) обозначает действие двух или нескольких субъектов, совершающих действие совместно. Форма совместного залога образуется в эвенском языке посредством суффикса -лда-/-лдэ-: *оукалдадай* 'пасться совместно в одном месте (о животных)', *гөлдэдэй* 'договориться, прийти к соглашению'. В материалах нижнеколымского говора данная форма залога не обнаружена. Значение совместности передается через использование имен существительных и местоимений в совместном падеже.

Итак, в описываемом говоре можно выделить следующие особенности в образовании и употреблении форм залога: в говоре употребительны действительный залог, страдательный, средневозвратный, побудительный и взаимный. Отмечается отсутствие совместной формы залога (социатива). В разговорной речи нижнеколымских эвенов страдательные конструкции и пассивные обороты употребляются редко. Формы средневозвратного залога в говоре употребляются весьма активно, при этом данные формы представлены не только в личных формах глаголов, но и в причастных и деепричастных формах.

Глагольные формы, выражающие различные оттенки протекания действия, в научной литературе по эвенскому языку получили название **видовых форм глагола**. Они не обойдены вниманием во всех грамматических очерках, диалектологических работах, им посвящены и специальные монографические исследования. Однако, несмотря на это, как в отдельных диалек-

тах, так и в нижнеколымском говоре можно обнаружить некоторые показатели характера протекания действия, не отмеченные в известных работах.

Виды эвенского глагола, выражающие характер протекания действия, по семантическим и грамматическим характеристикам дифференцируются на шесть аспектуальных групп [Роббек, 1982; 2007, с. 359]. Арсенал видовых форм в нижнеколымском говоре в соответствии с данными аспектуальными группами представлен достаточно широко.

Аспектуальная группа фазы действия включает видовые формы, выражающие различные этапы протекания действия.

Форма начинательного вида имеет значение начала действия, образуется посредством суффикса -л, например: *ауадай* 'открыть' – *ауалдай* 'начать открывать', *дуктай* 'написать' – *дукалдай* 'начать писать'. Примеры употребления формы начинательного вида в говоре: *Эн'му алыс гор икэрикэн би икэдникэн хонод' алгарарам.* 'Когда мама долго пела, я начинала плакать'.

Хонод'-ал-гара-ра-м

плакать-PROC-INCH-ITR1-PRS-1Sg

Ноунан н'ан һадун укчэнэлгэрэн. 'Она тоже иногда начинает разговаривать по-другому.'

укчэнэл-л-гэрэн

разговаривать- INCH - ITR1-3Sg

Форма несовершенного вида (имперфектив), выражающая незавершенность действия на момент высказывания или длительность действия, образуется посредством суффикса -д/-д'-: *тикэй* 'упасть' – *тикэддэй* 'падать', *илдай* 'встать' – *иладдай* 'стоять', *гөндэй* 'сказать' – *гөндиддэй* 'говорить'.

Примеры употребления форм несовершенного вида в говоре: *Д'албу эрэгэл орандула һовноддитан.* 'Родители мои всегда работали в оленеводстве'.

Һовно-д-ди-тан

работать- PROC-PST-3Pl

Тар курин' н'экэддэм, алыс наһа эдэн һонда, ноунантикин би кэн'элив эчин бидэн һурдэку. 'Нарочно так делаю, чтобы сильно не плакал, пусть для него я буду плохой, когда уйду.'

н'эк-эд-дэ-м

делать- PROC-PRS-1Sg

Форма продолженного вида (дуратив), выражающая длительное состояние, сохраняемое на

момент речи или момент отсчета времени относительно другого действия, образуется посредством суффикса -т/ч-: *тэгдэй* 'сесть' – *тэгэттэй* 'сидеть', *илдай* 'встать' – *илаттай* 'стоять'.

Примеры: *Амму д'апканмиар надан ануаниуннай иһтала тэгэттин.* 'Отец мой прожил до восьмидесяти семи лет.'

тэг-эт-ти-н

сидеть-DUR-PST-3Sg

Тар мину боллар амму экэнни иргэттин. 'А меня воспитала сестра моего отца'.

иргэ-т-ти-н

воспитывать- DUR-PST-3Sg

Аспектуальная группа кратности действия (итеративный вид) включает специальные показатели разнообразных оттенков многократности, многообъектности действия.

Форма вида неоднократно совершаемого действия (итератив 1), выражающая многократно совершаемое действие, образуется посредством суффикса -гра/-грэ//гара/-гэрэ//ура/үрэ: *мадай* 'убить, добыть' – *маградай* 'убивать, добывать', *гөндэй* 'сказать' – *гөүгрэдэй* 'говорить (неоднократно)'. В нижнеколымском говоре суффикс может принимать вариант -вра. Примеры употребления в говоре: *Ирили одакан тала уэнгэрэн, һайтав чикинаврапан.* 'С наступлением лета туда едем, сено косим'.

уэн-гэрэ-п

ехать-ITR1-1Pl

чикина-вра-ра-п

резать-ITR1 -PRS-1Pl

Форма вида многократного действия (итератив 2) обозначает многократное, часто наблюдаемое действие, образуется посредством суффикса -кат/-ч//кэт/-ч, например: *нулгэдэй* 'кочевать' – *нулгэкэттэй* 'кочевать (кочевать непродолжительно, часто или во многих местах)', *идэй* 'заходить' – *икэттэй* 'заходить часто (во многие дома)'.

Примеры: *Тадук эчин эрэликки унэм одид'ур тадук эн'эн'ун оралбу мултукатча, йав ок ит-чир куна эрэ, йак эрэ.* 'Построив чум, с матерью освободили оленей, когда они могли заметить, дети там, или что'.

мулту-кат-ча

освободить-ITR2-PART.PRf

Тиниттук һимнэкэттэм, тигэми билгову йан. 'Со вчерашнего дня кашляю, поэтому горло болит'.

химнэ-кэт-тэ-м

кашлять- ITR2-PRS-1Sg

Форма вида многообъектного действия (итератив 3) обозначает действие, направленное на множество объектов, или действие, разбиваемое на разные пространственные сферы. Образуется посредством суффикса -н/-н': *мадай* 'убить' – *мандай* 'убить нескольких, добыть нескольких животных', *нулгэдэй* 'кочевать' – *нулгэндэй* 'кочевать и кочевать (неоднократно, в разных местах)'. Например: *Кутл'эн куна эрэк уркэлэ нандан*. 'Маленький ребенок постоянно натывается на эту дверь'.

на-н-да-н

наскочить- ITR3-PRS-3Sg

Форма вида обычно совершаемого действия (хабитуалис 1), выражающая относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи, образуется при помощи суффикса -ват/-ч//вэт/-ч-: *гадай* 'взять' – *гаваттай* 'обычно брать', *гөндэй* 'сказать' – *гөвэттэй* 'обычно говорить'.

Примеры: *Тала учуталажат гиркавачатгаран*. 'Там учитель наш обычно прохаживается.'

гирка-вач-ат-гара-н

шагать-НАВ1-DUR-ITR1-3Sg

Ган няри хүтэлбу бэкэчэн тик пастуктар, стадала ховнада, нулгэвэчиддэ. 'Остальные сыновья все сейчас пастухи, работают в стаде, кочуют постоянно'.

нулгэ-вэч-ид-дэ

кочевать- НАВ1-PROC-3P1

Форма вида длительно-многократного действия (хабитуалис 2), выражающая длящееся продолжительное время и многократно или постоянно совершаемое действие, образуется посредством суффикса -с, например: *нөдэй* 'выйти' – *нөстэй* 'выходить', *эмдэй* 'прийти' – *эмэстэй* 'приходить' (многократно). В нижнеколымском говоре суффикс произносится как -h.

Примеры употребления в говоре: *Н'ари буйуһгэрэн, буйуһниди, һурми боуқан дован умуврэн*. 'Мужчина охотится, поохотившись, приносит внутренности добычи'.

буйу-һ-гэрэ-н

охотиться-НАВ2-ITR1-3Sg

Эчин һунуэ долан эчин имандав эчин чоукоһгарача, эчин көйткэрэчэ тарак турлэ бичэ биһэн гуһнэчэ. 'Вот так в пургу выгребал снег, всматривался и говорил, где находимся'.

чоуко-һ-гара-ча

выгребать- НАВ2-ITR1- PART.PRF

Форма вида длительного ослабленного действия (континуатив) обозначает длительное или многократное действие, совершающееся с малой интенсивностью, скоростью. Образуется посредством суффикса -дьян/-дьян'//-ден/-ден': *ундэй* 'идти' – *унэндэндэй* 'идти (тихо, медленно, не спеша, с затруднениями)', *гөндэй* 'сказать' – *гөндидэндэй* 'говорить (медленно, неторопливо)'.
Примеры употребления форм вида длительного ослабленного действия в говоре: *Илэ-тала тэгэтникэн ирэв-тарав ичукэткэрэн, эрэгэл укчэнэд'эүгэрэн*. 'Садился там-сям и показывал всякое, всегда о чем-то рассказывал'.

укчэнэ-д'эү-гэрэ-н

рассказывать-CON-ITR1-3Sg

Эрэк этикэн илдид'и н'ан тэгэһниди колад'андан. 'Этот старик, зайдя, сел и стал неторопливо курить'.

кола-д'ан-да-н

курить-CON-PRS-3Sg

Аспектуальная группа направления действия объединяет виды глагола, которые выражают действие, совершение которого сопряжено с пространственным перемещением или смещением во времени относительно других действий.

Форма отправительного вида (департур 1) указывает на действие, сопровождающееся передвижением действующего лица. Образуется посредством суффикса -на/-нэ, например: *мадай* 'добыть' – *манадай* 'идти добывать', *иттэй* 'видеть, смотреть' – *итнэдэй* 'идти смотреть'.

Примеры употребления в говоре: *Орарбу итнэдэи нэкэддэн*. 'Собирается идти посмотреть на оленей'.

ит-нэ-дэи

смотреть-DEP1-INF

Голу чикинадан. 'Дрова рубить идет (он)'.

чики-на-да-н

рубить-DEP1-PRS-3Sg

Вид противоположного действия (оппозитив 1) обозначает действие, противоположное по значению тому действию, которое обозначено исходной основой. Образуется посредством суффикса -лга/-лгэ, например: *алудай* 'запрячь оленей' – *алулдадай* 'распрячь оленей', *ильчадай* 'заплетать' – *ильчалгадай* 'расплетать'.

Примеры употребления в говоре: *Оралчимна мавуту учалгаддан*. `Оленевод разматывает аркан.`

уча-лга-д-да-н

наматывать-OPP1- PROC- PRS-3Sg

Киаба учаки алалган. `Дедушка уздечку со своего ездового оленя снял.`

ала-лга-н

одеть уздечку- OPP1-3Sg

Аспектуальная группа интенсивности действия включает две видовые формы – вид ускоренного действия и интенсивный вид.

Форма вида ускоренного действия (интенсив) обозначает действие, протекающее со значительной скоростью, и образуется посредством суффикса -малчи/-мэлчи, например: *минэдэй* `отрезать` – *минэмэлчидэй* `быстро отрезать`, *уэндэй* `идти` – *уэнэмэлчидэй* `быстро идти`.

Примеры: *Акму ховнантикии хурэмэлчин*. `Старший брат идет, спеша, на работу`.

хурэ-мэлчи-н

идти-INT-3Sg

Унэ хэгэрникэн ондилактук ондив हुкумалчин. `Бабушка торопливо черпает воду из проруби`.

хуку-малчи-н

черпать- INT-3Sg

Форма вида однократного действия (моментарив) выражает однократный характер совершения действия, в эмоционально окрашенных контекстах имеет значение повышенной интенсивности действия. Образуется посредством суффикса -сан/-сэн/-сн (нижнеколымскому говору присущ вариант -хан/-хэн/-һн): *хондай* `ударить` – *хонасандай* `ударить один раз, ударить сильно`, *төрэндэй* `говорить` – *төрэсэндэй* `сказать (коротко, резко, категорично)`. Примеры: *Умнэкэн эһэчэдникэн гиркаддам, арай йаһнирам, һимкэһнэм олукаду*. *Эргидэтки ичэһнэм иту дэгилдэн, протеху*. `Еду тихонечко, оглядываюсь назад, и в это время кашлянула. Глянула, зуб вылетает, протез мой`.

һимкэ-һн-эм

кашлять-MOM-1Sg

ичэ-һн-эм

смотреть-MOM-1Sg

Ниари туйум һэпкэһэнчэ-дэ хурчэ. `Парень схватил посох и ушел`.

һэпкэ-һэн-чэ-дэ

хватать- MOM- PART.PRF-PRTCL

Аспектуальная группа дезидеративности действия включает виды глагола, которые выражают желание и стремление совершить действие.

Форма вида желания совершить действие (дезидератив) имеет значение желания, намерения, склонности совершить то или иное действие. Образуется при помощи суффикса -м и показателей индикатива -са/-сэ- для настоящего времени, -си- для прошедшего времени (в нижнеколымском говоре соответственно варианты -һа/-һэ/-һи), например: *хуклэдэй* `уснуть` – *хуклэмдэй* `хотеть спать`, *хуклэмсэм* `я хочу спать`; *гөндэй* `говорить` – *гөмдэй* `хотеть сказать`, *гөмсэн* `он хочет сказать`. Примеры употребления формы желательного вида в говоре: *Тачин муту таткат-титан, тигэми боллар би укчэнгэрэрэм таров обычайу, эр куналтики би таров таткачамһам*. `Так нас учили, поэтому я рассказываю об этом обычае и детей хочу научить этому`.

таткача-м-һа-м

учить-DES-PRS-1Sg

һули куһа һуклэмһин. `Младенец хотел спать`.

һуклэ-м-һи-н

спать-DES-PST-3Sg

Форма вида замедленного действия или стремления совершить действие (диминутив 1) с суффиксом -счи указывает на попытку, стремление совершить действие. Эта форма обозначает и замедленное во времени протекание действия, имеющего ослабленную интенсивность, не достигающего результата или находящегося в начальной фазе, например: *хаһандай* `шить` – *хаһанасчидай* `попытаюсь шить, шить (медленно, не спеша)`, *удандай* `идти (о дожде)` – *удасчидай* `идти, накрапывать (о небольшом дожде)`.

Примеры: *Д'э, татасчидам хаһандай гуми*. *Д'э, элэкэһ йалдивун бу оһолалбу кочайасчилдам, нандалбу исчилдам*. `Вот и стала пытаться учиться шитью. Начала пытаться выделывать камусы, пытаться обрабатывать шкуры`.

тат-асчи-да-м

учить- DIM1- PRS-1Sg

кочай-асчи-л-да-м

выделывать.камус-DIM1-INCH-PRS-1Sg

и-счи-л-да-м

обрабатывать.шкуру-DIM1- INCH-PRS-1Sg

Тарак һагдилти гусчиритэн: «Эд'иһил ноһарбутан һундикир. Матми бими букатын

мади́на». Тогда наши старики пытались предупредить: «Не надо их (волков) трогать. Если убиваешь, надо добивать».

гу-счи-ри-тэн

говорить-DIM1-PST-3PI

Аспектуальный разряд имитации действия представлен одной видовой формой, указывающей на подражание действию, которое выражено основной смысловой глагола. Вид имитации действия в литературном эвенском языке и говорах восточного наречия образуется аналитической конструкцией: суффикс -сан/-сон/-сэн + глагол *бидэй* 'быть', например: *долчисан бидэй* 'сделать вид, будто слушаешь', *колсон бидэй* 'сделать вид, будто пьешь'.

В нижнеколымском же говоре вид имитации действия образуется по следующей схеме: причастная основа + сравнительная форма (компаратив) *-гчин/-вчин* + вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'. Основной смысл подражания, имитации действия заключен в причастной основе, оформленной компаративом *-гчин/-вчин*, которая не выражает ни лица, ни числа. Морфологическими показателями вида, времени, лица, числа оформляется вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'.

Примеры: *Таткачимна ирэкэн, мут таҕадивчин биврэрэн*. 'Когда заходит учитель, мы делаем вид, будто читаем'.

тау-ади-вчин

би-врэрэн-п

читать-PART.PRS-CMPR   быть-ITR1-PRS-1PI

Этикэн иһчалан, нуличан көкэчэвчин биһин. 'Когда подошел старик, лиса сделала вид, будто мертвая'.

көкэ-чэ-вчин

би-һи-н

умереть-PART.PRF-CMPR   быть-PST-3Sg

Имеющиеся материалы по нижнеколымскому говору дают основание утверждать, что кроме вышеприведенных аспектуальных форм обнаруживаются и некоторые формы глагольного вида, которые ранее не были отмечены в имеющихся грамматических описаниях эвенского языка и других диалектов и говоров [Шарина, 2014].

Форма однократного интенсивного действия (ультраграмматический вид) образуется при помощи суффикса -нукан/-нукэн и дает значение однократности и интенсивности действия. В отличие от вида однократного действия (ментальный вид) выражает еще более край-

ную усеченность совершения действия, его более повышенную интенсивность. Форма однократного интенсивного действия, по нашим данным, используется как в восточных, так и в западных диалектах эвенского языка. Данную форму можно отнести к аспектуальной группе интенсивности действия.

Примеры употребления в нижнеколымском говоре: *Олукаду нуна паһануканни*. 'Неожиданно прогремел выстрел'.

паһа-нукан-ни

хлопать-UMO-3Sg

Нуарикан эмкэрдук нурунукэнни. 'Парень мгновенно спустился с горы'.

нуру-нукэн-ни

уходить-UMO-3Sg

Форма постоянно совершаемого действия (хабитуалис 3) в нижнеколымском говоре обозначает обычно совершающееся действие и образуется посредством суффикса -һна/-һнэ. По значению данная форма соотносима с видом обычно совершаемого действия на -ват/вэч// -вэт/-вэч, выражающего относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи. Данная форма, по нашим данным, употребительна и в других говорах западного наречия. Форму можно отнести к аспектуальной группе кратности действия.

Примеры употребления формы постоянно совершаемого действия в нижнеколымском говоре: *Адалу тууэррэ илукауннар*. 'Рыболовную сеть на озере ставят'.

ил-ука-һна-р

стоять-CAUS-HAB3-3PI

Тадук эмдэкэттэн болла, һиату эчин эрэ калталдид 'ур, эчин эрэ тарак тар долин бэйил могиладук эмдид 'ур иэлтэһнэр. 'Оттуда когда приходят, расщепляют вот так тальник и по нему проходят люди, пришедшие с кладбища'.

иэлтэ-һнэ-р

проходить-HAB3-3PI

Һадун долбини дулокандун өриһнэрэн первэй час деки-да. 'Иногда посреди ночи становимся стойбищем, в первом часу'.

өри-һнэ-рэн-п

становиться.стойбищем- HAB3-PRS-1PI

Форма многократного ослабленного действия (итератив 4), значение которой еще предстоит уточнить, образуется посредством суффик-

са -тна/-тнэ. В нижнеколымском говоре мы предварительно определяем данную форму как обозначающую многократное ослабленное действие с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения. Данную форму можно отнести к аспектуальной группе кратности действия.

Примеры употребления в нижнеколымском говоре: *Бакарһи буһкэли тикэтнэрит*. 'На скользком льду мы падали и падали.'

тик-этнэ-ри-т

падать-ITR4-PST-1Pl

Тиниптук һемкэллиди, нипкутнэриб. 'Со вчерашнего дня, кашляя, все задыхаюсь и задыхаюсь.'

нипку-тнэ-ри-в

задышаться-ITR4-PST-1Sg

Форма замедленного действия с модальным оттенком жалости (диминутив 2), образуется с помощью суффикса -йат/-йэт//йач/-йэч, обозначает, что действие или динамичный образ проявляются в замедленном темпе и характеризуются модальным оттенком определенной симпатии, ласки, жалости, сожаления по отношению к субъекту действия со стороны говорящего. Данную форму можно предварительно отнести к аспектуальной группе интенсивности действия.

Примеры употребления формы -йат/-йэт/-йач/-йэч в нижнеколымском говоре: *Эн'му адукутта абдучалби гача, нолимала тэгэйэччэ*. 'Мама несколько вещей взяла, на нарты уселась, бедная.'

тэг-эйэч-чэ

сидеть-DIM2- PART.PRF

Амму гуд'эике мунуавриди тар пэктурэми һэпкэниди, куратлиһи нукриди, д'э улкуйаттан. 'Бедный отец, с досады схватив ружье, сняв шапку, стал размахивать.'

улку-йат-та-н

махать- DIM2-PRS-3Sg

Вышеприведенное позволяет выявить следующие особенности в образовании и употреблении разрядов категории вида и способов глагольного действия в нижнеколымском говоре. Вид имитации действия в нижнеколымском говоре образуется аналитической конструкцией: причастная основа со сравнительной формой -гчин/-вчин + вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'. В говоре употребительны не отмечен-

ные ранее в грамматических описаниях четыре формы глагольного вида: форма интенсивного однократного действия (суффикс -нукан/-нукэн), форма постоянного действия (-һна/-һнэ), форма многократного ослабленного действия действия (-тна/-тнэ), форма замедленного действия с модальной оценкой жалости (-йат//ч/-йэт//ч).

Отмечается отсутствие следующих аспектуальных форм, присущих другим говорам и диалектам: форма редко совершаемого действия (-ван/-вэн//ин); форма ослабленного действия (-со); форма неоднократного отправления для совершения действия (-ни); форма противоположно направленного действия (-рга/-ргэ).

В речи нижнеколымских эвенов отмечается наибольшая частотность употребления форм вида обычно совершаемого действия (-ват/ч//вэт/ч-), форм неоднократно совершаемого действия (суффикс -гра//грэ//гара//гэрэ), форм постоянно совершаемого действия (суффикс -һна/-һнэ).

Итак, в статье описана система вербализации в эвенском языке на базе нижнеколымского говора. В сфере глагольного словообразования отличия нижнеколымского говора проявляются в фонетических и лексических особенностях языкового идиома, в составе суффиксов определенных морфологических категорий глагола и их структуре, а также в частотности употребления показателей.

Условные обозначения

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; CAUS – каузатив; CMPR – компаратив; CON – континуатив; DEP1 – департур 1; DEP2 – департур 2; DES – дезидератив; DIM1 – диминутив 1; DIM2 – диминутив 2; DUR – дуратив; FUT – будущее время; HAB1 – хабитуалис 1; HAB2 – хабитуалис 2; HAB3 – хабитуалис 3; INCH – инхоатив; INT – интенсив; ITR1 – итератив 1; ITR2 – итератив 2; ITR3 – итератив 3; ITR4 – итератив 4; INF – инфинитив; MOM – моментарив; OPP1 – оппозитив 1; OPP2 – оппозитив 2; PASS – пассив; PART.PRS – причастие настоящего времени; PART.PRF – перфектное причастие; Pl – множественное число; PROC – процессность; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PRTCL – частица; REC – реципрок; RFL – рефлексив; Sg – единственное число; UMO – ультрамгновенный вид.

Литература

Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. – Л., 1982. – 112 с.

Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. – Л., 1984. – 188 с.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. – Новосибирск: Наука, 2007. – 726 с.

Чареков С.Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. – СПб: Наука, 2004. – 104 с.

Шарина С.И. Некоторые особенности языка нижнеколымских эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №8, Ч.II. – С. 191–193.

Sharina S.I. The denominative verbal word-formation in Nizhnekolymsky dialect of the Even language // The Scientific Heritage. – 2017. – Т. 2, № 9 (9). – P. 123–125.

S.I. Sharina

The Verbalization System in the Even Language (on the material of the Nizhnekolymsky subdialect)

The article deals with the system of verbal word formation in the Lower Kolyma subdialect of the Even language. The Lower Kolyma subdialect, referring to the western dialect, has a number of distinctive features at all levels of the language. In the course of the study, five structural groups of syncretic forms of the name / verb type are identified by their semantic filling; the inventory of the verbal verbalizers characteristic of the Lower Kolyma subdialect is determined; the word-formation models of the second verb stems are described - the use in the Lower Kolyma subdialect of the suffixes of the pledge, the species.

In this subdialect, there is an absence of a joint form of pledge (cooperative). The following features are noted in the formation and use of the category of species and methods of verbal action: the form of imitation of action is formed by a special analytical construction, different from the eastern dialects; in the subdialect are used four forms of the verbal form, not noted earlier in grammatical descriptions: a form of intense single action, a form of constant action; a form of multiple weakened action and a form of delayed action with a modal assessment of pity.

The material for writing this article was the field materials of the author collected during field expeditions in the Nizhnekolymsky District of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2013-2015.

Keywords: Even language, Lower Kolyma subdialect, word-formation of verbs, denominative word-formation, deverbative word-formation.

А.С. Ларионова

DOI: 10.25693/LGI2218-1644.2018.03.24.018

УДК 398-054.4(=161.1)

Фольклор русских старожилов Якутии в трудах О.И. Чариной

В статье показан вклад известной исследовательницы фольклора О.И. Чариной в собирание, обработку и изучение русского старожильского фольклора в Якутии. Указываются научные истоки, которым следует О.И. Чарина. В 80-х гг. XX в. Чарина проводила экспедиционную работу в Приленье. Затем она перешла к сбору русского фольклора на Колыме и Индигирке (2000–2013). Ею издано большое количество научных трудов по фольклору русских старожилов Якутии: статьи, монография и тексты песен. Фундаментальным исследованием стала ее монография «Русские песни Приленья» (Новосибирск, 2009), в которой ею выявлено влияние якутского языка как в лексическом, так и в грамматическом отношениях на песенные жанры, сопровождавшие календарный и свадебный обряды. В настоящее время в поле ее научных интересов входит изучение фольклора русских Колымы и Индигирки (былины, исторические, лирические песни, сказки, народная проза) на уровне жанров, сюжетов, мотивов, образов. Она проводит сравнительное исследование фольклора русских старожилов Якутии с фольклором русских поселенцев Сибири и метрополии, занимается тематикой: поляки и русский фольклор Сибири.

Ключевые слова: фольклор, жанры, локальные традиции, взаимовлияние, монографии, научные статьи, полевые исследования, былины, лирические, исторические песни, сказки.

Русский фольклор в Якутии сотрудники Института истории и культуры при Якутском Совнаркоме начали записывать с 30-х гг. XX в. Так, Г.В. Ксенофонтов записал песни от русских на русском языке. В сборнике «Фольклор русского населения Приленья» приводятся песни, записанные Г.В. Ксенофонтовым [ФРНЯ, 1994, с. 10, 95–102].

В 1939–1941 гг. на Индигирке и Колыме в рамках Северной экспедиции, проведенной Институтутом языка и культуры при СНК ЯАССР,

русский фольклор записывал С.И. Боло [Чарина, 2017а, с. 69–73]. Затем, в 1946 г., в Русском Устье работала этнографо-лингвистическая экспедиция под руководством Т.А. Шуба, которая собрала значительный материал: сказки, былины, исторические, лирические и балладные песни, частушки, обрядовый фольклор и малые жанры [Чарина, 2017б, с. 68–72].

На основе материалов этих экспедиций был создан академический сборник «Фольклор Русского Устья», в работе над которым приняли

Ольга Иосифовна записывает фольклор от Екатерины Дормидонтовны Третьяковой (п. Черский, 2005 г.). Фото О.И. Чариной

участие якутские ученые М.Ф. Дружинина, Ю.Н. Дьяконова, А.Г. Чикачев [ФРУ, 1986]. Также в 1980–1990-х гг. Л.Н. Скрыбыкина исследовала былины Северо-Востока Якутии [Скрыбыкина, 1995].

С конца 1980-х гг. русским фольклором Якутии стала активно заниматься старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории (в настоящее время – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) О.И. Чарина. В настоящее время кандидат филологических наук, доцент по специальности «Фольклористика», Ольга Иосифовна Чарина является единственным в республике специалистом по фольклору русских старожилов Якутии. В область научных интересов О.И. Чариной входит исследование устного народного творчества русского населения Якутии, это – сбор материалов в экспедициях, поиск фольклорных текстов в архивах, публикация текстов, научное изучение локальных особенностей.

Чарина является ученицей известного ученого-фольклориста Сергея Георгиевича Лазутина. Среди его учеников – сотрудники кафедры русского фольклора и теории литературы Воронежского госуниверситета И.Л. Лазарев и Н.И. Копылова, Л.Б. Мартыненко,

работающая в Краснодарском госуниверситете, другие ученые, в том числе зарубежные.

Основные труды С.Г. Лазутина связаны с изучением поэтики фольклора, в частности, с изучением композиционных форм и приемов, организующих народную песню. Например, это работы «Русские народные песни» [Лазутин, 1965], «Поэтика русского фольклора» [Лазутин, 1981]. Долгое время в вузовском преподавании филологических факультетов важнейшим считался учебник «Русское устное народное творчество», написанный С.Г. Лазутиным совместно с Н.И. Кравцовым [Кравцов, Лазутин, 1983].

В период обучения в аспирантуре Воронежского университета О.И. Чарина впервые становится руководителем студенческих фольклорных экспедиций, и с этого времени она планомерно начинает заниматься полевыми исследованиями. Результатом кропотливой работы стала кандидатская диссертация «Свадебные песни Воронежской области», в которой ею впервые изучены цельный, в полном составе весь свадебный обряд Воронежской области и сопровождавшие его песни и причитания. В ходе исследования прослежена историческая судьба воронежской свадьбы и ее обрядовой лирики [Чарина, 1997].

Вернувшись на родину, Чарина начала разрабатывать тему бытования русского фольклора в старожильческих селах, по которой в то время не было достаточного материала для исследований и надо было заняться сбором фольклорного материала в многочисленных экспедициях по районам республики. Долгие годы в качестве начальника экспедиций она возглавляла полевые отряды не только по своей научной теме, но и комплексные, включающие этнографию и социологические исследования. Так, в 1989 г. О.И. Чарина начинает активный сбор русского старожильского фольклора в Якутии в Приленье: «В начале 90-х гг. (1989–1991, 1993) были осуществлены комплексные экспедиции силами сотрудников Якутского института языка, литературы и истории Л.Н. Скрыбкиной и О.И. Чариной, а также московских специалистов-музыковедов Э.Е. Алексеева, З.З. Алексеевой, фольклориста-языковеда С.Е. Никитиной» в Орджоникидзевский (Хангаласский), Олекминский, Ленский районы [Чарина, 2010, с. 38].

С 2001 г. О.И. Чариной начато обследование Северо-Востока Якутии. В августе 2005 г. в рамках работы над «Историко-культурным атласом “Якутия”» состоялась комплексная экспедиция в п. Черский, с. Походск, с. Колымское Нижнеколымского района.

В декабре 2013 г. состоялась поездка «Лингво-культурная экспедиция» в Нижнеколымский район для сбора материалов по культуре русских старожилов Колымы. В 2009 г. О.И. Чарина, А.С. Ларионова выезжали в Бурятию, в Иволгинский район по сбору фольклора русских Сибири для сравнительных исследований и изучения бытования фольклора в иноязычной среде. Эта экспедиция расширила круг исследовательских интересов О.И. Чариной. В последние годы ею проведены экспедиции по сбору материалов по фольклору в среднее Приленье (Хангаласский улус, 2016 г.; Мегино-Кангаласский улус, 2017 г.).

В целом экспедиционная работа О.И. Чариной позволила ей собрать фольклорный материал русских старожилов Якутии и сравнительный материал по якутскому фольклору и фольклору русских Сибири.

На основе собранного материала Чариной опубликовано более 100 научных и научно-

популярных работ, монография, сборник текстов, главы монографий, статьи, публикации и тезисы в журналах различных уровней, в том числе и зарубежных, преимущественно посвященных фольклору русских старожилов Якутии. Труд О.И. Чариной «Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта)» стал первой публикацией народных песен русских Хангаласского и Олекминского улусов, записанных в 1989–1991 гг. [ФРНЯ, 1994]. В ней впервые собраны разнообразные песенные жанры русских старожилов Приленья. Помимо свадебных, были представлены также календарные, хороводные, любовные, шуточные, солдатские, песни о доле, тюремные песни и частушки. Книга опирается на фольклорные материалы, собранные ею в экспедициях в данные улусы. Одной из ее значительных работ является монография «Русские песни Приленья» (Новосибирск, 2009) [Чарина, 2009]. В ней исследованы локальные особенности фольклора русских старожилов Приленья на примере обрядовых свадебных, хороводных и необрядовых солдатских и любовных песен, а также песен литературного происхождения и городского романса. Ею выявлено, что своеобразие местного фольклора, обусловленное двуязычием его носителей, заключается в репертуарном предпочтении одних обрядов и песен и утрате или полном игнорировании других.

Работая в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН, О.И. Чарина нашла и опубликовала тексты исторических песен, былин и лирических песен, собранных Д.И. Меликовым, которые он зафиксировал в период работы в рамках Сибиряковской экспедиции в 1893 г. Это 14 песен и былин, которые дополнили массив песен, записанных В.Г. Богоразом на Нижней Колыме в рамках этой же экспедиции [Чарина, 2013, с. 419–437]. В современный период О.И. Чарина изучает фольклор русских старожилов Колымы и Индигирки, а также особенности полевых исследований своих предшественников по фольклору русских Якутии.

На основе проблематики и методологии, разработанной в кандидатской диссертации, О.И. Чариной были проведены исследования по фольклору русских старожилов Приленья. Фольклор русских старожилов Приленья стал

одной из основных проблем, которые она изучает вплоть до настоящего времени.

Локальные особенности русских старожилow Приленья, по ее мнению, связаны также с развитием некоторых мотивов, которые указывают на местные географические названия. Лексические и грамматические заимствования чаще встречаются в песенных жанрах календарного и свадебного обрядового фольклора русских старожилow Приленья. О.И. Чарина пишет, что «характерной особенностью русских старожилow Приленья является нечеткое согласование», что отразилось в фольклорных текстах, например, «в приленском варианте героической «Сказки про Илью Муромца» говорится: “Этот мешок до половины провалился”» [Чарина, 2015а, с. 86].

Порой под влиянием якутского языка появляются лексические неясности, например, «колдовская шпага» вместо «солдатской шпаги», «кипяченая вода» вместо «ключевой воды» [Там же].

По мнению О.И. Чариной, в меньшей степени якутскому влиянию подверглись тексты солдатских песен. При этом исследовательницей песни русских старожилow Приленья сравниваются с песенными жанрами не только метрополии, но и Сибири. Так, сравнивая варианты песни «Соловей кукушку уговаривал», бытовавшие в Приленье и на Индигирке, с вариантами, распространенными в Центральной России и в Сибири, она пишет, что, например, «в Туве бытует вариант данной песни, где текст ограничен только первой, символической частью: “соловей кукушку уговаривал, выпарим, кукушка, два детеныша... кукушонка и соловья”» [Чарина, 2009, с. 34]. Эта песня в Приленье имеет более развитые мотивы: соловей кукушку уговаривает, просит завести «кукуретка» и «соловья», далее следует мотив, переводящий развитие сюжетной ситуации в реальную плоскость: речь идет о молодце и девушке [Там же, с. 84–85]. На основе исследования автор делает вывод, что «песни русских старожилow отражают их “двойное” мировосприятие, сформировавшееся под воздействием как русской, так и якутской культуры» [Там же, с. 69].

На основе экспедиционных материалов ею проведены научные исследования по различным

аспектам изучения фольклора русских старожилow Якутии. Помимо трудов, посвященных фольклору русских Приленья, основанных на материалах, записанных в экспедициях, в статье «Колыма и Индигирка: традиционная русская культура» [Чарина, 2015б, с. 223–227] на базе произведений фольклора, записанных в экспедициях 2003 и 2005 гг., она проводит сравнение, показывающее ряд взаимовлияний в русском, якутском и палеоазиатском фольклоре с упором на русский фольклор.

Как пишут В.Л. Кляус и С.В. Супряга, «в более обстоятельном, хотя и меньшем по объему сборнике О.И. Чариной “Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта)” содержится 96 собственно песенных текстов, и в двух из них встречается якутская лексика. Первая песня отнесена составительницей к свадебным:

Сегодняшний день –

Радостный день!

Веселье, веселье,

Веселенький час!

Үнкүүлүүлэр (танцуют), благословляют» [Кляус, Супряга, 2006, с. 88–89].

Таким образом, исследовательница продолжила здесь изучение свадебных песен русских старожилow Приленья. Опубликованные в ней жанры фольклора русских Хангаласского и Олекминского улусов послужили основой не только ее монографии «Русские песни Ленского тракта», но и большого числа научных статей. Думается, что в будущем молодые исследователи тоже могут опираться на этот труд Ольги Иосифовны.

Ряд работ О.И. Чариной посвящен историческим песням и былинам, бытовавшим на Нижней Колыме и в устье Индигирки. Так, былина о Мишеньке Даниловиче или о Тите Харафотьевиче «бытовала и на Колыме, и на Индигирке» [Чарина, 2011, с. 43]. Как и Ю.И. Смирнов, О.И. Чарина отмечает, что на Индигирке «нет и следа киевизации», то есть все действие былины происходит в пределах Иерусалима, в то время, как на Колыме эпическое действие происходит вблизи «стольного Киев-града» [Там же, с. 45]. Таким образом, в спектр научных интересов Чариной входит важная тема сравнения характера жанров, текстов, которые бытовали на Колыме и Индигирке.

Так, в статье «Сказители Походска XIX в.» [Чарина, 2017а, с. 75–83], изданной в 2017 г. Ольга Иосифовна поднимает вопросы, связанные с уточнением авторства некоторых произведений фольклора, записанных Д.И. Меликовым. На основе сравнения вариантов песни о графе Чернышове она делает предположение, что исполнителем, чье творчество зафиксировал Д.И. Меликов, был Митрофан Кривогорницын.

О.И. Чарина также занимается изучением исследований фольклора русских Сибири поляками. По данной проблематике она в 2001 г. выступила с докладом «Русско-польско-якутские связи в произведениях В. Серошевского» на международной конференции «Польша и Сибирь – встреча двух миров» в г. Лодзь (Польша), организованной факультетом Истории Лодзинского университета». В 2015 г. на международной конференции «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)» в Варшаве (Польша), организованной Институтом русистики Варшавского университета, она сделала доклад «Польский исследователь В. Серошевский о русско-якутских фольклорных связях (на примере фольклорных образов)». В рамках данной конференции выступала с лекциями перед студентами Института русистики об основных направлениях своей работы.

Таким образом, О.И. Чарина занимается сравнительным изучением фольклора русских Якутии с фольклором русских, проживающих в Сибири и в Центральной России, а также исследует некоторые особенности поэтики якутского фольклора, проявившиеся в ткани русского фольклорного текста. Также темой её исследований остаются вопросы изучения русского фольклора поляками. Она своей научной деятельностью вносит весомый вклад в дело изучения устного народного творчества русских старожилов Якутии.

Литература

Кляус В.Л., Сутрыга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. – 214 с.

Кравцов Н.И., С.Г. Лазутин. Русское устное народное творчество. – М.: Высш. шк., 1983. – 448 с.

Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для студентов филологических специальностей университетов. – М.: Высш. шк., 1981. – 222 с.

Лазутин С.Г. Русские народные песни: пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1965. – 291 с.

Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск: Наука, 1995. – 364 с.

Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / сост. О.И. Чарина. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 132 с.

Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.

Чарина О. И. Русские свадебные песни Воронежской области: автореф. дис... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 1997. – 18 с.

Чарина О.И. Русские песни Приленья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 160 с.

Чарина О.И. Экспедиционная деятельность по изучению русского фольклора Якутии в 90-е гг. XX в. // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция. – Новосибирск: Наука. – 2010. – С. 36–45.

Чарина О.И. Былина о Тите Харафонтьевиче, записанная Д.И. Меликовым в Нижнеколымском крае Якутской области в 1893 году // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 35–45.

Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д.И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. – СПб., 2013. – Вып. 8. – С. 419–437.

Чарина О.И. Характер билингвизма в русских фольклорных текстах в Якутии // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015а. – № 7. – С. 84–91.

Чарина О.И. Колыма и Индигирка: традиционная русская культура // Платон Алексеевич Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель: матер. регион. науч.-практ. конф. с росс. и междунар. участием. Якутск, 25–26 ноября 2013 г. – Якутск, 2015б. – С. 223–227.

Чарина О.И. Сказители Походска XIX в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Сер. Эпосоведение. – 2017а. – Т. 2, № 6. – С. 75–83.

Чарина О.И. Особенности проведения экспедиции 1946 г. в Русское Устье // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017б. – № 12, ч. 3. – С. 68–72.

Чарина О.И. Боло как собиратель русского фольклора: фиксации 1940–1941 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76). – Ч. 1. – С. 69–73.

Сокращения

ФРНЯ – Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / сост. О.И. Чарина – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 132 с.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.

A.S. Larionova

**Folklore of the Russian Old-Timers of Yakutia
in Olga Iosifovna Charina's Researches**

Broad scientific activity Senior Researcher department of folklore and literature O.I. Charina is presented in article. It for the first time studied folklore of the Russian old-timers of Prilenya, a large number of scientific works on this perspective is published: articles, monograph and texts of lyrics. In scientific activity of O.I. Charina field researches have an important role. She carries out scientific expeditions not only in Yakutia, but also in Russia, since the beginning of the 80th of XX century. Now in the field of its scientific interests studying of folklore of Russians old-timers, which living near of Kolyma and Indigirka. Comparative researches of folklore of the Russian old-timers of Yakutia with folklore of the Russians of Siberia and the mother country, and also subjects: Poles and folklore of Siberia. O.I. Charina actively works on various Russian and International grants. Together with A.E. Zakharova took part in creation of the File according to the Yakut heroic epos Olonkho for representation in UNESCO. She has awards of Yakutia and Russia for fruitful scientific work.

Keywords: folklore, genres, local traditions, monographs, scientific articles, field researches, conferences, grants.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru

Васильев Валерий Егорович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, valera305@mail.ru

Васильева Надежда Матвеевна – к.ф.н., н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, tnm69@mail.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна – к.и.н., в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, lilivin@mail.ru

Винокурова Светлана Иннокентьевна – завуч по учебной работе Сватайской средней общеобразовательной школы им. Г.Г. Колесова Среднеколымского улуса, учитель истории и обществознания.

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, detample@yandex.ru

Данилова Надежда Ивановна – д.ф.н., г.н.с., и.о. зав. отделом якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nadiv2008@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич – к.ф.н., в.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, fedjatschkov0801@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, haar-haar@mail.ru

Курилова Самона Николаевна – к.ф.н., с.н.с., и.о. зав. отделом северной филологии ИГИиПМНС СО РАН, samonakur@mail.ru

Ларионова Анна Семеновна – д. искусств., г.н.с. отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН, degerenan@mail.ru

Нелунов Анатолий Гаврильевич – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.

Николаева Альбина Михайловна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, aliasams@rambler.ru

Попова Наталья Иннокентьевна – к.ф.н., ВРИО директора ИГИиПМНС СО РАН, nat.porova@rambler.ru

Санникова Яна Михайловна – к.и.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, sannikowa@mail.ru

Слепцов Петр Алексеевич – д.ф.н., проф., г.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, petr.slepcev@mail.ru

Сулейманов Александр Альбертович – к.и.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, alexas1306@gmail.com

Филиппова Виктория Викторовна – к.и.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, filippovav@mail.ru

Шарина Сардана Ивановна – к.ф.н., в.н.с. отдела северной филологии ИГИиПМНС СО РАН, sarshar@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Antonov Egor Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, antegor@yandex.ru

Vasilyev Valery Egorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera305@mail.ru

Vasilyeva Nadezhda Matveevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, tnm69@mail.ru

Vinokurova Lilia Innokentievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lilivin@mail.ru

Vinokurova Svetlana Innokentievna – the Head Teacher of the Svataisk Secondary School named after G.G. Kolesov, Srednekolymsky Ulus, the Teacher of History and Social Studies.

Grigoryev Stepan Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, detample@yandex.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, the Head of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nadiv2008@mail.ru

Dyachkovsky Fyodor Nikolayevich – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, fedjatschkov0801@mail.ru

Ivanova Nina Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Senior researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, haar-haar@mail.ru

Kurilova Samona Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Northern Philology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, samonakur@mail.ru

Larionova Anna Semenovna – Doctor of Art, Chief Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, degerenan@mail.ru

Nelunov Anatoly Gavrilievich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch.

Nikolaeva Albina Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, aliasams@rambler.ru

---

Popova Natalia Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Acting Director of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nat.popova@rambler.ru

Sannikova Yana Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sannikowa@mail.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of the Yakut language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, petr.slepcov@mail.ru

Suleimanov Alexander Albertovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, alexas1306@gmail.com

Filippova Victoria Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, filippovav@mail.ru

Sharina Sardana Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarshar@mail.ru

---

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–36 страницы (20000–60000 знаков). Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка. На полях рукописи должны быть указаны места желательного размещения иллюстраций.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Библиографическое описание публикации в списке литературы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Необходимо дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК, а также присваивается номер DOI (Digital object identifier – идентификатор цифрового объекта), который позволяет безошибочно находить произведение в сети Интернет.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70425 от 20 июля 2017 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 06.09.2018. Дата выхода в свет 25.09.2018

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.17,7. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
